

Вокруг Света

№ 11-12

Журнал приключений, путешествий,
научной фантастики и краеведения

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес: Москва, Новая пл., д. 6.

Тел. К-183-75.

№ 11-12

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

1939

Великому продолжателю дела Ленина — товарищу Сталину

Дорогой друг и боевой товарищ!

Центральный Комитет большевистской партии горячо приветствует тебя, друга Ленина и великого продолжателя его дела, вождя партии и советского народа — в день твоего шестидесятилетия.

Более сорока лет ты служишь делу пролетарской революции, делу рабочего класса и всего трудового народа. Ты был вернейшим соратником Ленина в его борьбе за партию, за диктатуру пролетариата. Вместе с Лениным многие годы ты строил и выковывал могучую большевистскую партию. Вместе с Лениным ты вел партию и рабочий класс на вооруженное восстание в Октябре 1917 года. Как ближайший помощник Ленина, ты непосредственно руководил всем делом подготовки Октябрьского восстания и успешным завоеванием власти рабочим классом.

В годы отечественной гражданской войны против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины ты, товарищ Сталин, под руководством Ленина был непосредственным вдохновителем и организатором побед Красной армии на всех фронтах, где решалась судьба революции.

После смерти Ленина партия большевиков под твоим мудрым руководством, преодолев огромные трудности на своем пути, привела нашу страну к победе социализма.

Презренные враги народа троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы хотели отнять у рабочего класса, у советского народа веру в возможность победы социализма в нашей стране, неоднократно пытались подорвать партию изнутри, разбить единство большевистской партии, погубить советскую власть и социалистическую революцию. В упорной принципиальной борьбе с врагами социализма, врагами партии, под твоим руководством в борьбе за ленинизм сплотился Центральный Комитет и вся наша партия. Ты отстаивал ленинскую теорию возможности победы социализма в одной стране, развил эту великую теорию дальше, вооружил ею партию и миллионные массы трудящихся Советского Союза — это обеспечило разоблачение и разгром врагов революции.

Под твоим руководством партия большевиков осуществила социалистическую индустриализацию страны, создала новые индустриальные очаги и районы, первоклассные заводы тяжелой и легкой индустрии, мощные заводы машиностроения, что обеспечило техническую реконструкцию всего народного хозяйства и вооружение новейшими средствами обороны СССР. Под твоим руководством партия совершила такой глубокий революционный переворот в деревне, как сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса, обеспечив на основе победы колхозного строя культурную и зажиточную жизнь многомиллионного крестьянства. Наша страна стала могучей индустриальной державой, страной крупного коллективного земледелия, страной победившего социализма.

На основе этих успехов идет быстрый подъем культуры народов Советского Союза. Создана советская интеллигенция, преданная Советской власти, делу социализма.

Партия и Советская власть под твоим руководством создали вооруженную первоклассной техникой могучую и непобедимую Красную Армию, являющуюся надежной защитой нашей родины от всех внешних врагов.

Рабочий класс в союзе с крестьянством, под руководством большевистской партии, уничтожил навсегда эксплуатацию человека человеком и утвердил новый, социалистический строй в СССР, не знающий ни кризисов, ни безработицы, обеспечивающий неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Этот главный итог нашей борьбы имеет всемирно-историческое значение, он укрепляет у трудящихся всего мира веру в торжество социализма.

Наша партия под твоим исключительно активным и непосредственным руководством создала могучее многонациональное советское государство, укрепила великую и нерушимую дружбу народов СССР — залог их процветания и непобедимости. Новая Конституция СССР, Конституция победившего социализма и развернутой социалистической демократии, по справедливости, названа народом Сталинской Конституцией.

Также, как и Ленин, ты, товарищ Сталин, всегда придавал и придаешь величайшее значение развитию и пропаганде революционной теории. Твои классические теоретические работы, ставшие достоянием миллионов людей в нашей стране и во всем мире, являются дальнейшим развитием марксизма-ленинизма в новых условиях эпохи империализма и пролетарской революции, эпохи победы социализма на одной шестой части земли. Ты развил марксистско-ленинскую теорию государства, разработав учение о социалистическом государстве в условиях капиталистического окружения. Вооружая партию марксизмом-ленинизмом, неустанно сплачивал ее организационно. На этой основе осуществлено сталинское единство нашей партии.

Одним из замечательных успехов большевистской партии, достигнутых благодаря твоей заботе и руководству, является быстрый рост кадров, выдвижение многих тысяч новых работников социалистического строительства и обороны страны социализма.

Отдавая все свои силы великому служению народу, — ты, товарищ Сталин, также как и Ленин, любишь свой народ и неотделим от народа. Также как Ленин, ты окружен горячей любовью трудящихся Советского Союза и всего мира.

Сегодня наша партия и народы Советского Союза, приветствуя тебя в день шестидесятилетия, сплочены как никогда вокруг своего Центрального Комитета под знаменем Ленина — Сталина и готовы к дальнейшей борьбе за полную победу коммунизма.

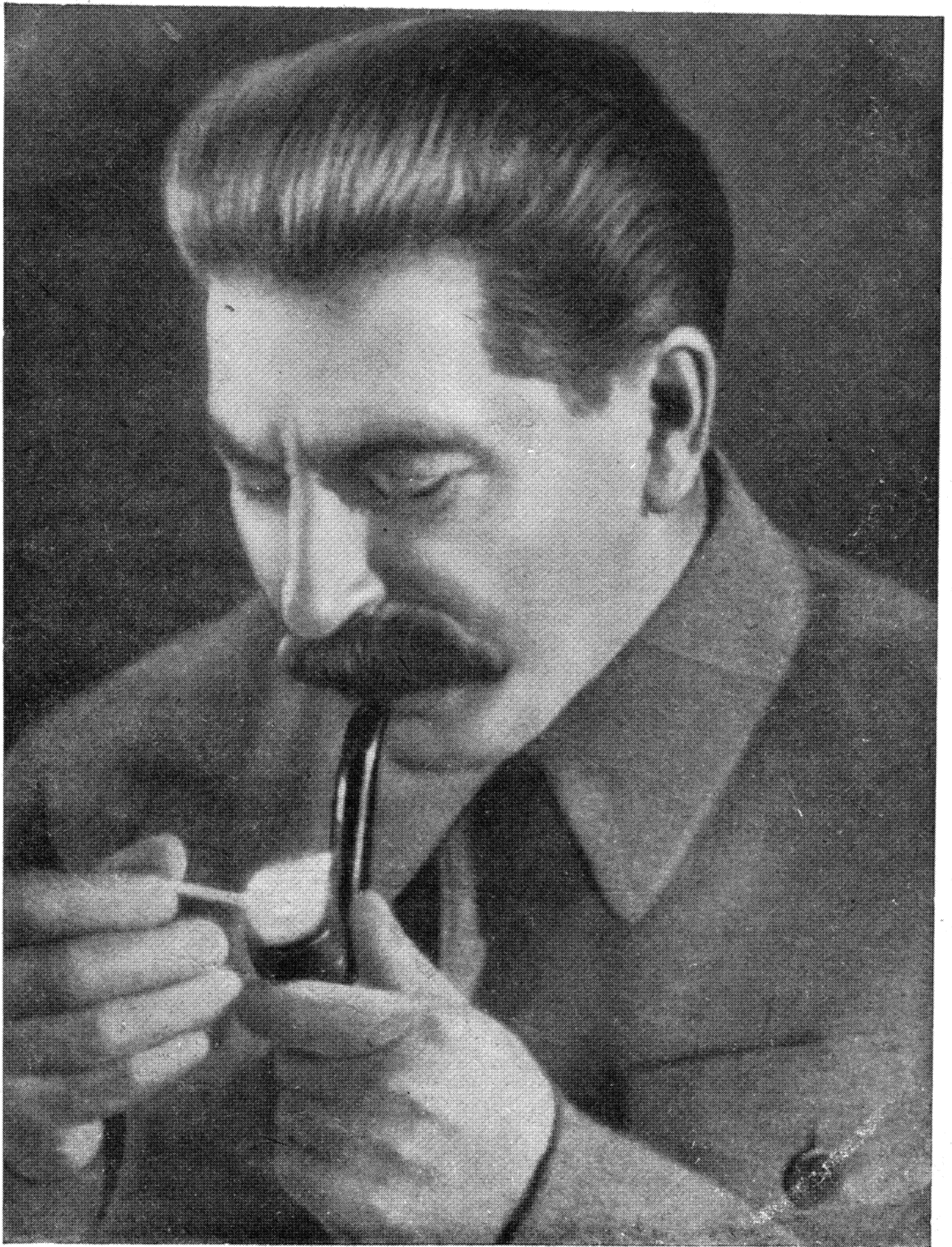
Да здравствует непобедимая партия большевиков, партия Ленина — Сталина!

Живи долгие годы, наш родной Сталин, на радость партии, рабочего класса, народов советской земли и всего мира!

Центральный Комитет Всесоюзной
Коммунистической партии (большевиков).

20 декабря 1939 года.

Сталин	2
П. Михайлов. Великая дружба	3
П. Куридзе. «Солнце будет сиять для нас!»	6
Где жил и работал Сталин	8
Н. Вержбицкий. Гори	9
Завидуя вам, русские!	11
В. Васильевская. На освобожденной земле	12
Л. Платов. Концентраг Сна	14
Н. Грибачев. Черная Ламба	20
У берегов Балтики	28
С. Нариньяни. Человек из «Орляной л.»	30
Ю. Буше. Война теней	32
Л. Григоров. Летящие лаборатории	37
Колониальная Африка	40
А. Комаров. В пустыне Усть-Урт	42
На обложке: репродукция с картины И. Вещицкого «Товарищ Сталин среди своих соратников».	
Кешхвели, Цудукидзе, Шаумяна, А. Джапаридзе, З. Чобришвили и М. Бочоридзе.	

И. В. СТАЛИН.

СТАЛИН

Иосифу Виссарионовичу Сталину исполнилось 60 лет.

Вся наша страна и миллионы ее друзей за границей торжественно отметили этот юбилей.

Так здравствуй, Сталин, и сто лет живи.
Сияй, как солнце, для побед живи!
И нас веди дорогой побед!
Прими страны счастливейшей привет.

На всех языках звучат песни в честь Сталина.

Сталин — самое дорогое и любимое имя для патриотов нашей великой родины.

Счастье и радость народа связаны с именем Сталина. Сталин — в мыслях и делах советских людей.

Согретые сталинской заботой, граждане СССР самоотверженно трудятся на благо своей родины, на радость Сталину.

С мыслями о Сталине дерзают и творят ученые, люди передовой советской науки.

С мыслями о Сталине совершают героические подвиги верные патриоты нашей страны.

И с именем Сталина советские люди бесстрашно идут в бой, не щадя своей жизни.

Наша яркая и прекрасная эпоха наполнена изумительными примерами доблести и героизма советских людей, которыми руководит, которых вдохновляет Сталин.

Великий вождь и друг трудящихся, железный полководец революции, Сталин уверенно ведет советский корабль к торжеству коммунизма.

Вокруг Сталина железной когортой стоит ленинский Центральный Комитет и невиданная в истории могучая большевистская партия.

Вокруг Сталина — весь советский народ и все передовое и прогрессивное человечество.

Непоколебимый ленинец, один из лучших испытанных представителей старой большевистской гвардии, Сталин вот уже свыше сорока лет из шестидесяти отдаст все свои силы, энергию и знания бессмертному делу Маркса — Энгельса — Ленина.

Борьба за счастье трудового народа, за его светлое будущее, за коммунизм — вот цель и смысл жизни Сталина.

Говорить о Сталине — это значит говорить о героических страницах истории нашей партии. Жизнь Сталина неразрывно связана с историей ВКП(б).

Сталин вместе с Лениным, под его руководством создавал и укреплял партию большевиков.

Сталин в жестоких боях с оппортунизмом отстоял чистоту ленинского учения.

Сталин сплотил партию и повел ее на борьбу за генеральную линию, начертанную Лениным.

Под руководством Сталина Советский Союз стал великой, могучей мировой державой. Благодаря Сталину наша партия справилась

с гигантской исторической задачей, построив социализм в условиях враждебного капиталистического окружения.

Создание могучей индустрии и мощного социалистического земледелия, создание славной непобедимой Красной армии, расцвет социалистической культуры, огромные успехи во внешней политике СССР — во всем и везде виден гений Сталина.

Враги партии и народа не случайно направляли свои главные удары против Сталина. Но бдительность и зоркость Сталина явились той силой, о которую разбивались вражеские, коварные планы.

Гений Сталина, его ленинская прозорливость помогли партии нанести сокрушительное поражение врагу.

Партия, весь советский народ и мировое революционное рабочее движение учатся у Сталина, как нужно бороться и побеждать.

Миллионы людей и в СССР и за границей черпают силы в бессмертной мудрости Сталина, в его славной героической жизни.

Молодежь нашей страны особенно многим обязана товарищу Сталину.

Сталин, как заботливый отец и друг, растит и лелеет молодое поколение граждан СССР.

Под солнцем Сталинской Конституции пышно цветет юность. Страна социализма открыла молодым людям безграничные просторы проявления своих творческих способностей и дарований.

Учись и твори, учись и созидай!

Многомиллионный ленинский комсомол, выросший заботами Сталина в огромную силу, является подлинной сталинской школой коммунистического воспитания подрастающего поколения.

И в мирном труде, и на полях сражений с врагами наша замечательная молодежь делом доказывает свою безграничную преданность Сталину и матери-родине.

Отмечая шестидесятилетие товарища Сталина можно только пожелать, чтобы советская молодежь еще упорнее, еще энергичнее училась большевизму, главным знаменосцем которого является Сталин.

Народные массы всего мира видят в Сталине своего близкого друга, мудрого учителя и вождя. Международное коммунистическое движение развивается и крепнет под знаменем Сталина — великого продолжателя дела Ленина.

Каждый новый успех Советской страны, каждая новая победа социализма в СССР придают больше сил и бодрости зарубежным рабочим, борющимся против капиталистического рабства.

И там растет и множится мужественное поколение людей сталинской закалки. Оно не знает робости и страха в борьбе за светлое будущее человечества.

Коммунистический интернационал молодежи, созданный при ближайшем участии Ленина и Сталина, сплачивает и организует вокруг себя лучшие пролетарские силы революционной молодежи.

Коммунистическая молодежь непоколебимо идет по ленинско-сталинскому пути. А сколько волнующих и героических страниц вписано комсомольцами капиталистических стран в историю революционной борьбы!

Где бы ни приходилось: в подполье или в жестоких открытых схватках с врагом, — молодежь сталинской закалки показывает выдающиеся образцы мужества и героизма.

Разве не о сталинской твердости, непоколебимости и преданности своему делу говорит следующее письмо:

«Несмотря на истязания, пытки, мы упорно ведем агитационно-пропагандистскую работу, пишем тезисы, делаем доклады, проводим курсы по истории ВКП(б), изучаем вопросы ленинизма. В последнее время мы изучаем произведения Сталина о строительстве социализма в одной стране. Все это делаем нелегально, тайком, в кружках по три человека, в камерах, во время прогулок и даже в бане. В этой работе черпаем силы, чтобы выдерживать все мучения. Будьте уверены, мы не дадим сломоть себя».

Так писала группа комсомольцев, которых панская Польша бросила в тюрьму. Они выдержали, эти смелые орлята, и дождались прихода нашей могучей Красной армии, раздавившей и уничтожившей власть чудовищного произвола и насилия.

В будущих классовых боях такая молодежь покажет еще, на что она способна.

С огромной надеждой и пламенной верой в окончательную победу коммунизма трудящиеся нашей родины и всего мира смотрят сейчас на своего вождя, друга и учителя — великого Сталина.

Советский народ славит имя вождя. Миллионы людей с любовью и гордостью обращают свои взоры к наследнику великого Ленина — родному, любимому Сталину.

...На наше счастье ты родился, наш отец!
Благодарим тебя от глубины сердец.
...Страна забыла гнет под знаменем твоим,
Плыл лед полярный под знаменем твоим,
Мы подвиги твоим под знаменем твоим!
И смерть мы покорим под знаменем твоим.
На счастье наше ты живешь, отец! Так будь
На долгие годы непобедим твой путь,
На долгие годы живи и будь здоров,
К нам — ласков, а к врагам — безжалостно суров.

...Наследник Ленина, для нас — ты сам Ильич.
Нет тех высот, чтоб нам с тобою не достичь
Нет тех преград, чтобы мы не рушили с тобой,
Веди нас дальше, вождь, веди в последний бой.

Под этими строчками подписались 500 тысяч колхозников, рабочих и представителей интеллигенции солнечного Узбекистана. Но здесь выражены мысли всего могучего советского народа.

*Встреча В. И. Ленина и И. В. Сталина на первой конференции РСДРП в г. Таммерфорсе (Финляндия).
Декабрь 1905 г. — С картины художника И. Вепхадзе.*

Великая дружба

История знает немного примеров великого идейного содружества великих людей. Такой была дружба Маркса и Энгельса. Борясь вместе за высокие и благородные идеалы, они дали человечеству могучее, революционное, идейное оружие. Маркс и Энгельс впервые указали на историческую миссию пролетариата как освободителя трудящихся от капиталистического рабства. Они высоко подняли над миром красное знамя коммунизма, на котором начертали: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Марксу и Энгельсу не суждено было донести его до победного конца. Но славное боевое знамя марксизма понесли другие испытанные и твердые руки.

Конец прошлого столетия. В России создается партия революционных марксистов. Во главе ее Ленин — выдающийся профессиональный революционер, гениальный ум, человек смелой мечты и действий. Он у колыбели новой партии, пестует и укрепляет ее.

Вокруг Ленина группируется все лучшее, что рождает российское рабочее движение. Множатся ряды стойких, мужественных борцов за дело рабочего класса.

Редактируемая Лениным газета «Искра» превращается в центр собирания сил.

Сталин — великий сын грузинского народа — в это время ведет активную революционную работу в Закавказье. Он становится во главе закавказских ленинско-«искровских» организаций, является их основоположником.

Сталин принимает участие в организации подпольной типографии, где печатается ленинская «Искра». Сталин пишет брошюры, листовки, создает и редактирует подпольные газеты, в которых блестяще пропагандирует марксистско-ленинское учение. Сталин руководит массовыми рабочими выступлениями, эхо которых прокатывается по всей стране.

В 1903 году Сталин, находившийся в это время в Сибири, в ссылке, получает от Ленина письмо, которое кладет начало знакомству между Лениным и Сталиным. Вспоминая об этом письме через несколько лет, товарищ Сталин рассказывал кремлевским курсантам:

«Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто

и ясно, сжато и смело — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению».

Два года спустя, на Таммерфорской конференции, в декабре 1905 года, Ленин и Сталин встретились впервые. И с тех пор они шли всегда вместе рука об руку — величайший вождь угнетенных народов и его лучший ученик и стойкий соратник.

Росла и крепла эта дружба, рожденная в совместной борьбе за светлое будущее России.

В огне революции и беспощадных боях с врагами закалялась эта дружба, ставшая выдающимся и замечательным примером большевистской верности своему народу, своему классу.

Ленин и Сталин неустанно крепили нашу партию, воспитывая ее в духе беззаветной преданности рабочему классу, делу социализма.

В. И. Ленин, И. В. Сталин и Л. М. Каганович среди делегатов всероссийской конференции военных организаций большевиков. Июнь, 1917 г. — С рисунка художника П. Васильева.

Сталин по-ленински, решительно и непримиримо, ведет борьбу с меньшевиками, ликвидаторами, примиренцами и другими мелкобуржуазными течениями в рабочем движении.

В 1910—1911 годы центральный орган партии газета «Социал-демократ» печатает яркие и сильные, дышащие революционной страстью, корреспонденции Сталина (псевдоним Коба).

Об одной из таких сталинских статей Владимир Ильич писал:

«Корреспонденция т. Кобы заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией... Луч-

шее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей» и «соглашателей» трудно себе представить...» (Ленин, Соч., т. XI, ч. 2, стр. 358).

Верный солдат революции, пламенный большевик, Сталин всегда без колебаний шел за Лениным. Ни тюрьмы, ни ссылки не могли сломить Сталина, его железной воли к борьбе за торжество дела Маркса — Энгельса — Ленина.

В грозный 1917 год Сталин возвращается из последней ссылки и вместе с Лениным, под его руководством prepares решающий штурм российского капитализма.

В. И. Ленин и И. В. Сталин с красногвардейцами в Смольном в 1917 году. — С рисунка художника П. Васильева.

Всемирно-историческая победа большевиков в октябре 1917 года стала возможной потому, что у революции были такие вожди, как Ленин и Сталин.

На всех этапах революции, на всех крутых поворотах, совершаемых партией под руководством Ленина, Сталин непоколебимо идет за Лениным, являясь его верным помощником и стойким соратником. Во время заключения Брестского мира в 1918 году Ленин, поддерживающий телеграфную связь с советской делегацией в Бресте, отвечает делегации:

«Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на ваш вопрос...»

И затем Ленин передает по прямому проводу:

«Сейчас приехал Сталин, обсудим с ним и сейчас дадим вам совместный ответ» (журнал «Пролетарская революция» № 88).

Когда возник вопрос о назначении Сталина руководителем комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции, Ленин говорил: «Дело гигантское. Но для того, что-бы уметь обращаться с проверкой, нужно, что-бы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах» (Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 264).

Там, где для страны был наиболее важный и ответственный участок, туда партия, Ленин посылала Сталина.

Он руководит комиссариатом национальностей, призванным обеспечить ленинскую национальную политику в огромной стране, где живут 175 народностей. Сталин пишет историческую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». При непосредственном участии Сталина происходит строительство национальных республик. По поручению Ленина Сталин становится во главе продовольственного дела на юге России. И в условиях, когда молодая республика задыхалась в тисках блокады и интервенции, Сталин добивается того, что центр получает необходимое продовольствие.

Во время гражданской войны Сталин, по поручению Ленина, переезжает с фронта на фронт, организуя сокрушительный отпор белогвардейским полчищам. Петроградский, царицынский, пермский, южный (деникинский), западный (антипольский) фронты — везде и всюду Сталин по-ленински выполняет поставленные перед ним задачи.

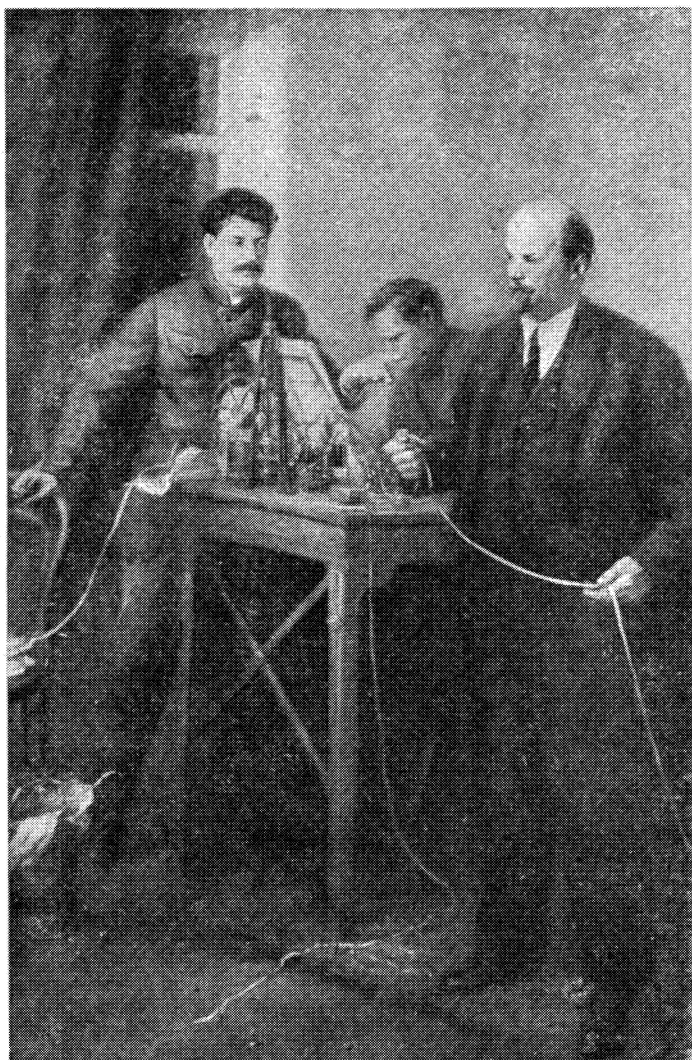
А какой преданностью, какой теплотой и в то же время уверенностью в победе проникнуты письма Сталина с фронта Владимиру Ильичу.

Находясь в Царицыне, возглавляя легендарную оборону города, Сталин в одном из писем Ленину говорит: «Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь, что пойдут еще лучше.

Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу».

В донесении с петроградского фронта Сталин телеграфировал Ленину:

В. И. Ленин и И. В. Сталин у прямого провода. 1918 г.—С картины художника Финогенова.

«Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела... Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».

Огромны и прекрасны боевые заслуги товарища Сталина перед родиной.

В разгар гражданской войны правительство учреждает орден Красного боевого знамени. И в числе первых по инициативе Ленина награждается этим орденом Сталин.

Когда товарищ Сталин в одну из своих поездок заболел, Владимир Ильич, обеспокоенный, шлет телеграмму в Тифлис на имя Серго Орджоникидзе.

«Прошу сообщить как здоровье Сталина и заключение врачей об этом». Затем вскоре он шлет другую телеграмму, в которой просит Серго сообщить фамилию и адрес доктора, лечащего Сталина.

Товарищи И. В. Сталин, В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года.

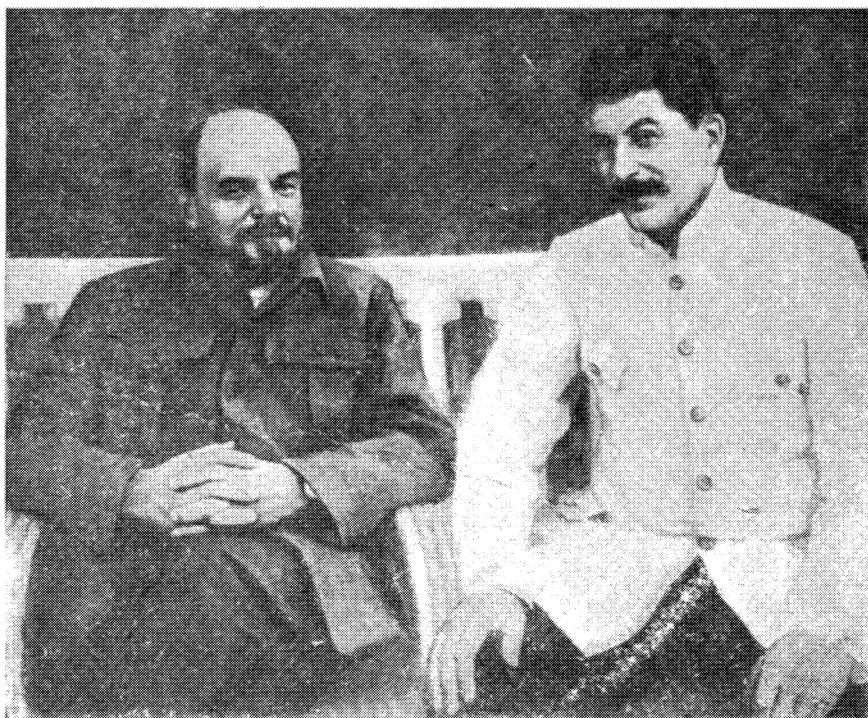
Сохранилась также следующая записка Владимира Ильича к своему секретарю. (Сталин в это время уже был в Москве.)

«Напомните мне, завтра я должен видаться со Сталиным и перед этим по телефону соедините меня с Обухом (доктором) о Сталине».

Трогательной заботливостью веет от этих документов.

Великое идейное содружество Ленина и Сталина нерушимым прошло через все этапы революции. По-ленински простой, скромный и отзывчивый, Сталин вошел в жизнь нашей партии и всего коммунистического движения с пламенным чувством веры в торжество марксизма-ленинизма и с образом Ленина в уме и сердце.

Так же как и великий Ленин, Сталин беспощаден ко всем тем, кто пытался вести борьбу против генеральной линии партии, кто нарушал стальное единство партии. Ленин громял оппортунистов, фракционеров, дезорганизаторов партийной дисциплины.

В мае 1922 года, после нового приступа болезни, В. И. Ленин отдыхал в Горках. Товарищ Сталин неоднократно навещает Владимира Ильича.— На фото: Ленин и Сталин в саду в Горках.

В этой борьбе Сталин всегда был вместе с Лениным. С ленинской суровостью и беспощадностью Сталин разоблачает подрывную работу врагов партии, разбивая всяческие попытки поколебать монолитность большевистских рядов.

Эта идейная непримиримость и твердость Сталина, его беззаветное служение великому делу Ленина стали цементом, который прочно скрепил внутреннее единство большевистской партии.

Еще при жизни Владимира Ильича партия избирает Сталина генеральным секретарем ЦК ВКП(б). Это было актом исключительного доверия и признания Сталина, как испытанного руководителя и организатора партии.

Только лучшему соратнику Ленина, его испытанному другу партия могла доверить такой пост.

В 1924 году Ильича не стало. Жестокая смерть оборвала прекрасную жизнь величайшего человека эпохи. Но партия не дрогнула, не растерялась, потому что славное ленинское знамя было и есть в твердых руках Сталина.

Стаальной, негибаемый ленинец, человек, учителем и другом которого был великий Ленин, Сталин уверенно повел нашу страну по ленинскому пути, к сияющим вершинам коммунизма.

В совершенстве владея искусством ленинской стратегии и тактики, Сталин обогащает и развивает дальше бессмертное учение Маркса—Энгельса—Ленина. Исторические лекции по вопросам ленинизма, которые прочел товарищ Сталин в 1924 году, так же как и многие другие его статьи и речи, вошли неоценимым вкладом в сокровищницу ленинизма, стали настоящим пособием каждого большевика.

Так во всей жизни и работе Сталина находит свое ярчайшее выражение безграничная преданность Ленину, непоколебимая верность ленинизму.

Всегда будут ярко гореть слова сталинской клятвы над гробом Ильича:

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь...»

Быть таким, как Ленин! Жить и работать по-ленински! Этому учит нас товарищ Сталин.

С трибуны предвыборного собрания избирателей Сталинского округа Москвы в 1937 году прозвучала замечательная сталинская речь — обращение к депутатам — «...чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, ...чтобы они были так же правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они так же любили свой народ, как любил его Ленин».

Быть таким, как Ленин! Сама жизнь Сталина является лучшим и ярким примером.

П. МИХАЙЛОВ

„Солнце будет сиять для нас!“

(Из книги «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине»)

П. Г. КУРИДЗЕ

Условия работы батумских рабочих на нефтяных предприятиях были очень тяжелыми. Мы работали по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки, вынужденные простои не оплачивались, заработная плата была нищенской, существовала жесткая система штрафов.

Осенью 1901 года один из наших передовых, революционно-настроенных рабочих, Коция Канделаки, сказал мне, что из Тифлиса приехал партийный работник, пропагандист, который хочет с нами поговорить.

— Подбери наиболее надежных из своих ребят, — сказал мне Канделаки, — и устрой у себя дома собрание. Я поговорил с товарищами, и в назначенное время в мой маленький домишко, находившийся в глухой и отдаленной части города, собралось человек тридцать рабочих.

Прихода тифлисского партийного товарища ждали с нетерпением. Раздалась условный стук, я открыл дверь, и в комнату вошел Коция Канделаки, а за ним наш гость.

Это был молодой человек лет двадцати двух, черноволосый, худощавый, с энергичным, резко очерченным лицом.

Это был товарищ Сталин, Сосо Джугашвили.

Мы познакомились, и после нескольких общих фраз завязалась оживленная беседа. Его речи привели меня в восхищение. Наконец-то мы поняли, в чем секрет эксплуатации, и, самое главное, узнали, что освобождение пролетариата есть дело рук самих рабочих. Как ясно, просто и убедительно говорил товарищ Сосо; в его словах все раскрывалось само собой — положение рабочего класса, эксплуатация и угнетение его буржуазией, союз царя и капиталистов против рабочих, борьба пролетариата против самодержавия, свержение капиталистического строя, как единственный путь к освобождению.

Часы текли незаметно. Наступил вечер, за ним ночь, а мы все сидели в накуренной комнате, затаив дыхание, и слушали нашего гостя. Но все же нужно было расходиться. На прощание товарищ Сосо сказал нам:

— Нужно создать политические кружки. Организуйте несколько небольших кружков, и я буду вести занятия.

Мы с радостью приняли это предложение. В короткий срок было создано одиннадцать кружков.

Никогда не забудутся эти дни и недели близких встреч с Сосо Джугашвили, пламенным и мудрым нашим учителем. Занятия происходили конспиративно. Сам товарищ Сталин придавал конспирации ог-

ромное значение. Если он приходил в пальто, то уходил обязательно переодевшись. Он успевал иногда проводить в день два занятия, был аккуратен, никогда не опаздывал, дорожил и своим временем и нашим. Мы полюбили Сосо и сильно привязались к нему. Непередаваемая манера обращения с людьми — обаятельная простота, внимательность, умение слушать и с первых слов постигать человека — привлекли к нему наши сердца, а его ум, мужественность и смелость воодушевляли нас решимостью идти с ним вместе в борьбу и бороться до победы.

Прошел месяц. Накануне нового года товарищ Сталин собрал всех старост кружков и предложил устроить товарищескую встречу нового года. Предложение было встречено с радостью.

В ночь под новый год мы собрались на квартире у Силибистро Ломджария.

Шутки Сталина вызывали взрывы смеха. Все чувствовали себя превосходно. Как-то незаметно беседа наша перешла на политические темы, и тут снова в наступившей тишине взволнованно звучал сталинский голос.

Так просидели мы до рассвета. Когда в окно проник розовый свет зари, Сталин поднял бокал и сказал:

— Ну, вот и рассвет! Скоро встанет солнце. Это солнце будет сиять для нас!

В эту ночь оформилась батумская социал-демократическая организация. Здесь же была выделена руководящая партийная группа во главе со Сталиным.

Так мы встретили со Сталиным памятный 1902 год.

События этого года развернулись очень быстро. Начались они со случайно возникшего пожара на складе завода Ротшильда. Администрация мобилизовала рабочих на тушение пожара. Двое суток боролись мы с разбушевавшейся стихией, пока не потушили огонь. Мы думали, что эти дни нам будут оплачены, но не тут-то было. Администрация с непревзойденной наглостью заявила нам, что «пожар не работа». Как быть? Тут нам на помощь пришел Сталин.

— Идите в контору и требуйте, — сказал он.

После шаша¹ мы собрались у конторы и вызвали директора. Толпа была такая внушительная, что испуганный директор выслал приказчика и велел сказать, что

¹ Конец работы.

за тушение пожара рабочие получают по два рубля. Удовлетворенные этим ответом, мы разошлись.

Эта «двухрублевая победа», как мы ее тогда называли, была нашей первой победой над капиталистами. Сейчас об этом смешно вспоминать, но тогда это была действительно победа. Рабочие стали активнее, почувствовали свою силу. Но и администрация кое-что поняла. Она увидела, что среди рабочих появился кто-то сильный и авторитетный, который может причинить много неприятностей.

Зашевелилась полиция.

Начались аресты. Вскоре был вывешен приказ об увольнении многих рабочих. В вывешенных списках увольняемых — все сплошь передовые, самые лучшие рабочие. Мы страшно возмутились и решили не допускать произвола. Нашего Сталина в этот момент в Батуме не было, он выехал на несколько дней в Тифлис за типографским станком и шрифтом. Его отсутствие нас смущало, без него трудно было решиться на серьезный шаг. Однако сталинская школа говорила нам: «нужно действовать, нужно быть смелыми».

Мы приняли решение предъявить дирекции ультиматум: или все уволенные принимают обратно — или забастовка!

Дирекция ответила отказом, и на заводе вспыхнула забастовка,

К этому времени из Тифлиса подоспел Сталин. Он остановился у Ломджария. Я поспешил к нему, вхожу в комнату и не узнаю — он без усов и бороды. Мелькает мысль — «конспирация».

Я показал Сталину текст наших требований. Он одобрил и добавил пункт об оплате вынужденного прогула. Я усомнился в реальности этого требования, но Сталин рассмеялся:

— Не беспокойся, они напуганы и заплатят.

На другой день мы пошли на завод предъявить свои требования. Из Кутаиса приехал вызванный Ротшильдом по телеграфу генерал-губернатор Смагин. Он вышел к рабочим, прочел наши требования, рассвирепел и закричал:

— Разойтись!

Мы разошлись, но к работе не приступали.

В ту ночь арестовали тридцать два рабочих нашего завода. Узнав об этом, Сталин предложил ответить на арест политической демонстрацией.

8 марта 1902 года на улицах Батума состоялась первая политическая демонстрация рабочих, организованная товарищем Сталиным.

Мы отправились к тюрьме, где сидели наши товарищи, с требованием освободить арестованных.

На другой день состоялась новая, еще более внушительная демон-

страция, организованная товарищем Сталиным.

С пением революционных песен двинулись мы к пересыльным казармам.

Снова появились войска, но на этот раз положение было серьезнее.

Мы решили не отступать и во что бы то ни стало добиться освобождения товарищей. Увидев демонстрацию, заключенные подняли шум и стали ломать двери.

Атмосфера накалялась с каждой секундой. Толпа угрожающе двинулась к воротам тюрьмы.

И тогда раздались выстрелы. Войска стреляли в народ.

В тот день пролилась рабочая кровь, но мы одержали победу. Этот один день сделал то, чего не могли сделать годы. Рабочие прозрели. Они увидели своего врага во всем его зверином облики. Политическое сознание масс гигантски шагнуло вперед.

Похороны жертв 9 марта вылились в грандиозную демонстрацию, во время которой распространялась знаменитая прокламация товарища Сталина, сыгравшая огромную революционизирующую роль.

Вскоре после этого товарищ Сталин был арестован. Мы остались без любимого вождя, но, крепко помня его слова и указания, продолжали борьбу, вдохновленные его примером беззаветной преданности делу пролетарской революции.

Политическая демонстрация батумских рабочих под руководством товарища Сталина. 1902 год. — Картина художника Кутателадзе.

Где жил и работал Сталин

1. ГОРИ. До революции — небольшой уездный городок. Здесь в 1879 году родился и провел свои детские годы товарищ Сталин. В 1894 году он окончил горийское местное духовное училище. В домике, где жил товарищ Сталин, теперь музей.

2. ТБИЛИСИ. Столица Грузии. Здесь с 1897 года товарищ Сталин принимает активное участие в революционном движении. Он вступает в тифлисскую организацию социал-демократов и руководит рабочими марксистскими кружками.

В 1900 году в Тифлисе проходит волна забастовок, организацией которых руководит товарищ Сталин, так же как и подготовкой известной первомайской демонстрации в 1901 году. В ноябре 1901 года он избирается в члены первого тифлисского комитета РСДРП.

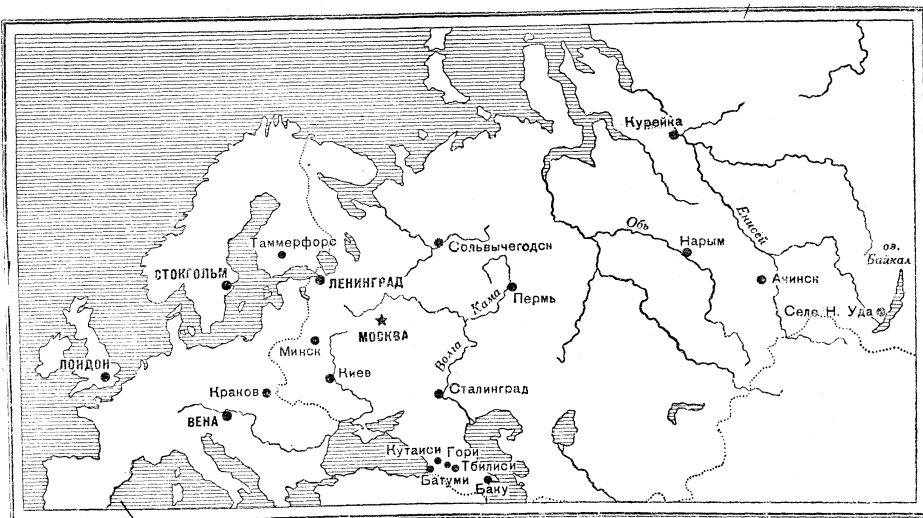
3. БАТУМИ. Портовый и промышленный город в Абхазии, на берегу Черного моря. В конце 1901 года товарищ Сталин, по поручению тифлисского комитета партии, приехал в Батум. Здесь он создает социал-демократическую организацию, основывает Батумский комитет РСДРП. В феврале 1902 года в Батуме под руководством товарища Сталина активно работало 11 социал-демократических рабочих кружков, была устроена нелегальная типография. Товарищ Сталин руководил в Батуме знаменитой стачкой на заводе Ротшильда и грандиозной уличной демонстрацией в марте 1902 года. В апреле его арестовывают и держат в батумской тюрьме целый год.

4. НОВАЯ УДА. Село на реке Ангара в бывшем Балаганском уезде, Иркутской губернии (теперь Восточно-Сибирский край). Сюда в конце ноября 1903 года был сослан на три года товарищ Сталин. 5 января 1904 года он бежит из Новой Уды, с тем чтобы продолжать революционную работу в Закавказье.

5. КУТАИСИ. Город в Западной Грузии на реке Рион.

После побега из ссылки (Новая Уда) товарищ Сталин руководит работой Кавказского союзного комитета РСДРП, ведет борьбу против меньшевизма, строит и укрепляет партийные организации в городах Закавказья, в том числе и в Кутаиси. На II съезде партии отмечалось: «Затхлый губернский город наши товарищи обратили в один из очагов революции». По инициативе товарища Сталина в Кутаиси оформляется большевистский Имеретинско-мегрельский комитет, и при нем создается группа пропагандистов.

В тот же период товарищ Сталин организует большевистские организации в ряде других городов Западной Грузии.

6. ЧИАТУРИ. Город в Западной Грузии, центр одного из богатейших в мире месторождений марганцевой руды.

На одной из улиц города Чиатури стоит обелиск с надписью: «Здесь в июле 1905 года на митинге чиатурских рабочих товарищ Сталин в дискуссии разгромил меньшевиков, анархистов и федералистов. После митинга чиатурские рабочие устроили грандиозную демонстрацию против самодержавия».

До революции рабочие рудников жили в ужасающих условиях, работали по 14—15 часов в шахтах, походили на звериные норы, где постоянно происходили обвалы.

В настоящее время на снабженных усовершенствованным оборудованием чиатурских промыслах в течение двадцати суток добывается столько же руды, сколько при капиталистах ее добыли за весь 1913 год.

7. БАКУ. Столица Азербайджана. Крупнейший нефтяной промышленный район. Рассказывая о дореволюционных бакинских промыслах, М. Горький сравнивал их с «гениально написанной картиной мрачного ада». «Нефтяные короли» беспощадно эксплуатировали рабочих.

В ноябре 1904 года товарищ Сталин приехал в Баку для усиления кампании за созыв III съезда партии и развертывания борьбы с меньшевиками. В декабре под его руководством была проведена грандиозная стачка, закончившаяся заключением первого в истории рабочего движения России коллективного договора с нефтепромышленниками. С 1907 года товарищ Сталин непосредственно руководит бакинской социал-демократической организацией и редактирует нелегальную газету «Бакинский рабочий». Его стараниями Баку превращается в цитадель большевизма.

Сейчас Баку — пятый в СССР город по количеству населения (809 тысяч жителей).

8. ТАММЕРФОРС. Город в Финляндии, где в конце декабря 1905 года состоялась I Всероссийская большевистская конференция. В качестве делегата от закавказских большевистских организаций на ней участвовал товарищ Сталин. Он был избран в политическую комиссию по редактированию резолюций конференции. Здесь товарищ Сталин лично встретился с В. И. Лениным.

9. СТОКГОЛЬМ. Главный город Швеции. В апреле 1906 года в нем открылся IV съезд партии, на котором участвовал товарищ Сталин как делегат от большевиков Закавказья.

10. ЛОНДОН. Столица Англии. В 1907 году в Лондоне состоялся V съезд партии, на котором товарищ Сталин присутствовал в качестве делегата от большевистских организаций Закавказья. После съезда он возвращается в Баку, где руководимый им Бакинский комитет партии проводит ряд крупных забастовок, носящих боевой политический характер. 25 марта 1908 года товарищ Сталин был арестован и до конца сентября сидел в Бакинской тюрьме.

11. СОЛЬВЫЧЕГОДСК. Город бывшей Вологодской губернии, на берегу реки Вычегды (приток Северной Двины). Старинная вотчина купцов Строгановых. Сюда в ноябре 1908 года был сослан на два года товарищ Сталин. В июне 1909 года он совершил побег. 23 марта 1910 года его снова арестовали в Баку и снова выслали 23 сентября в Сольвычегодск. В декабре 1910 года товарищ Сталин писал В. И. Ленину: «Мне остается 6 месяцев... Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно».

6 июля 1911 года товарищ Сталин снова совершает побег и работает в Петербурге, сплывая и укрепляя большевистские организации. 9 сентября 1911 года его арестовали и опять выслали в Сольвычегодск, а 29 февраля 1912 года он третий раз бежит из этого города и, по поручению ЦК, обезбжает ряд районов России. В 1912 году товарищ Сталин руководит русским бюро ЦК РСДРП (большевиков), проводит огромную партийную работу в Петербурге, руководит большевистской газетой «Звезда» и подготавливает выход «Правды». 22 апреля товарища Сталина снова арестовывают и высылают в Нарым.

12. НАРЫМ. До революции — ссыльный пункт в Сибири, на берегу реки Обь, в 400 километрах от железной дороги, среди таежных болот. Летом 1912 года в Нарымский край был сослан товарищ Сталин сроком на три года. В сентябре он бежал из ссылки и возвратился в Петербург.

Сегодняшний Нарым — центр Нарымского округа, Западно-Сибирского края.

13. КРАКОВ. Старинный польский город на Висле. В 1912 году принадлежал Австро-Венгрии. Сюда, после побега из нарымской ссылки, приезжал товарищ Сталин к В. И. Ленину и принимал участие в совещании членов ЦК.

14. ВЕНА. Главный город Австрии. В этом городе в начале 1913 года жил товарищ Сталин, работая над книгой «Марксизм и национальный вопрос». По этому поводу В. И. Ленин писал Горькому: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 328).

15. КУРЕЙКА. Маленький поселок у Полярного круга, в Туруханском крае, среди дикой тайги, в 1500 километрах от железной дороги. Ссылные называли это место «ловушкой», «тупином», откуда почти невозможно было бежать.

Здесь товарищ Сталин провел в ссылке 1913—1916 годы. Летом 1915 года он выезжал в село Монастырское на р. Енисей, где состоялось совещание ссыльных большевиков с участием Я. М. Свердлова, С. Спандарьяна и других. О Февральской революции товарищ Сталин узнал, находясь в Ачинске, недалеко от Красноярска, где он отбывал оставшийся срок ссылки.

Сейчас глухой Туруханский край совершенно преобразился благодаря постройке на Енисее большого порта и промышленного центра — Игарки.

16. ПЕТРОГРАД (Ленинград). Приехав сюда из ссылки после Февральской революции, товарищ Сталин ведет большую революционную работу в качестве члена ЦК и затем члена Политбюро ЦК. В полном единении с Лениным он работает по подготовке Октябрьской социалистической революции, за установление диктатуры пролетариата. Сталин руководит в Петрограде центральным органом партии и за-

тем избирается в партийный центр по руководству восстанием. Петроград становится колыбелью революции. Рабочий класс Питера, имеющий таких руководителей, как Ленин и Сталин, побеждает. Октябрьская революция совершилась.

Уже после Октября, когда над Петроградом возникла угроза захвата его Юденичем, партия посылает сюда Сталина. Под его руководством славный город выдерживает натиск белых банд, и вместе с этим Сталин организует окончательный разгром генерала Юденича.

17. ЦАРИЦЫН (ныне Сталинград). Город на Волге — центр хлебобородных районов Нижнего Поволжья.

С этим городом связан один из выдающихся эпизодов в жизни товарища Сталина. Посланный сюда в качестве особоуполномоченного по снабжению продовольствием центральных промышленных районов, в момент, когда страна была зажата в кольцо блокады и интервенции, товарищ Сталин становится во главе всего военного и гражданского управления Царицынского района. Он совместно с Ворошиловым организует оборону Царицына от войск Краснова и, несмотря на численное превосходство врага, добивается нанесения сокрушительного поражения белым бандам.

Царицын, ставший за годы советской власти крупнейшим промышленным центром, с честью носит сейчас славное имя вождя.

18. РАЙОН г. ПЕРМИ (Северный Урал). В конце 1918 года товарищ Сталин приезжает на пермский фронт и вместе с Дзержинским добивается приостановки наступления частей Красной армии под натиском Колчака. Он укрепляет фронт 3-й армии, после чего в январе 1919 года Красная армия переходит в наступление.

Товарищ Сталин неоднократно, по поручению партии, переезжает с фронта на фронт, работая на самых ответственных участках гражданской войны.

19. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. Приехав летом 1919 года в Смоленск, товарищ Сталин организует отпор польскому наступлению.

В 1920 году он принимает непосредственное руководящее участие в организации прорыва польского фронта в районе Житомира. Этот прорыв, как известно, привел к полному поражению поляков, к освобождению Киева и продвижению наших частей далеко в глубь польской территории.

20. ЮЖНЫЙ ФРОНТ. Яркой и победной страницей в историю борьбы нашей страны с интервентами вошла и работа товарища Сталина на южном, деникинском фронте.

Осенью 1919 года белые докатились до Тулы. Сталин разрабатывает свой план разгрома Деникина и блестяще его осуществляет. На южном фронте он находился вплоть до занятия нашими войсками Ростова и Одессы.

В 1920 году товарищ Сталин ведет работу по обороне юга Украины от наступления Врангеля.

В 1879 году в Гори, в доме Кипшидзе, у сапожника Виссариона Джугашвили и его жены Кето родился мальчик, которому дали имя Сосо (Иосиф). Семья жила в комнате площадью 9 квадратных аршин. Пол был выложен кирпичом. Комната освещалась одним небольшим окном. Здесь стоял стол, табуретки и широкая тахта, покрытая «чилопи» (соломенная циновка). Мать Сосо стирала белье и пекла хлеб для соседей. Отец целыми днями шил и чинил обувь. За комнату платили полтора рубля в месяц.

Здесь в Гори и провел свои детские годы маленький Сосо.

Так же как и в те годы, гремущая Лиахва попрежнему рвет зеленые берега, кружит и пенит мутные волны, десятками русл располагается по низине.

И, так же как и во времена маленького Сосо, угрюмо лежат у подножия горы остатки большой крепости, построенной еще в VII веке.

Гори — старинный городок Грузии. Его прошлое уходит далеко в глубь столетий. Много тяжелых испытаний перенес Гори. Нападавшие соседние народы сжигали его дотла, разоряли, уводили жителей, но он снова застраивался, снова появлялись у стен крепости дома, мастерские ремесленников и караван-сарай. Здесь останавливались со своими товарами купцы, ведущие торговлю с Ираном, Турцией, Византией, Германией, совершавшие сделки на ярмарках в Лейпциге и Нижнем Новгороде.

Только когда провели железную дорогу от Тбилиси до Поти (черноморский порт), значение Гори как торгового пункта из Азии в Европу упало.

До революции в Горийском уезде полновластными хозяевами были князья Мачабели и Эристави. Крестьяне жили на положении бесправных рабов. Почти весь их труд уходил на помещиков. В течение года каждый крестьянский двор обязан был представить барину: корову, 3 баранов и быка («в благодарность за прошлый год»), в «сырную неделю» 2 фунта масла, в великий пост — бочонок пива, каждое воскресенье какой-нибудь подарок. Из урожая помещику уделялось 7 пудов зерна, 5 пудов сена. Крестьяне обязаны были снабжать помещика лесом, содержать охотничьих соколов, приготавливать войлок для коней феодала, давать ему слуг, вспахивать ему землю своими волами, засеивать ее, снимать урожай и доставлять его в помещичьи амбары... Попы брали обильную мзду за каждую потребу, чиновники ничего не делали без взятки.

«24 мая 1802 года», — говорится в одном из архивных документов, — горийский комендант с отрядом военной команды при барабанном бое обвещил российским и грузинским

диалектами, что по силе Высочайшего соизволения имеют быть в г. Гори торжественным образом открыты Уездный суд и Нижняя полицейская управа».

Двойной гнет—колонизаторов и своих дворян и помещиков—испытывали горийские крестьяне.

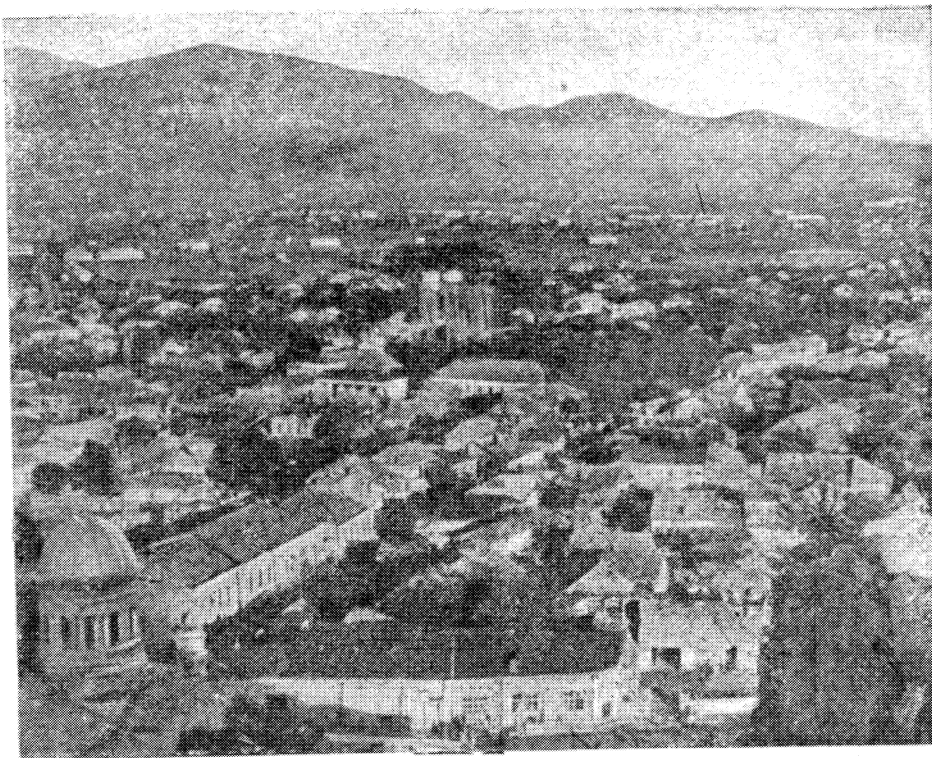
За годы советской власти в Горийском районе, как и во всей Грузии, произошли замечательные перемены.

На севере, на границе с Юго-Осетией, находится огромная Тиропонская равнина, которую при царе хотели приспособить под артиллерийское стрельбище. Большевики провели здесь канал, и он орошает многие тысячи гектаров земли. Здесь растет горийская пшеница и находятся свекловичные плантации, снабжающие сырьем впервые построенные в Грузии сахарные заводы.

За равниной на горизонте открывается торжественно спокойная панорама снеговых гряд, а над ними высится седой, как лушь, великан Казбек.

По обеим сторонам дороги, ведущей от Гори на север, без конца тянутся фруктовые сады. Яблони и груши, как ревнивые наездки, распластав свои ветви, будто прислушиваются к тому, как зреют среди листвы наливные плоды. Вот спелый «шафран», вот румянощекий «синап», маленькая «крымка», нежный лагодехский «ранет», изжелта-зеленый «родэ», «розмарин», «орлеан», «бельфлер»... Все это яблочное богатство рдеет на солнце.

Нико Кецхели и Исайя Пурцеладзе, уроженцы села Тквиави (прославленного тем, что в нем родился друг и соратник Сталина мужественный большевик Ладо Кецхели), были пионерами высокосортного плодородства в здешних краях. Они подвергли культуре местные сорта яблок—огромный малиново-красный «махара», мучнистый «китри-ваш-

Общий вид города Гори.

ли», ярко-желтый с кровавым румянцем «абелаури».

Неузнаваемо стало Гори. Куда девались его грязные улицы, покосившиеся фонари, жалкие лавочки, тесные каморки «пиначей», полицейская управа и 12 церквей! Теперь это красивый, благоустроенный город с улицами, покрытыми асфальтом. В городе имеется около десятка учебных заведений, хорошая гостиница, театр с постоянной труппой в 50 человек, кино, больница, библиотека. На берегу Лиахвы, через которую перекинут новый бетонный мост, расположился парк

культуры и отдыха. Построено большое здание для педагогического института, а в доме, где находилось духовное училище, расположился сельскохозяйственный техникум, в котором вы можете увидеть под стеклом интересный экспонат: старенькую книжку, учебник грамматики, на которой написано: «Книга принадлежит ученику 1 класса Горийского дух. училища И. Джугашвили. 1889 г.».

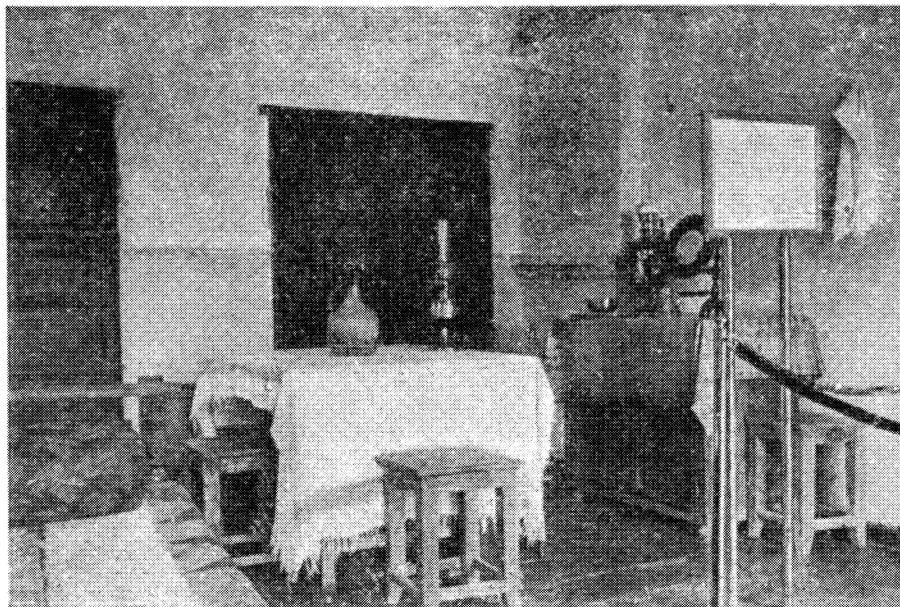
Каждый год родину великого Сталина, город Гори, посещает более 100 тысяч экскурсантов и школьников. Первым делом они направляются к маленькому домику на окраине города, где родился и провел детство наш любимый вождь.

Пройдет немного времени, и Гори будет приближен к Москве на тысячу километров.

Уже сейчас здесь ведутся большие строительные работы. Прокладывается новая железная дорога от Гори до Сталинири—центра Юго-Осетинской автономной области. Это головной участок будущей транскавказской электрической перевальной железной дороги. Она пройдет через перевалы Главного Кавказского хребта и сократит путь из Москвы в Закавказье на тысячу километров.

Многие колхозы, охваченные одним трудовым порывом, помогают прокладывать эту железную дорогу. Отряды землекопов идут на работу, как на праздник, с песнями, с оркестрами, стремясь перегнать друг друга в борьбе за кубометры, гордые тем, что их солнечная родина дала миру великого борца за освобождение трудящихся, лучшего ученика Ленина, человека, на которого с надеждой взирают все поработанные народы земного шара.

НИК. ВЕРЖБИЦКИЙ

Комната, где родился и провел свое детство И. В. Сталин (г. Гори, Дом-музей).

Завидую вам, русские!

«Завидую вам, русские! Хотел бы иметь возможность вырастить сына в вашей стране».

Эти слова принадлежат одному из безымянных посетителей Советского павильона на Международной выставке в Нью-Йорке.

16 миллионов человек побывали в этом замечательном дворце, представившем Америке и всему миру достижения великой Советской страны.

После осмотра павильона люди уходили с пламенным чувством гордости за страну, которая осуществила мечты поколений, за Сталина, под руководством которого расцвела новая жизнь.

Никакой другой павильон не пользовался такой огромной популярностью, как Советский. В течение всех шести месяцев работы выставки Советский павильон был в центре внимания.

Организуя Нью-Йоркскую выставку, американцы, как известно, хотели показать мир завтрашнего дня. Но из этого ровно ничего не вышло и не могло выйти, потому что капитализм не может дать никакой обнадеживающей перспективы широким трудящимся массам.

Подлинный мир завтра они увидели только в Советском павильоне, изучая прекрасные и убедительные примеры новой жизни в СССР.

«Из бездны нищеты родился новый мир.

Вы ведете нас к миру завтрашнего дня.

Да здравствуют руки, которые это сделали!»

Тысячи таких восторженных записей на всех языках заполнили книги впечатлений. В них отражены мысли простых людей, впервые узнавших правду о Советской стране.

Своим участием в Нью-Йоркской выставке Советский Союз проделал огромную работу большого политического значения: он открыл глаза многим миллионам американцев, получавших из буржуазной прессы неправильную и лживую информацию об СССР.

Лучшие представители американской общественности, деятели культуры и науки побывали в Советском павильоне, отдав должное изумительным достижениям советской власти.

Проф. Генри Э. Зигрист в одной из своих статей о выставке сказал:

«Каждый американец, который побывает в Советском павильоне Нью-Йоркской выставки, невольно переносится в мир, который он до сих пор знал очень мало. Это мир будущего для большинства человечества и уже мир сегодняшнего для 170-миллионного народа. Один из моих друзей сказал мне: «Вы знаете, что произвело на меня наибольшее впечатление в Советском павильоне? Это то, что все русские,

портреты которых мы видим, выглядят счастливыми». Конечно, они счастливы, и не только русские, но и кавказцы, и татары, и армяне, и узбеки, и таджики, и евреи—все члены великой советской семьи. Они победно совершили величайшую революцию в истории, уничтожили эксплуатацию человека человеком и строят мир социальной справедливости. Советский павильон дает урок тем, кто в состоянии учиться. Светящаяся звезда, которую советский рабочий высоко поднимает в правой руке, показывает миру—здесь надежды человечества!»

МЫСЛИ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

(Из книги записей посетителей Советского павильона на выставке в Нью-Йорке.)

Замечательно! Молодого человека это окрыляет надеждой!

Я увидел, что социализм действительность, а не утопия.

Новая Россия—гордость рабочих всего мира.

Большое спасибо русскому народу и товарищу Сталину!

Привет от молодого американца счастливой молодежи Советского Союза!

Я была на выставках в Париже и в Америке, и я поражена красотой вашей выставки и вашей жизни.

Сильный народ—прекрасный павильон.

Советские люди показывают, какой должна быть жизнь. Давайте поучимся у великого советского народа.

Я очень счастлив увидеть труды моих братьев. Да здравствует всемирный социализм! Да здравствуют Советы!

Пусть пять шестых мира учатся у одной шестой.

Америка, открой глаза.

Взоры, надежды и мечты всего мира устремлены на Советский Союз.

Продолжайте свою прекрасную работу.

В эти дни бунта и неуверенности Советский Союз один стоит, как маяк для рабочих всего мира.

Пусть Красная армия идет вперед!

Я—выходец из Волынской губернии. Благодарю товарища Сталина, а также Красную армию за освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии.

Троекратное ура в честь советской дипломатии.

Величественно, прекрасно. Да здравствует Сталин!

Будущее Советов—будущее всего мира.

В день моего рождения я осмотрела советский павильон. Это мир завтра, который для Советской России есть мир сегодня. Я посвящаю свою жизнь построению мира социализма здесь и во всем мире.

На освобожденной земле

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

«Из темной, страшной ночи эксплуатации и рабства мы вступили в светлый, солнечный день. Наши сердца согреты дыханием свободы и счастья, и мы обращаем свои счастливые сердца, свои взволнованные мысли, свои первые слова к Вам, любимому нашему учителю, ибо Вы—творец свободы и счастья, осветивших нас. Ибо Вы—символ единства и братской дружбы народов.

...Советский Союз—наша любимая родина, которую мы будем любить любовью верного сына, которую мы будем защищать всей нашей силой. Нам светит Советская Конституция. Мы знаем и славим имя ее творца.

Слава творцу самой демократической Конституции в мире, слава Вам, наш мудрый вождь!

Ваш гений, гений партии большевиков, указывает нам путь. По этому пути неуклонно и радостно будем мы идти к вершинам человеческого счастья!»

(Из письма Народного Собрания Западной Украины товарищу Сталину).

Три дня длилось Народное Собрание во Львове. Западная Украина решала свою судьбу. Полторы тысячи депутатов заполнили алого цвета зал Большого театра. Не знала до сих пор львовский театр такой публики. Сидели в ряд женщины в платочках на головах, работницы в ярких одеждах, крестьяне в бараньих колушках, а рядом с ними—профессора, учителя. Впервые крестьянские лапти и крестьянские сапоги топтали дорожки широких лестниц.

Я знала этих людей в их самые худшие, самые угрюмые дни, в дни угнетения, в дни войны.

Вот молодые дивчата. Их уделом было гнуть спины на панских землях, очищать господский лес за пятьдесят копеек в день, продолжавшийся от рассвета до заката.

Вот женщины, которые плакали когда-то над умирающими без помощи детьми, вот мужчины, перед которыми открывались широкие тюремные ворота и вход в концентрационный лагерь в Березе-Картузкой.

Ковель, Луцк, Дрогобыч, Львов. Куда ни взглянешь,—тяжелые воспоминания прошлого. Пацификация волинских деревень, разрушенные хаты, сожженные хлеба. Львовский, Луцкий округа. Там первомайские демонстрации несколько лет назад встречали пулеметы, сеявшие смерть.

Наматывается страшная нить воспоминаний. В деревне над Стырем, которая питалась опилками и корой деревьев, безработные годами не могли найти работу. Упорная, неравная борьба! Крестьяне и рабочие с голыми руками шли против пуля, штыков и параграфов закона, заковытавших человека труда в цепи неволи. Это—земля слез и крови, земля самых страшных кривд и угнетения. А затем—война... Через деревни, через городки тысячами тронулись беженцы из Польши.

И крестьяне находили для них краюхи хлеба и охапки соломы на ночлег. Да будут благословенны крестьянские хаты, которые дали им убежище, не дали погибнуть от голода массам людей, лишенных крова, семьи и родины!

Да будут благословенны мозолистые руки украинской крестьянки, которая подавала жаждающим беженцам крынку молока и стакан воды!

И когда я смотрела на зал Большого театра, я видела перед собой три фазы истории земли Западной Украины. Земли под ярмом капиталистического рабства, земли в условиях самой страшной войны и, наконец, свободные земли, сбросившие с себя оковы рабства.

Все эти люди—люди, спасенные от истребления. Они отдадут себе во всем этом отчет, так как каждый видел сентябрьские дни. Красная армия спасла Западную Украину от уничтожения. Немудрено, что зал звучал бурей возгласов, когда речь шла о Красной армии.

Я смотрела на депутатов, на девушек, женщин, мужчин. Все они никогда не имели права голоса в своих делах, не имели даже права на жизнь.

Теперь это уже свободные люди. Они съехались со всех сторон—от крутой ленты Буга до Збруча, от болотистых притоков Припяти до Карпат. Впервые подали они свои голоса. Теперь они решают, а не кто-то распоряжается их судьбой, жизнью. Впервые будет так, как хотят они, а не кто-то другой, живущий кривдой, угнетением.

Три дня обсуждала Западная Украина свое будущее. Четыре основных вопроса обсуждали депутаты. И депутаты решили их соответственно желанию и воле избирателей.

В Западной Украине—советская власть.

Шумит, гремит, содрогается зал. После долгих лет мук, после дол-

гих лет фашистского гнета—советская власть!

Воссоединение Западной Украины с Украиной Советской.

Шумит, гремит, содрогается зал. После долгих лет тайных побегов через Збруч, после многих лет тайного слушания вестей, идущих с той стороны,—уничтожение границы!

Лишили помещиков земли, конфискуются церковные имения, конфискуется земля крупных чиновников.

Шумит, гремит, содрогается зал. Пришел конец крестьянской обиде. Уже не будет сдыхать без выпаса крестьянская корова, когда на панском лугу трава по пояс. Уже не будет больше крестьянка с детьми выплывать на лодке на озеро, чтобы рвать тростник, который на короткую минуту сумеет обмануть голод. Земля—тем, которые на ней работают.

Национализация банков и крупной промышленности.

Шумит, гремит, содрогается зал. Конец безработице, конец забастовкам, локаутам, когда улицы городов заливались рабочей кровью. Пришел конец обогащению паразитов.

Четыре вопроса разрешало Народное Собрание. Впервые получил свой голос народ. Он решал—и решил справедливо. Собрание проявило глубокий разум. Появились самородные таланты, неожиданно выявились ораторы. Взгляд на жизнь и на дела был убедителен и глубок.

Вот гуцул из заброшенных гуцульских деревень. Ораинное, прекрасное лицо. Вся обида горской верховины звучит в его голосе, вырывается криком протеста. Устами своего депутата говорила вся гуцульщина, заброшенная и приговоренная к нужде, насильственно ассимилированная.

С искрой огня в глазах молодая учительница говорила об обиде крестьянского ребенка, о школе, в которой нельзя было употреблять родного языка, о тысячах неграмотных, которые живут в городах и деревнях.

Звала, кричала молодым могучим голосом со сцены человеческая обида. Не менее громко звучал клич творчества. Украинцев говорил о тяжелой доле трудящихся—польских рабочих, поляк—об эксплуатации рабочих—украинцев и евреев. Объединилось в этом зале великое чувство братства украинца, поляка и еврея!

Сегодня все находят друг друга и понимают. На этой земле есть место для всех, кто хочет трудиться. Нет только места врагам, открытым или тайным. Грозно звучал завет: враг будет узан под любой маской и уничтожен немилосердно.

Западная Украина не отдаст того, что приобрела после годов угнетения и обиды. Она никому не позволит вмешиваться в великие дела социалистического строительства. Объединяются и братаются крестьяне, рабочие и трудовая интеллигенция. Это новый день и новая жизнь.

Ему 24 года...

В Лондоне можно встретить много художников, которые за неимением работы рисуют на камне тротуаров, чтобы хоть как-нибудь заработать себе на пропитание!

Мне довелось познакомиться с одним из таких художников — Морисом. У него было «свое» место. На широкой аллее, идущей вдоль берега красавицы Темзы, он ежедневно разрисовывал ровные каменные квадраты яркими мелками, стараясь привлечь к себе внимание проходящей публики.

Место, облюбованное Морисом, расположено вблизи центральной части Лондона, рядом с железнодорожными станциями «андерграунда», куда ежедневно прибывают туристы и тысячи клерков больших и малых контор сити.

Сюда доходит пульсация больших центральных улиц — Пикадилли, Оксфорд-стрит, Бонт-стрит, Стренд, — где расположены лучшие магазины Лондона, всегда полные товаров для удовлетворения самого изысканного вкуса хорошо обеспеченных джентльменов.

Художнику видны затейливые постройки парламента с его сотнями статуй и красивейшими башнями.

Даже согнувшись в три погибели, Морис может видеть никогда не прекращающийся поток людей, выходящих со станции Чаринг-Кросс. Налево перед его глазами тянется полоса зеленых вековых деревьев. Левее виднеются Вестминстерское аббатство и мост, с которого туристам рекомендуют смотреть на парламент, чтобы получить «полное впечатление». На другом берегу реки выделяется грандиозное здание госпиталя св. Фомы.

За спиной Мориса, за высоким гранитным барьером, немолчно бьется Темза со своими отливами и приливами, соответствующими вечному дыханию океана.

Морис рисует замки, парки, гуляющих и ничего не делающих людей, детей с розовыми щечками. Иногда, очертив слова яркой рамкой, он пишет изречения, смысл и философия которых ясно показывают, что художник Морис — голодный человек.

Морис пытался рисовать и политические карикатуры, но это требовало ежедневного чтения газет и журналов, а у Мориса нет денег на их покупку: пенсы он бережет на еду и цветные мелки.

Прежде чем разговаривать с Морисом, я не раз наблюдал, как он разрисовывает панель своими картинками и изречениями, которые ежедневно стираются подошвами бегущей толпы даже раньше, чем Морис покинет для ночевки свое насиженное место.

Для разговора случай представился такой. Как-то я увидел около художника мальчика лет двенадцати. На нем была форма рассыльного: ремень через правое плечо и крошечная шапочка, надвинутая на ухо и придерживаемая специальным ремешком под подбородком. Таких мальчиков-рассыльных в Англии называют «мессенджербой».

Артур, как отрекомендовался мальчик, был, казалось, удивлен моим к нему обращением, но охотно взялся отнести по адресу книги, которые я только что купил.

Мне показалось, что художник благодарно посмотрел на меня, когда я, вручив Артуру книги, тут же уплатил ему за работу. Тогда я заговорил с ним.

Художник рассказал мне, что Артур — его брат. Ему шестнадцать лет, но он бросил учиться, не кончив школы.

В Англии 450—500 тысяч детей ежегодно бросают школу, не окончив ее. По официальной статистике, они уходят «на работу». Фактически же они пополняют кадры безработных, конкурируя со взрослыми предложением труда и получая, в случае если удастся найти работу, мизерную оплату.

Отец художника — безработный. Он получает пособие, но оно столь не-

чтожно, что едва хватает на полуголодное существование семьи.

Сам художник окончил художественный техникум, хотел учиться дальше, но кризис и безработица заставили его думать о куске хлеба, и вот уже три с половиной года он рисует на панелях. Это дает возможность не умереть с голоду. Сидение на холодном камне сделало его инвалидом: около художника лежала пара костылей.

— А мне двадцать четыре года, — сказал Морис.

Я спросил Мориса, что он думает о своем будущем.

— Я ничего не знаю, — ответил он: — разучился думать и надеяться. Я сижу, скорее валяюсь, на панели, рисую утром, днем для того, чтобы бросить и уничтожить все это к вечеру. У меня есть жена и маленькая дочь. Их надо как-то прокормить.

— Артур? Он хочет уехать из Лондона. Но куда? Денег на дорогу у него нет. Начать с юнги, чтобы сделаться капитаном? Он не выдержит. Он физически слаб и необразован.

Морис замолчал.

В его кепи лежали девять с половиной пенсов. На трех монетах виднелись позеленевшие портреты королевы Виктории и на двух — короля Георга V...

В. К.

Художник Морис на набережной Темзы.

Концентрат Сна

Рисунки Л. ГОЛОВАНОВА

Л. ПЛАТОВ

ГЛАВА ПЯТАЯ¹

Первый день после пробуждения тянулся для Гонцова нескончаемо долго.

Его взвешивали, измеряли, выступкивали. Его просили вздохнуть, кашлянуть, привстать, присесть. Врачи с серьезными, озабоченными лицами ходили вокруг, деловито помахивая стетоскопами и негромко переговариваясь.

При других обстоятельствах Гонцов не утерпел бы и вмешался в их ученый, пересыпанный латынью разговор. Первую фазу эксперимента, во всяком случае, он мог описать во всех подробностях, так как наблюдения над собой проводил до самого начала летаргии.

Сейчас, однако, ответы его были рассеяны и кратки. Покорно представив грудь выслушивавшему его врачу, Гонцов смотрел в сторону, туда, где за стеклянной стеной зеленел удивительный мир, в котором предстояло ему жить.

— Доктор,—повторял он, упрямая и одновременно сердясь,—мне бы встать уже, а, доктор?

Но только к вечеру Федотов разрешил своему пациенту встать и походить немного по комнате.

— Не делайте слишком резких движений,—строго сказал он при этом,—не перегружайте сердце. Если все пойдет хорошо, я думаю, что смогу разрешить вам выступить сегодня ночью по радио. Мир знает уже о том, что вы проснулись, и ждет с нетерпением встречи с вами.

Потом он ушел вслед за другими врачами, оставив Гонцова в одиночестве.

Испытывая огромное физическое наслаждение от ходьбы, Гонцов прошелся мелкими шажками по комнате.

Голова его слегка кружилась. Он усмехнулся старательности, с какой передвинул затекшими ногами, и тому еще, что жался пока поближе к стене. Со стороны, вероятно, он

В Советской стране ученые имеют все возможности и условия для плодотворной творческой работы. Согретые сталинской заботой, они смело берутся за решение трудных проблем и решают их на благо всего человечества.

Замечательные слова: «Экспериментируйте смелее. Мы Вас поддержим», брошенные товарищем Сталиным в виде реплики во время доклада молодого ученого селекционера Цицина, окрылили и окрыляют людей советской науки.

Фантастическая концепция повести Л. Платова «Концентрат сна» имеет под собой реальную научную основу. В Институте физиологии Академии наук СССР под руководством заслуженного деятеля науки Л. С. Штерн изучают физиологию сна и работают над изменением его режима, в сторону возможного уменьшения.

Герой этой повести, молодой, талантливый ученый Виктор Гонцов, работает над проблемой сна. Он экспериментирует и находит, наконец, такое средство, которое, будучи введено в организм животных, освобождает от потребности в сне.

Гонцов проводит в лаборатории дни и ночи. От опытов над животными он переходит к опытам над человеком. Уже несколько дней он принимает найденный им антидот, средство, которое должно освободить человечество от оков сна.

Однажды, приняв очередную дозу «концентрата сна», он вдруг засыпает. Произошла какая-то ошибка в составе найденного им средства.

Товарищи по институту пытаются вырвать Гонцова из тяжелой летаргии. Его переносят в специальное помещение, и бесценное дежурство врачей устанавливается у постели спящего. Проходят годы, десятилетия, и только спустя 93 года, 9 месяцев и 4 дня настает пробуждение.

Свидетелем его пробуждения оказывается молодой врач Федотов, внук Федотова, друга Гонцова. Гонцов узнает о том, что сон побежден.

За прозрачной стеной комнаты Гонцов видит величественный памятник «победителю сна» и в центре скульптуры узнает себя.

Гонцову не терпится увидеть бесконечный мир. Он умоляет врача поскорее разрешить ему встать, чтобы увидеть свою мечту, воплощенную в действительность.

был похож на неопытного пловца, который плещется на мелководье у берега, не решаясь пересечь широкую гладь пробегающей мимо реки.

За стеной-окном расстилалась манившая светлая гладь.

Солнце почти спустилось уже к темной черте горизонта. Багряные отблески лежали на кипарисах, вдали в чаще сверкали остроконечные голубоватые купола, и краски были так яркие, зелен так свежа, что казалось,—только что отшумел дождь.

Глаз почти не задерживался на близких предметах; может быть, по-

этому Гонцов до сих пор не рассмотрел, как следует, памятника,—он сразу охватывал всю картину в целом. Необычайная глубина перспективы чудесно окрыляла взор.

Одновременно видны были из окон: и башни моста, переброшенного через реку, и клумбы цветов подле набережной, и отсвечивающие на солнце, повидимому, тоже стеклянные, здания далеко за мостом, на холме.

Гонцову представилось на мгновение, что он смотрит на волшебный город через какой-то драго-

ценный сияющий камень со множеством граней.

Куда вела от ворот пестренькая игрушечная мостовая? Что скрывали под собой голубоватые остроконечные купола? Не были ли они теми Дворцами Покоя, о которых вскользь рассказывал ему Федотов?

И тогда знаменитый ученый, не в силах совладать со своим нетерпением, совершил неблагоприятный поступок, который покойный его друг в негодовании назвал бы мальчишеством. Пользуясь ослаблением присмотра, он попросту удрал тайком из больницы.

Ступая на цыпочках и говоря самому себе «тш-ш!», он прошел коридор, миновал комнату, где оживленно болтали о чем-то сиделки, и очутился за воротами.

Тотчас ликование школьника, отпущенного на каникулы, охватило его и уже не покидало во все время прогулки.

Он задержался на секунду в воротах, раздумывая, куда ему свернуть: направо, к реке, или налево, к группе домов на склоне холма, — весь новый мир был перед ним, и он волен был выбирать. Потом он заметил рядом с собой пожилого человека в фартуке, который высаживал куст роз у памятника, освещенного косыми лучами заходящего солнца.

Гонцов скользнул любопытным взглядом по надписи на постаменте — там стояло его имя. Он запрокинул голову.

Центральная фигура скульптурной группы изображала его, Гонцова, окруженного лежащими в разных позах спящими людьми. Сам он сидел в кресле, возвышаясь над ними, держа на коленях просыпающегося кудрявого ребенка. Ребенок тер кулачками глаза, улыбка его была мягкой, недоумевающей, полусонной. И добрый доктор склонялся к нему, ласково протягивая стакан с волшебным напитком.

Много лет уже, наверное, стоял этот памятник здесь, у входа в больницу, где лежало неподвижное тело мученика науки, заплатившего природе такой дорогой ценой за свое открытие. Тут было тенисто и тихо, и дети приходили сюда по утрам и играли вокруг мраморного постаменты. Об этом говорили следы маленьких ножек на песке и чей-то смешной полосатый мяч, забытый в траве.

Взрослые, гуляя с детьми вдоль кипарисовой аллеи, конечно, указывали им на памятник и вполголоса, с приличной случаю торжественностью, рассказывали об ученых, самоотверженных друзьях человечества, которым очень редко выпадало счастье дожить до полного торжества своих идей.

— Я думаю, этот куст будет красивее выглядеть с краю, — вопросительно сказал садовник, критически осматривая свою работу. — А вы как посоветуете, товарищ?

Гонцов охотно вступил в разговор.

— Розы, пожалуй, именно то, — ответил он, — чего не хватало этому красивому уголку для полной гармонии.

Садовник снова нагнулся над клумбой.

— Мне сразу бросилось это в глаза, — сказал он, энергично работая лопаткой. — С недавнего времени я стал ходить к себе в Академию новой дорогой мимо памятника Победителю Сна. Мне не понравилось здесь и захотелось украсить клумбы розами, чтобы сделать приятное людям, живущим на этой улице. Понимаете?

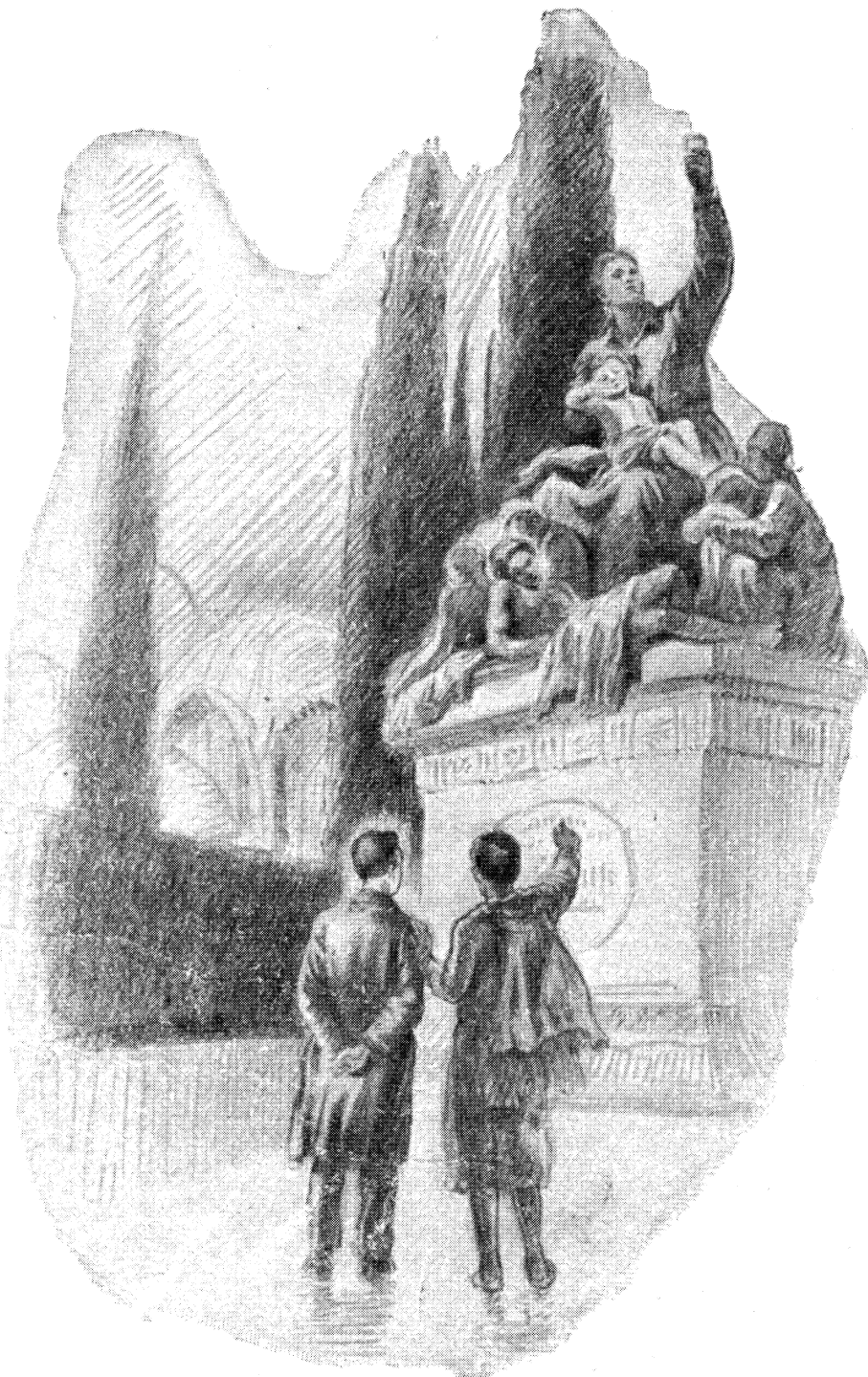
— А! Вы работаете в Академии Садоводства? — спросил Гонцов, присев на корточки и помогая садовнику разрыхлять землю.

— Нет, в Академии Радия. Я — физик, профессор Новак, если слышали. Мои книги о цветах менее известны.

Гонцов подумал, что в мире, где сон упразднен за ненадобностью, у людей столько свободного времени, что им грешно ограничивать себя одной профессией и не проявлять свой творческий дух в самых разнообразных направлениях.

— Конечно, это дает более широкий взгляд на вещи, — пробормотал он, — делает жизнь полнее, красочнее. Я бы, например, выбрал, помимо физиологии, также живопись.

— У живописца должен быть вкус, — пошутил садовник. — А вы здешний, повидимому, старожил, видите каждый день эти клумбы и до сих пор не догадались, что кусты надо пересадить вот так...

— По-моему, это вы...

— Значит, ваш дом далеко отсюда?—спросил Гонцов, проверяя ход своих мыслей.

Садовник тотчас уловил скрытое значение вопроса.

— О, в этом смысле мой дом—всюду, так же, как и ваш, вероятно,—ответил он с улыбкой. Потом, помолчав, добавил:—Вы, право, задаете смешные вопросы. Вам разве не бывает приятно, когда вы доставляете маленькие радости людям?

Бережно расправив горделивые лепестки красивейшей из роз, он поднялся с колен, чтобы получше рассмотреть своего странного собеседника.

В разговоре возникла длинная пауза. Садовник сказал неуверенно:

— По-моему, это вы...

Щурясь то на Гонцова, то на памятник, он заговорил твердо:

— Определенно, вы... Победитель Сна!.. Подумать, а я болтаю с вами и ни разу не взглянул на вас, поглощенный своими цветами.

Он суетливо стал собирать инструменты. Затем, вспомнив о чем-то, протянул Гонцову негибающуюся твердую ладонь:

— В ваше время, кажется, так прощались?—сказал он, улыбаясь.—О, не считайте землю со своей руки. Моя ведь не чище... Ваш доктор не рассердится за то, что вы помогли мне посадить цветы?

Они разошлись, и уже большое расстояние разделяло их, когда Гонцов услышал, как садовник окликает его, сложив ладони рупором:

— О-гей, Победитель Сна!..

— Что?!

И до Гонцова донеслось ободряющее:

— Вам понравится у нас, Победитель Сна!..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Новый мир предстал перед Гонцовым безоблачно-ясный и белоснежный, на успокоительном зеленом фоне. Богатство оттенков его было неисчерпаемо: от изумруда веселых лужаек до строгой синевы лесов.

Плющ обвивал подножие мраморных колонн, пурпуром и янтарем отсвечивали прозрачные стены, на перекрестках громоздились пестрые пирамиды цветов.

Сплошной благоуханный сад был вокруг.

Город располагался на террасах, пейзаж виден был сразу в нескольких планах. Прямо перед путником сбегала вниз широкими уступами улица. Мостовая была выложена разноцветными плитами. Вдали, между двух холмов, поблескивала вода.

— Зелень, вода, мрамор,—сказал вслух Гонцов, разнимая пейзаж на его составные части, и усмехнулся милому кокетству города, который, казалось, безустали любовался собой в зеркале бесчисленных каналов.

Не было лучше отдыха для Гонцова, чем бродить одному по площадям и улицам незнакомого города.

Будучи предоставлен самому себе, он был совершенно счастлив и почти не замечал времени.

Солнце уже зашло, отлесных массивов поползли на город сумерки.

Он услышал совсем близко журчание и плеск воды. Несколько капель упало на его лицо. Он поднял голову. Перед ним был фонтан.

Мимо, обгоняя его, взбежала по выщербленным ступенькам группа молодежи.

Ветер сносил брызги фонтана в сторону. Улыбаясь, Гонцов поднялся вслед за молодежью туда, где в позеленевшей, покрытой мхом низости стояли высокие граненые стаканы. Они были наполнены до краев голубоватой искрящейся жидкостью.

— Пожалуйте, вам первому,—сказала молодая девушка в ореоле пушистых волос, подавая Гонцову стакан.

Ее серые милые глаза были приветливы. С огорчением вспоминая, что утром не успел побриться, Гонцов принял стакан из ее рук и вдруг услышал за спиной задыхающийся, но бодрый попрежнему голос:

— Вам давно уже пора пить Концентрат. Можно ли так запускать лечение? Я уверен, что вы не пили Концентрат с того времени, как ушли из больницы.

Сзади стоял Федотов.

— Я иду вас по всему городу,—продолжал он ворчливо, завладевая своим пациентом и с осторожностью сводя его по ступенькам.—Как вы неосторожны, дорогой Гонцов. Ну, долго ли заболеть, когда организм так ослаблен...

Он выговаривал Гонцову и журил его все время, пока Гонцов не сказал, засмеявшись:

— Милый мой доктор, вы забываете, что я тоже врач. Я очень верю в психический фактор. Радость тонизирует нервную систему, понимаете ли? Как могу я заболеть, когда я так счастлив сейчас?

И с этими словами они вошли под своды большого зала, откуда должна была начаться радиопередача.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Стены этого зала были заняты большими экранами.

Гонцов взмог на трибуну, где стоял будничного вида столик.

Ударил три раза гонг.

И тотчас стена перед трибуной преобразилась. Площадь у входа в аллею фонтанов открылась Гонцову.

Вдали подпирал звездное небо изломанный строй кипарисов. Столбы воды сверкали под лучами прожекторов. А на переднем плане, на ступенях лестниц, у подножья колонн, были видны внимательные, настороженные взволнованные лица.

Головы вдруг задвигались, поднялись в приветственном жесте руки, и до Гонцова донесся глухой, нарастающий гул. Собравшаяся на площади толпа увидела его.

— Начинайте,—шепнул кто-то сбоку.

Гонцов оперся пальцами на столик, как делал всегда, когда читал

в университете. Он не подыскивал слов, не жестикулировал, он думал вслух.

— Друзья!—заговорил он медленно.—Мало кто из вас знает, что у меня был предшественник. Писатель, прославившийся своими фантастическими романами, заставил в одном из них проспать героя двести лет. За это время небольшое состояние героя, отданное в рост, неизмеримо увеличилось, и он, к своему удивлению, проснулся миллиардером. Впрочем, оказалось, что он всего лишь марионетка в руках людей, фактически владевших его богатством. От нечего делать научившись управлять самолетом, герой на последней страничке эффектно покончил самоубийством в воздухе.

Почему я вспомнил этот, прочитанный много лет назад, роман? Потому, что кое в чем напрашивается аналогия. Если рискнуть и назвать скромным научным состоянием те отрывочные догадки и мысли, которые я высказывал в свое время, то как разрослось это состояние теперь, благодаря моим многочисленным ученикам и продолжателям! Учение о природе сна и усовершенствованный Концентрат Сна стали подлинным богатством, причем принадлежит оно, к моей радости, не одному человеку, а всему освобожденному человечеству!

Гонцов помолчал, наклонив голову и пережидая, пока утихнут аплодисменты.

— Мир изменился с того времени, как я не был в нем,—продолжал он задумчиво.—Он сделался прекраснее во сто крат. Вы не имеете возможности наглядно сравнивать и просто не представляете, как он прекрасен. Все силы разума и сердца направлены на улучшение и украшение человеческой жизни. на борьбу с непокорной косной природой. И первое место в этом мире по праву принадлежит ученым, дерзким новаторам, исследователям и преобразователям вещей!

— Таким, как вы, Победитель Сна!—раздался восторженный голос из толпы.

Гонцов поднял руку, как бы защищаясь от незаслуженных похвал.

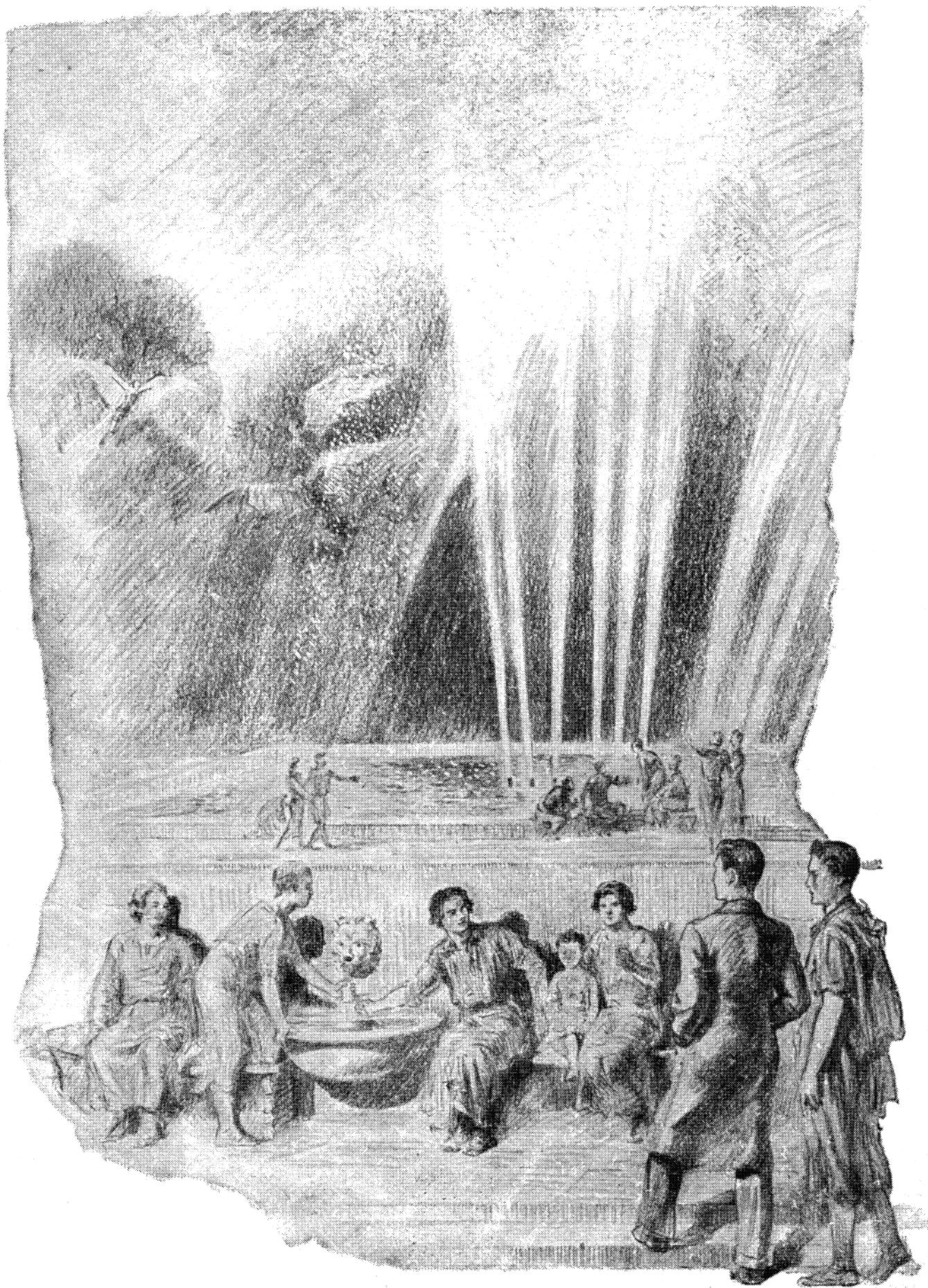
— Еще в мое время,—сказал он, улыбаясь,—было немало чудачков, которые боялись, что в коммунистическом обществе людям станет скучно. Они предполагали, что вы—люди коммунистического общества—будете жить в казармах и числиться за номерами. Кроме того, чудачки утверждали, что если исчезнет нужда, то замрет прогресс. Изнеженность и лень купающихся в изобилии людей погубят их, и они покатаются вспять, к варварству... Ну, вот вы и засмеялись! Славно ж вы смеетесь, друзья!..

Шутка о казармах и номерах была понята и воспринята хорошо.

Потом над заигающим в последних рядах смехом поднялся чей-то спокойный, уверенный голос:

— Включите Гренландию,—потребовал голос.—Пусть гренландские геологи расскажут Победителю Сна, как снова зазеленела ледяная пу-

Перед ним был фонтан.

стыня. Ведь это, пожалуй, одно из прекраснейших дел последнего десятилетия.

Толпа подкрепила предложение одобрительным гулом.

Вид площади с чернеющей на ней громадой людей стал тогда тускнеть и расплываться. Контуры чего-то нового, смутные краски, неясные детали медленно проступали на экране перед Гонцовым. Вскоре звездное небо совсем исчезло, и на его месте закачались величавые складки северного сияния.

У подножия поросшего лесом плато на гранитной набережной толпился народ.

От одной из групп отделился невысокий человек и шагнул к Гонцову.

— Гренландия, — сказал он тоном лектора, — была, как вам известно, последним на земном шаре, уцелевшим с незапамятных времен ледником...

Но подо льдом лежал клад. Земли Гренландии таили в себе богатейшие угольные залежи.

Разрозненные попытки капиталистов добыть уголь не увенчались успехом. Надо было прежде растопить весь ледник, толщина покрова которого достигала в среднем двух с половиной километров.

А это стало по силам только организованному в одном усилии обществу.

Несколько лет назад ученые предлагали зажечь под гренландским ледниковым куполом подземный пожар, чтобы сразу разрешить две задачи: получить энергию угольных пластов в виде газа и вместе с тем освободить Гренландию от льда навсегда.

На ледяном куполе были поставлены мощные турбобуры. По трубам вниз к уголю пошел кислород. Электрическая искра зажгла горячие материалы, заложённые внутри центральной шахты, и на огромной глубине вспыхнул пожар.

Удивительные перемены, рассказывал гренландский геолог, стали происходить тогда. Над Гренландией, бывшей до этого зоной устойчивых антициклонов, заморосил дождь. Плотная пелена туманов окутала ее.

Люди работали в призрачном свете фонарей и день и ночь. Страшный рев хлеставшей из узких фюрдов воды и стлакивавшихся, дробящихся льдин заглушал гудки экскаваторов.

Через полгода обнажилась земля в центральной части Гренландии. Вслед геологам прибыли сюда растениеводы, и над когда-то безжизненным плато зашумела листва. Сейчас, благодаря подогреву снизу, — подземная газификация будет продолжаться еще десятки лет, — явилась возможность выращивать в Гренландии многие растения.

— Но может быть, — закончил гренландский геолог, — вам это покажется менее замечательным, чем предполагаемая экспедиция в ракетопланах на Марс.

Серьезное лицо рассказчика, пена прибор у ног окружавших его людей, фиолетовые скалы и водопады

на заднем плане стали в свою очередь бледнеть, отодвигаться, рассеиваться.

Через несколько мгновений Гонцов уже видел перед собой глубокое узкое ущелье, перепоясанное синей тенью. Присмотревшись к суровому ландшафту, он догадался, что это кратер потухшего вулкана. На дне таких вулканов, читал он где-то, было всегда темно, как в лодке, и в самый солнечный день видны были звезды.

Экран, повидимому, передвинули в сторону, и Гонцов различил невдалеке длинное, заостренное тело ракеты, подвешенное к сооружению, напоминавшему катапульти. Человек подошел к ракете, встал рядом с ней и снова потекло размеренное повествование. — Спектральный анализ обнаружил на Марсе присутствие двух новых, не известных на земле элементов, свойства которых, однако, были с гениальной точностью предсказаны Менделеевым в его Периодической Системе. Физики и химики взволновались. Начались приготовления к экспедиции на Марс на поиски за таинственными элементами.

Посланные вперед в качестве разведчиков ракеты-автоматы без людей достигли далекой цели и благополучно опустились на поверхность Марса. Радиостанция приняла отсюда сигналы автоматических радаров. Все было в порядке. Самозаписывающие приборы с обычной исполнительностью отпартовали на землю о том, какая в месте посадки температура, давление воздуха и так далее.

Путь был расчищен и обследован. За авангардом предполагалось теперь послать главные силы — межзвездный крейсер с людьми.

— Откуда вы говорите сейчас? — спросил Гонцов экран и услышал:

— Наша стартовая площадка устроена вблизи лучшей в мире обсерватории в Кордильерах. Старт назначен на послезавтра.

Горное ущелье и длинное тело ракеты начали меркнуть, точно в горах выпал снег и стал оседать на них. До Гонцова донеслось, затихая постепенно:

— И все это не может пойти в сравнение с работами Академии Радия, где заняты превращением элементов.

Способность удивляться за этот день значительно притупилась в Гонцове: он встретил, как должное, появление на экране седого и румяного профессора Новака, давешнего своего знакомого, с которым вместе рассаживал розы близ памятника.

— Мы усовершенствовали нейтронную бомбардировку, — сказал профессор Новак, обращая внимание Гонцова на отполированный до блеска шар на четырех эбонитовых колоннах. — Она, кажется, применяется еще в ваше время. Помните мечты средневековых алхимиков, искавших какой-то философский камень, который превращал бы в золото любое вещество? Химера, не правда ли? Но мы с помощью незаряженных частиц атомного яд-

ра — нейтронов — научились не только превращать элементы, но воссоздавать новые, не встречающиеся в природе!

Самые драгоценные в мире вещества — радиоактивные. Если я не ошибаюсь, в ваше время грамм радия стоил полтора-два миллиона рублей. На всем земном шаре в немногочисленных тогда научных институтах могли бы наскрести не более килограмма радия. Ну, а мы теперь изготавливаем эти радиоактивные вещества на химических заводах.

Все труднее было Гонцову улавливать смысл объяснений. Порой в сознании возникали провалы, точно профессор вставляла целые фразы на незнакомом языке. Все чаще приходилось перебрасывать через эти провалы мосты воображения.

Гонцов двигался по ним все выше и выше, и голоса ученых XXI века сопровождали его в этом головокружительном восхождении.

Профессор говорил:

— Мы используем космические лучи... энергетический буксир далеких звезд... работаем над тем, чтобы поставить энергию звездной пыли на службу человечеству...

Голос смолк. Снова аспидно-черный экран был перед Гонцовым, и блестящие, похожие на бенгальские огни, пробегали по экрану.

Федотов помог Гонцову сойти с трибуны.

— Вы устали, — говорил он. — Столько впечатлений за день! На обратном пути домой мы зайдем на полчаса во Дворец Покоя.

— Но где самолеты? — Гонцов обвел рукой пустое небо. — Я думал, что ослепну от медлания самолетов в небе. Их нет. Где они?

— На очень большой высоте. Их не видно отсюда и в сильнейший бинокль. Теперешние воздушные трассы проложены в стратосфере, куда не достигает рябь ветров и где стратолеты развивают предельную скорость. Мы пользуемся этим совершенным способом передвижения при полетах на дальние расстояния. Обычно же, в обиходе, нас устраивают мотокрылья — легкие летательные машины.

Гонцов подивился умиротворяющему спокойствию, разлитому вместе с запахом цветов в воздухе. В который раз за прогулку отметил он отсутствие неприятных раздражающих шумов, — не слышно было лязга и скрипа трамваев, автомобильных сирен, свистков, грохота, — и он опять обратился за разъяснениями к Федотову.

— Как, — сказал тот, — разве это случилось не в ваши годы? Да, значит, вы уже не застали Комитетов Тишины...

Комитеты Тишины, обладавшие большими полномочиями, составлялись из инженеров и врачей и в конце XX столетия произвели тщательную сортировку всех городских шумов. А когда в городах воцарилась тишина, с предложением своих услуг выступили композиторы. На расчищенном от сорняков поле, в освобожденном от визга и треска

эфире они обязались вырастить сад прекрасных мелодий.

— Прислушайтесь,—сказал собеседник Гонцова.

Слабое дуновение музыки как бы струилось сверху.

Они сидели некоторое время неподвижно. Похоже было, точно ветер стряхивает с ветвей стеклянные капельки росы и те падают вниз с тихим перезвоном.

Мелодический ветер то нарастал порывами, то затихал, подчиняя нервы какому-то внутреннему ритму радости. Гонцову вспомнилось вдруг печальное изречение Паскаля: «Люди никогда не живут настоящим, а только прошедшим или будущим». Вздор! Ощущение реальности всего происходящего,—и доброе лицо его собеседника с широко расставленными выпуклыми глазами, и раскаленный диск солнца, падающий за холмы,—было счастьем, огромным, почти нестерпимым, как нестерпимым бывает яркий свет.

Гонцов зажмурился, потом засмеялся.

— Мне вспомнились описания людей будущего,—сказал он.—Какие страшные, злые шаржи! Люди-головастики в двойных очках и со слуховым рожком, подслеповатые, лысые, сутулые, кривобокие, на хилых, трясущихся ножках! Или люди, выродившиеся в насекомых, разумные пауки с душой убийцы! Или же один только мозг, дымящийся, как фимиам, на гигантском треножнике-машине!

— Что ж удивительного в этом,—пожал плечами собеседник.—Образы капитализма стояли вокруг писателя, заслоняя от него будущее. Уродливые тени их падали через его плечо на бумагу. На самом деле, как видите, мы совсем другие.

Да, вокруг были очень красивые и очень здоровые люди.

Изменилось ли их телосложение? Шире стали как будто плечи и грудь. Люди XXI века дышат, подобно горцам, чистейшим воздухом, который часто озонируется искусственными грозами. Спорт, разнообразные игры, гимнастические танцы прочно вошли в быт.

Незаметно они дошли до Дворца Покоя. Перед входом Гонцов произнес:

— В свое время я высказал предположение о том, что нервную систему можно заряжать, как аккумуляторы, электричеством. Я колебался только в выборе лучистой энергии.

Вскоре Гонцов, совершенно голый, лежал на циновке.

— Расслабьте напряжение мышц и мозга,—напутствовал его Федотов.—Старайтесь не думать ни о чем.

Широко открытые глаза Гонцова были устремлены в потолок.

В прорези между шторами проходил неяркий свет. Он думал вначале, что это свет с улицы, но потом увидел, что цвета меняются, пульсируют. Зеленые, голубоватые, нежно-фиолетовые лучи тянулись к нему со всех сторон, как бы поднимая его на воздух. Ему пока-

залось, что он парит на гребне радуги.

Прошло не очень много времени, и Гонцов почувствовал потребность встать, говорить, двигаться. Нервная система его была точно промыта в этой радужной световой ванне.

— Вы отдыхали пятнадцать минут,—встретил его Федотов в фойе.—Ну как? Не правда ли, прекрасно дополняет ваш Концентрат?

Времени было всего четыре часа ночи. Город продолжал бодрствовать, не затихая ни на минуту. Так же играла музыка, звенел смех, над головой слышался немолчный шелест крыльев легких излучных машин.

Федотов, однако, воспротивился дальнейшему продолжению прогулки.

— Домой, домой,—сказал он неумолимо.—Вы не знаете меры ни в чем, мой друг. Превосходно проведете остаток ночи за книгой, а утром,—я не неволю вас, гуляйте.

Он завалил книгами столик подле кровати Гонцова и распрощался.

Млечный путь попрежнему освещал Гонцова своими раскидистыми, припорошенными инеем ветвями. Облитые жемчужным светом, в молчании стлы за прозрачной стеной кипарисы.

Гонцову попала «Новейшая история человечества», предпоследний том.

1914 год—на полях Марны и Восточной Пруссии закипел бой. 1917-й—знамя Октября взвилось над одной шестой земного шара. 1930, 1935, 1940... Гонцов погрузился в чтение.

Тихо тикали часы на этажерке. Звезды меняли положение. Стеклянная комната, в которой сидел безучастный к окружающему пришелец из XX века, казалось, совершала бесшумный полет во времени.

...Пришедший утром к Гонцову Федотов застал его в довольно расстроенных чувствах.

— Что с вами, милый,—испугался Федотов, пробуя его пульс.—Не захворали ли вы снова?

— Пустяки, не то,—ответил Гонцов.—Просто понял, как ужасно я отстал от вас, людей XXI века. Мои знания совершенно ничтожны. Я, наверное, не смог бы работать сейчас и лаборантом.

Он заходил в волнении по комнате.

— А быть в тягость я не хочу,—говорил он.—И празднующимся туристам, зевакой тоже не могу быть. Я хочу работать наравне со всеми. Творить. Созидать. Понятно вам?

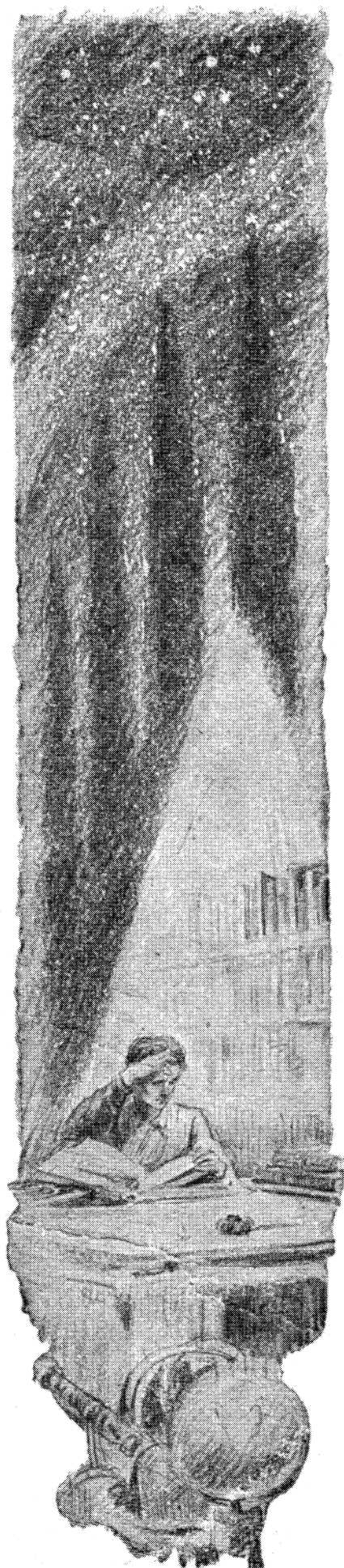
И снова, как раньше, на плечо этого вечно-мятущегося, беспокойного человека легла успокоительно-твердая, дружеская рука.

— Почему же вы так отчаиваетесь?—спросил внук Федотова.—Учитесь. Нагоняйте.

Он продолжал с привычной рассудительностью:

— Вы очень быстро нагоните пропущенное. Занимайтесь хоть круглые сутки. А мы все поможем вам.

Конец.

Гонцов погрузился в чтение.

Черная Ламба

Н. ГРИБАЧЕВ

Рисунки Г. ФИТИНГОФА

Мне поручили обследовать и нанести на карту один из горных краев у Полярного круга. Этот край, протяжением около тридцати километров, начинался у большого озера Шамбо и, постепенно понижаясь, заканчивался в непроходимых дебрях, в дикой глуши у Черной Ламбы—маленького, словно искусственно высеченного в граните озера. В тресте говорили, что на этом странном озере водятся лебеди и по весне оно бывает совершенно черным от утиных выводов. Поверить этому было легко, потому что на много верст вокруг не было ни одного селения, и едва ли в этом краю, где дичи и без того много, охотники стали бы забираться так далеко.

Вот и все, что мне было известно о местности, в которую я ехал. Остальное надлежало выяснить при топографических съемках.

К озеру Шамбо мы приехали в начале июля. Вокруг лежали девственные леса, с воем прыгали по камням пенистые реки, по утрам долины курились фиолетовым паром, и наша палатка казалась игрушечным парусником, заблудившимся в беспредельности океана. Белые ночи подавляли своей строгой ясностью и тишиной, страстные песни косачей и пересвист рьячиков постоянно сопровождали нашим голосом. День за днем подвигались мы вперед, и голова кружилась от солнечных бликов, плеска и сверкания воды, пения птиц, и казалось, не идем мы, а нас уносит зеленая и величественная река.

Только в начале сентября, когда лето быстро пошло на убыль и на зеленых гробнях лесов закружилась рыжая пена листопада, попал я к Черной Ламбе. Закат уже погас,

и белые отсветы его недвижно покоились на гладкой, совершенно круглой поверхности озера, словно лимонный сок на синем блюде. Стрельчатые, увешанные седыми лишаями ели плотно обступили берег, и в некоторых местах пришлось пустить в ход топор, чтобы пройти самим и пронести инструменты.

Когда вышли к воде, мы увидели в конце озера в чаще молодого ельника избу. Низкая, черная, опиравшаяся углами на огромные валуны, она была похожа на старую, зачерпнувшую воды и присевшую отдохнуть перед восхождением на гору.

— Что же ты,—спросил я проводника,—не знал?

Приземистый, светлоусый, он пожал плечами:

— А что с того? Сумасшедший старик!

— Все-таки жилье,—сказал я.

— Недоброе жилье,—помолчал, затем проводник.—Наши боятся, беда приключиться может.

— Ерунда!

Проводник недоуменно приподнял брови, пожал плечами, словно снимая с себя всякую ответственность, и молча отошел, а я, обрадованный предстоящей встречей и подогретый таинственным предостережением, решил поселиться в избушке. На следующий день пришел к избе, распахнул черную дверь и увидел старика, неслабо набивавшего патроны для ружья. Он не ответил на мое приветствие, даже не повернул головы. Я подошел, сел рядом и, закулив, сказал, что надоело жить в палатках, что пришел проситься на постой и ценой не поспущаюсь. На очень короткий

миг рука старика задержалась в воздухе, он искоса, краем глаза, взглянул на меня и снова погрузился в свое занятие. Только когда я встал и направился к двери, он вдруг заговорил, заговорил так неожиданно, что я вздрогнул:

— Изба велика, живи... Живи, говорю!

Так я поселился в этой избе, и кстати: погода вскоре испортилась. Рабочие ушли в деревню, и я неспешно, пользуясь полным одиночеством, принялся за обработку материалов и вычерчивание плана. Старик молчал. Слова, услышанные мной в первое посещение, были единственными, произнесенными им. Уходя порой в лес, я пел, смеялся, разговаривал сам с собой, а возвратившись, молчал: боязливый, вечно настороженный взгляд старика сковывал язык. Первое время, до ухода рабочих, эта дикая замкнутость на целые дни выгоняла меня из избы, и я ночевал в палатке; потом несколько раз пытался вызвать старика на разговор, расспрашивая об охоте, о рыбной ловле. Однако он продолжал молчать и лишь порой, когда я был особенно назойлив, ворчанием выражал недовольство.

Однажды вечером, в дождливую, скучную погоду, мы сидели у печки. Глядя на тлеющие угли, медленно исчезающие под серым налетом пепла, я вдруг, сам не зная почему, сказал, что, наверное, в таких местах обязательно должно водиться золото.

— Золото?

Я оглянулся на старика—он ли это сказал? Привыкнув к его постоянному молчанию, я готов был счесть все за галлюцинацию слуха.

— Золото?—повторил он еще бо-

нее зловещим тоном. — А кто дал тебе право на это золото? Кто ты такой?

Мне стало не по себе. Растерянно, запинаясь, я пытался объяснить, что я не золотоискатель, что мне лично золото, пожалуй, вовсе ни к чему:

— Для государства, отец. Какое там еще право!..

— А-а... Для государства, говоришь?

Казалось, старик задохнется от безпечности. С ужасом я увидел, как начали медленно подниматься его руки с крепкими, узловатыми, черными от работы пальцами, как, привстав, он склоняется ко мне с очевидным желанием вцепиться в горло. Я мог бы свалить его с ног ударом кулака, но, повидимому, необычность обстановки лишила самообладания. Наконец, я потянулся к заднему карману, где у меня лежал браунинг. Не знаю, то ли понял старик смысл моего движения, то ли припадок бешенства прошел сам собой, но вдруг он глубоко вздохнул, положил руки на колени и медленно опустился на самодельный табурет.

— Многие ищут золото, — закрыв глаза, тоскливо и словно прислушиваясь к своим словам, проговорил он. — Многие, да... А где оно, где?

«Он сошел с ума от одиночества», подумал я. После этого случая я несколько ночей подряд не мог спать, раздумывая над странным поведением старика, а когда засыпал — мучили кошмары.

Снова на Черную Ламбу я приехал весной. Роняя белую чешую, над озером отцветала черемуха, пищали в зарослях камыша утята. Мои прежние страхи за зиму прошли, и я решил на этот раз также поселиться в избе старика, тем более, что это избавляло меня от комаров и едкого дыма костра.

Мне открыла девушка. Ее появление было столь неожиданным, что я растерялся и, не в состоянии вспомнить ни одного подходящего к случаю слова, молча топтался на месте. У нее были стройные, изящные девические ноги, тронутые первым заггаром, тонкая и гибкая талия и чуть рыжеватые, отливающие старой бронзой волосы.

— Здравствуй! — сказала она просто.

Я продолжал смущенно молчать.

— Если вы к дедушке, то его нет дома, он на охоте. Впрочем, входите.

— Извините, — сказал я, — не знаю, кто вы и откуда, но у меня дело к хозяину.

— Только-то? Я замещаю его, я — хозяйка!

— Вы?

— Ага.

Так началось наше знакомство. Часто мы сидели над озером. Подразнивая меня, она говорила:

— Ну, как не стыдно тебе сидеть здесь второй год и только чертить, чертить, чертить? Тут, говорят, не то железо, не то медь водится — не

Ее появление было столь неожиданным, что я растерялся...

знаю. Вот и открой что-либо такое, совсем замечательное.

— И открою.

— Где тебе...

— Ей-богу, открою! Знаешь, я открою богатую руду, и на этом самом месте, где мы стоим, будет город...

Минуту спустя я сказал:

— Знаешь, что я открою? Золото! Она вздрогнула.

— Как ты сказал: золото?

— Почему же нет?

— А я не хочу!

— Почему?

— Не надо!

— Почему?

— Мне не нравится золото, оно портит людей...

— Не понимаю.

— Один уже помешался на золоте, — она кивнула в сторону избы, — теперь начинает другой. Молчи, или дед перережет тебе горло.

— Почему?

Она молчала. Потом неловко рассмеялась.

— Не будь чудаком! Разве ты не видишь, что дед помешался на золоте? Почему, спросишь ты? А я откуда знаю! Мне известно только что это какая-то тайна, связанная с замужеством моей сестры.

— Разве у тебя есть сестра?

— Да, только я не знаю, где она. Этот разговор, довольно странный для нашего времени, послужил причиной длительного отчуждения

между нами. Однако все мало-помалу налажилось, и под осень я совершенно забыл об этом случае.

И вдруг произошло еще одно событие, окончательно поставившее меня в тупик.

Я стоял на вершине холма, неподалеку от избушки, набрасывая схему долины и реки, то пропадавшей в лесу, то выплывавшей лениво и нехотя на болотные прогалины, и вдруг мне почудилось, что кто-то поет в лесу. Свернув блокнот, прислушался: действительно, песня, подобно эху, несется из глубины долины, но слов не разобрать. Я укрылся в чаще можжевельника и стал ждать. Вскоре песня приблизилась, точнее не песня, а пение, этакое понурри, в котором самым причудливым образом перемежались финские, карельские и русские напевы.

Из-за холма показалась сначала огромная широкополая соломённая шляпа, за ней—красное, размоленное зноено и ходьбой лицо, потом—полосатая шерстяная рубашка и финские сапоги с загнутыми носками. При виде столь странно одетой, долговязой фигуры с берданкой и рюкзаком за плечами я чуть не расхохотался. А человек, продолжая распевать, спустился по склону и направился к избушке. Раздираемый любопытством, волнуемый самыми различными мыслями и подозрениями, я с трудом проработал до обеда и поспешил домой.

Гость сидел в углу, под образами, что-то рассказывал Анни и по временам раскатисто хохотал. При моем появлении он умолк, но продолжал улыбаться,—видно, что у него был приветливый и веселый нрав.

— Это мой приятель,—сказала Анни.—Он...

— Я—друг ее, верный друг, рыцарь и оруженосец,—перевел он.—Спаси господи, чего только я о ней не передумаю, когда она скроется, как звезда в облака... Зато и радуюсь же я, когда она приезжает,—иду и пою, сижу и пою, сплю и... разве что когда сплю, так умолкаю.

— Он шутит,—покраснев, заметила Анни.

— Я шучу? Ох, Анна, неблагодарная! Знаете,—обернулся он ко мне,—все девочкой была она, а вот уже и женщина начинает сказываться. А, да что говорить, пропал я теперь наверняка!

Завязался довольно оживленный разговор, из которого я узнал, что мой новый знакомый—учитель одной из ближайших школ, что он любит целыми неделями бродить по тайге и два-три раза за лето заходит в гости на Черную Ламбу. В свою очередь Пекка—имя у него было чисто финское—проявил живейшую любознательность, расспрашивал меня о причинах заточения в глуши, о том, как подвигается работа, о принципах топографии.

— Да зачем вам это?—смеялся я.
— Это вы напрасно,—серьезно сказал он.—Я часто брожу по глухим, неизвестным местам. Разве между дел не мог бы я набросать

хоть схематичный план их? Это очень-очень было бы полезно!

— Что ж,—сказал я,—если это вас так интересует, могу дать несколько уроков, но при условии, что весь собранный материал вы будете посылать нам.

Он с удовольствием согласился, и в тот же вечер мы приступили к занятиям. Прилежным учеником оказался не только Пекка, но и Анни. Забавно и радостно было мне смотреть на их прилежание. Впрочем, Пекка намного обогнал Анни: у него была совершенно изумительная способность схватывать на лету сущность самого запутанного объяснения, и однажды я даже спросил его:

— Вы, наверное, занимались геодезией прежде, во время учебы?

Он порозовел от удовольствия:

— Если это не комплимент, то очень высокая похвала. Нет, я не занимался геодезией, но всегда любил геометрию.

Действительно, сомнения мои сразу рассеялись, как только он взялся за инструменты,—он решительно не знал, с какой стороны к ним подойти, не отличал верха от низа.

Однажды вечером Пекка попросил меня показать только что вычерченные планы: он долго и внимательно изучал их, а потом вдруг спросил, не собираются ли здесь прокладывать дороги?

— Это было бы очень большое дело, очень. Может, здесь даже руда есть?

— Не знаю,—сказал я.—Может быть и проведут.

— Скажите, вы финн?—выпалил я давно навязший вопрос.

— Да,—ответил он просто.

— Вы очень быстро изучили русский язык.

— Я жил до восемнадцатого года в Петрограде, затем сражался в Красной армии в Гельсингфорсе и, когда погас красный огонь на башне Рабочего дома, бежал сюда.

Пекка прожил с нами две недели. Вскоре после его ухода мне принесли письмо из треста, в котором предлагали остаться на Черной Ламбе до половины зимы и нащупать профиль для шоссе-ной дороги.

Наступила осень, и Анни уехала в техникум—продолжать учебу. Ушли и рабочие. Снова мы со стариком сидели в молчании по вечерам, снова я испытывал неприятное чувство человека, которому собираются всадить нож в спину из-за угла. Но делать было нечего,—барака в одиночку не выстроишь. Я продолжал заниматься рекогносцировкой, обработкой материалов, вычерчиванием планов.

Времени свободного оставалось много, и понемногу я пристрастился к охоте. Мне удавалось подстрелить то глухаря, то зазевавшегося зайца, то лису. За это время еще раз, на два дня, заходил Пекка—принес старику спички, табак, порохов и дробь. Встреча вышла холодной—при его появлении, неожиданно для себя, я начал вспоминать, что Пекка и Анни, когда я работал,

на целые дни уходили охотиться в долину, что при моем появлении они прерывали разговор. Удивительно, как я не обратил на это внимания раньше!

— Ну, а как с топографией?

Пекка огорченно махнул рукой:

— Все некогда было... Вот зобируюсь...

Анни приехала на каникулы. Она прошла в один день свыше сорока километров на лыжах, была усталой и очень грустной. Под вечер она собралась прибирать избу, а мне предложила прогуляться, чтобы не мешать ей.

Я захватил ружье, надел лыжи и, насвистывая, пошел бродить по лесу. И нужно было проклятой охотничьей страсти на этот раз так увлечь меня, что я пробулжал вместо двух-трех часов до полнотчи! Признаться по совести, мне очень хотелось похвастать перед Анни успехами в охоте,—ведь известно же, что на севере больше всего ценятся качества хорошего охотника.

Была полночь, когда я подошел к дому. Меня поразило отсутствие света в окнах. Я даже остановился посреди озера, подозревая, что сбился с пути.

Дверь в сени я нашел открытой, но не удивился, потому что на севере их часто и вовсе не запирают на ночь. Только когда я нашел открытой и дверь избы, когда мне бросилось в глаза разбитое окно,—я понял, что случилось необычайное. От ужаса и шемящего чувства тоски, от страшного одиночества, которое внезапно ощутил я с потрясающей остротой, мне хотелось закричать, но я не проронил ни звука—страх сковал язык. Я стоял, прислонившись к косяку, и чувствовал, что у меня подкашиваются ноги. И вдруг заметил, как медленно-медленно, бесильно поводя руками и дергаясь головой, начинает подниматься старик. Его фигура, уже покрытая снегом, в сумерках казалась призрачной, неестественной. Моя рука, лежавшая на спуске ружья, непроизвольно дернулась, и выстрел, прозвучавший в безмолвии подобно грому, на миг осветил черные стены, перевернутые стулья, лужу крови на полу.

— Золото,—хрипя и задыхаясь прошептал старик,—они унесли мое золото! О, мое золото, мое золото!

Эти слова, столь раздражавшие меня уже два года, разрушили опеменение, в котором я находился. Я бросил в угол ружье, снял рукавицы, подошел к старику. Руки мои наткнулись на теплую и липкую струю, стекавшую у него по левому боку.

— Где Анни?—словно в забытьи, твердил я.—Анни... Анни...

Заикаясь, старик попытался ответить, но зубы его стучали от холода. Я кинулся к печке, ощупью нашел керосин и, плеснув им на дрова, развел огонь. Потом взял старую шубу и заткнул разбитое окно.

— Где Анни?—снова спрашивал я.
— Они унесли мое золото. Она пошла, чтобы вернуть!

Больше от старика ничего не удалось добиться. Его интересовало только одно — золото и вернет ли его внучка. Он был в предсмертной агонии.

Я метался по избе, словно помешанный, не зная, что предпринять, как поступить. Страх уже прошел, но способность соображать еще не вернулась. И вдруг я заметил, что папки с топографическими материалами, лежавшие на столе, в беспорядке разбросаны и от двух или трех остались только обложки.

Тогда, наконец, разумная мысль осенила меня: преследовать. Как же я не догадался раньше? Схватив ружье, проверив патронташ и захватив запас патронов, я выбежал из избы и стал на лыжи. И в тот момент, когда стал обходить вокруг дома, отыскивая след, до моего уха долетел жуткий смех старика:

— Он пошел, он тоже пошел! Он тоже хочет золота!.. Ах-ха-ха...

Дрожа от возбуждения и терзаясь неизвестностью, я побежал прочь от этого сумасшедшего дома.

Если бы не звезды, я окончательно запутался бы в лесу и, вероятно, заблудился. Но при свете звезд, неярком, рассеянном, все же совершенно отчетливо виднелся на снегу глубокий лыжный след. След был только один, но ясно, что Анни также прошла здесь. Я успокоился, и только сердце непонятно ныло, как при огромной утрате.

Так я прошел около пятнадцати километров. След дважды пересек лесную дорогу, и, несмотря на петли, которые делал лыжник, подымаясь на увалы, несмотря на отклонения от прямой, я все больше и больше убеждался, что преступник уходит к границе, и уходит изо

всех сил, стараясь выиграть как можно больше времени.

Уже рассветало, когда я обратил внимание на то, что в одном месте лыжный след прерывался и на снегу совершенно четко отпечаталась фигура человека. Обойдя несколько раз вокруг сугроба, хранившего странную форму, я пришел к единственно правильному, как мне показалось, выводу, что с лыжником или лыжницей здесь случилось обыкновенное происшествие. Однако несколько дальше я еще раз наткнулся на такой же отпечаток, лишь несколько больший по размерам. Это слишком частое падение было подозрительным. Я внимательно исследовал снег и нашел револьверный патрон крупного калибра, вероятно кольтовский. Стал ощупывать его с недоумением только что проснувшегося человека: кто в кого стрелял, чего ради? А может быть... Да! Ужасно непрочная вещь — уверенность, построенная на догадках!.. А что, думал я, если это Анни преследовала преступника и втянула его в перестрелку? Что, если она ранена?

В волнении присел я прямо на снег и отер потный лоб. Через минуту встал и пошел снова. Дальше была гора, у подножья которой по берегу озера проходила дорога. Скатившись с горы, я затормозил лыжи и, потеряв равновесие, полетел в снег. Забыв даже вытереть кровь с лица, оцарапанного ветвями, и стряхнуть снег, я кинулся к дороге: на ней прямо посредине багровело свежее кровавое пятно. Снег в этом месте был истоптан, словно здесь прошло несколько человек, а от дороги к озеру вела красная дорожка, похожая на красный шов вышивальщицы. Пройдя по следу до конца, я уви-

дел, что он обрывается у проруби, которую, очевидно, прорубили крестьяне, чтобы поить лошадей.

Может быть, именно в эту минуту я и поседел. Совершенно отчетливо я представил себе, как бандит убил Анни выстрелом, когда она спускалась с горы, не подозревая, что враг притаился в елях, как затем он оттащил труп к озеру и спустил под лед.

Долго простоял я над прорубью, мысленно прощаясь с Анни. Возможно, я плакал. Может быть, просто не думал ни о чем. Я очнулся от резкого холода, поднимавшегося от ног к сердцу. Тогда во мне закипело бешенство, желание бить, душить, топтать негодяя, осмелившегося поднять руку на девушку. Я забыл о старике, одиноко умиравшем в заброшенной избе, забыл о его сумасшествии, его золоте, и во мне осталось только желание во что бы то ни стало догнать того, кто шел впереди.

После сам удивлялся: как это я не разбился во время бешеного бега? Я шел по следу, как собака, ни разу не останавливаясь, не задумываясь, подобно лунатику, скользил с круч, с которых при других обстоятельствах не согласился бы съехать ни за какие блага в мире. После одного из таких спусков заметил, что на губах у меня запеклась кровь, повидимому, от удара ветки. Я даже не поднял руки, чтобы вытереть ее. Я был загнипозирован местью, и она чудом спасла меня среди дикого бурелома и каменного хаоса.

И, наконец, я догнал его!

Я увидел его километра за полтора, при подъеме на одну из гор, и, сам не отдавая себе отчета в том, что делаю, выстрелил, словно приглашал его подождать, чтобы вступить в единоборство. Странное рыцарство! Я видел, как он на минуту остановился: пораженный, а затем исчез за гребнем горы. Но я знал, что теперь он от меня не уйдет!

И я догнал его. Когда он увидел меня метрах в ста от себя, вдруг круто свернул с просеки, по которой шел, и бросился в снег. Почти инстинктивно я сделал то же самое, и в ту же минуту над моей головой запели пули.

«Хорошо! — подумал я. — Хорошо! Я не стану тебе отвечать, не стану даром тратить патроны. Я тебя заморожу на месте или уложу, когда ты поднимешься, чтобы итти...» И я удобнее устроился в снегу, с твердым решением скорее замерзнуть, чем выпустить его живым.

Повидимому, он понял, что стрелять без хорошо видимой цели, да еще из револьвера, бесполезно. Тогда наступила необыкновенная, до глубины души поразившая меня тишина. Я лежал и удивлялся тому, что делаю, лежал и думал: не сплю ли я, в действительности ли все это происходит?

Вероятно, прошло несколько часов, прежде чем я увидел, что мой противник медленно поднимается из снега, пытается незаметно доползти до густой гривы ельника и укрыться за ней. Усмехаясь и дро-

— Они унесли мое золото...

жа от возбуждения, я поднял ружье и, уловив в просветах елей его фигуру, выстрелил сразу из двух стволов. Короткий, сдержанный стон, более похожий на вздох, был ответом на выстрел.

Осторожно пробрался к противнику. Он лежал ничком; зарывшись головой в снег, и рюкзак, плотно привязанный, мешал ему встать. С брезгливой осторожностью я распустил лямки рюкзака, вырвал из руки и бросил в снег кольт, затем, еще раз оглядев эту долговязую, нескладную и такую знакомую фигуру, перевернул его на спину. Бледное, изможденное, покрытое морщинами преждевременной старости, незнакомое мне лицо. Глаза его были закрыты, и только веки едва заметно вздрагивали да слегка раздувались ноздри. Хотелось раздавить эту гадину, увидеть, как он, подобно жабе, которую переехало колесом, станет корчиться в предсмертных судорогах. Но он вдруг, словно угадав мои мысли, открыл глаза и прошептал спокойно:

— Не надо!

...И вот мы сидим при свете костра—двухчасовой день кончился.—сидим оба молчаливые, оба настоженные. Я уже осмотрел его рану, и она оказалась не опасной,—он упал не потому, что его сразила моя пуля, а потому, что это была уже вторая рана, первую ему нанесла Анни. Он обещал и от боли, причиненной моей пулей, потерял сознание.

Постепенно приятная теплота разливается по телу, и я чувствую, как меня одолевает сон—неудержимый, беспощадный. С огромным усилием я отгоняю дремоту и снова вижу чуты прищуренные, печальные и вместе с тем полные ненависти глаза, которые следят за мной из-под полуопущенных ресниц. «Чего он ждет?» думаю я. Проходит минута, пять, десять, и вот, словно сквозя густой туман, замечаю, как он медленно-медленно начинает подниматься, становясь на четвереньки, как, придерживаясь за ветку ели и судорожно перекосив лицо от боли, выпрямляется и достает откуда-то из-под полшубка финский нож. Холодное желание убить снова овладевает мной, и руки судорожно, до ломоты, сжимают ствол ружья. Но я не делаю ни одного движения, и только злорадная усмешка победителя помимо воли появляется у меня на губах. В ту же минуту он тяжело опускается в снег.

— Трус!—говорю я, открывая глаза.—Гадина!

— Послушай,—говорит он,—отпусти меня.

Это предложение застает меня врасплох. А он продолжает, словно поощренный моим изумлением и молчанием:

— Здесь в рюкзаке у меня на тысячу рублей золота. Ведь ты знаешь это? Отпусти меня, возьми себе половину.

Опять это проклятое золото! Так, значит, это не бред, не сумасшедшая мания старика? Значит, это золото существует в действительно-

— А материалы? Профили дороги, эскизы, проекты?..

Он молчит, съеживаясь и подвигаясь к огню.

— Я возьму все,—говорю я после паузы.—Я возьму все, а после этого подумаю, что мне сделать с тобой.

Пристально смотрю на него, и мне кажется, что в глазах его появляются слезы. Жалкий его вид, растерянность вызывают во мне новый прилив злобы и гадливости.

Некоторое время он молчит.

— Ты давно знаком со стариком?—спрашивает он меня.

— Раньше, чем ты.

Он отрицательно качает головой.

— Ты слишком молод. Хочешь, я расскажу тебе о нашем знакомстве?

Я молчу.

— Так вот,—продолжает он,— была такой прапорщик Елисеев, в тысячу девятьсот двадцатом году стоявший со своими солдатами у озера Шамбо. Этот прапорщик однажды под вечер попал на Черную Ламбу и попросился переночевать. Старик, хозяин избы, пустил его, а дочь, тонкая, стройная блондинка с голубыми глазами, постелила ему постель. С тех пор у прапорщика в районе Черной Ламбы оказалось вдруг множество неотложных дел, и он всегда заходил почевать к старику с внучкой.

— Думаешь разжалобить?—спрашиваю я.

Он пожимает плечами:

— Если ты у меня отберешь золото, мне больше нечего ни жалеть, ни бояться. Но ведь ты не посмеешь заснуть из боязни, что я тебя задушу. Мы оба знаем, чего хотим, так не все ли равно, как скоротать ночь? Ведь не думаешь же ты итти ночью?

— К чему мне твои рассказы?

— Выслушай,—страстно кричит он,—выслушай и постарайся понять! Ты, кажется, любишь Анни, да? Молчи, не угрожай,—ты любишь Анни, а ее сестра—моя жена. Слушай же!

Я молча киваю головой. Вижу всю его игру, замечаю, как в его воровато бегающих глазах мелькают злорадство и надежда, но не смею его остановить.

— Так вот, упомянутый прапорщик Елисеев, или, что то же, я, женился на сестре Анни, которая в то время была еще совсем девочкой. Мы поженились, и я справлял свой медовый месяц. Деньги у меня были—это мои деньги,—кивнул он на рюкзак,—я взял их у местных попов. Мне предстояла хорошая будущность, я был на прекрасном счету у финского командования и со дня на день ожидал повышения по службе, тем более, что часть юности провел в Финляндии, в Таммерфорсе, и финским языком владел в совершенстве. Но тут случилась маленькая неприятность: красные погнали нас к границе. Мы отступили.

Я трус, я не скрываю этого. Когда я не бывал в бою впереди, никогда не рисковал. И одна мысль, что о моем золоте могут узнать, приводила меня в состояние неопи- сываемого ужаса.

С момента, когда я узнал, что финской армии пришел конец, я ни одной ночи не провел спокойно. Мучительно, неотступно преследовала меня мысль о том, где скрыть золото, как его переправить. Я не доверял людям, и всех их считал подлецами, и не хотел поручить хранение кому бы то ни было, даже тестю. А с другой стороны, где же было мне и спрятать золото, как не у него?

И я спрятал. Угрожая револьвером, я приказал ему сидеть дома, а сам вышел и закопал золото под камнем, на наиболее возвышенном и заметном месте, справедливо полагая, что простое понимается в таких случаях наиболее трудно. После этого я долго бродил с фонарем по двору, возился в конюшне, подзревая, что старик будет подсматривать, и стараясь навести его на ложный след. И мне удалось его обмануть. На прощанье я сказал ему:

— Смотри, что бы ни случилось, я вернусь за своим кладом и, если его не окажется, живьем сдеру с тебя шкуру. За золото ты отвечаешь мне своей головой!

У старика от страха и жадности побелели губы, но я не интересовался его мыслями. Я был человеком самоуверенным.

Два года тому назад я впал в ужасную нищету. Из армии меня уволили, считая, что финнами лучше смогут командовать сами финны. Сделали это под предлогом того, что еще не наступило время итти с рогатиной на медведя. «Если хотите,—сказали мне,—мы вам можем предложить работу в...» Но я отказался, к таким делам не го- жусь. Я попытался найти приличную работу, но из этого ничего не вышло. Одно время работал гидом в музее, показывал знатым иностранцам всякие финские достопримечательности. Потом я работал на фабрике плавленого сыра, затем—в мастерской точной механики. Отовсюду меня в конце концов увольняли, и, наконец, наступил день, когда мне не на что было купить завтрак жене.

Ты спросишь меня, почему я не пришел раньше? Потому, что многие ходили по более серьезным делам и с большим опытом—и не возвращались. К тому же мы—трусы. Я видел много русских эмигрантов за границей. Мы превратились в жалких червей, которые ползают в постоянном страхе быть раздавленными и кормятся крохами, падающими с чужого стола. Я видел ваших за границей—ваших инженеров, ваших моряков. Это другие люди, и я их не понимаю. Однажды группа ваших зашла в музей, где я служил гидом, и я нечаянно обронил русскую фразу. Они спросили меня: не русский ли я?

— Нет,—сказал я.—Я только жил в России.

Я отрекся, потому что мне было стыдно за себя.

Так вот, я боялся. Я боялся, что меня убьют, я боялся и вас, и самого себя, своего сумасшествия.

— А материалы?— снова настаивал я.

— Это случайность, честное слово...

— Может быть, обойдемся без ссылок на честность?..

— Все равно—это случайно. Я мог рискнуть перейти через один кордон, а не через два. Я просил капитана финского погранотряда пропустить меня. Он сказал: «Мы уважаем частные дела и пропустим вас, но вы должны собрать информацию, это—цена нашей помощи».

Остальное просто. Я пришел к старику и заявил, что мне нужно золото и еще кое-что и все это я возьму. Сначала он кричал, что я беглый трус и вор, что золото принадлежит тому же, кому принадлежит и земля, в которой оно запрятано, потом стал мягче.

— У меня учится внучка,—твердил он,—я сторожил это золото пятнадцать лет. Я должен получить часть...

Какое мне было дело до внучек. Развязка произошла, когда я стал брать бумаги,—старик кричал, что он не позволит грабить гостя, что я отродье собаки и забыл северный обычай, по которому гость и его

имущество неприкосновенны. Когда он попытался меня оттащить, я ударил его ножом. Я пришел издалека, я продрог, как собака...

— Рассказывай, как ты убил Анни,—говорю ему.

— Она меня ранила. Когда я увидел ее в избе в первый раз, я подумал, что схожу с ума,—так велико было сходство с моей женой. Но это была не моя жена—я узнал по глазам, по разговору, по удивительной чистоте, что она принадлежит другому времени. Но она не знала, кто я, а я ни о чем не говорил при ней.

Вот почти и вся история. Я провел с этим типом одни сутки, но услышал столько мерзостей, что горой мне казалось, будто сам стал грязнее. Впрочем, что ж, мы живем в другом мире, и подобное ощущение понятно!

Концерт окончился. Трое друзей, случайно встретившихся в буфете и забывшихся разговором, уже собирались уходить, когда к ним подошла светловолосая стройная женщина. Она еще издали улыбнулась рассказчику и помахала ему рукой.

— Вы что же оторвали его от концерта?—обратилась она к приятелям.

Те конфузливо переглянулись и промолчали.

— Ну, да ладно,—засмеялась блондинка.—Прощаю, но только пора и о доме подумать. Я подожду у зеркала.

— Кто это?—спросили приятели, когда женщина отошла.

— Анни, жена.

— Позволь, ты же сказал, что Анни убили. Или ты нашел дубликат?

— Зачем убили?—улыбнулся рассказчик.—Я нашел ее после того, как свел на заставу «родственников» и похоронил старика. Анни была в больнице. Во время перестрелки, когда ее ранило, она захотела пить, ползком добралась до проруби, и тут ее подобрала проезжие крестьяне. Она, видите ли, верила в золото столько же, сколько и я, но она заметила кражу материалов и решила, что должна обязательно вернуть их... Да, впрочем, вы заходите, Анни сама вам расскажет, как и что, она это умеет лучше меня. Хоршо?

Он лежал ничком, зарывшись головой в снег...

У берегов Балтики

Балтийское море имеет жизненное значение для нашей страны. Это важная морская дорога, открывающая СССР путь в другие страны.

Балтика и прибалтийские страны: Эстония, Латвия, Литва, являются своего рода подступами к СССР, к его северо-западным границам. Стратегическое значение этих стран очень велико.

Не случайно ряд крупных держав пытались использовать прибалтийские страны для борьбы против СССР. Англия, например, упорно стремилась проникнуть в Прибалтику и создать здесь базы для своего флота.

В эпоху гражданской войны Антанта использовала территорию Эстонии как плацдарм для интервенции против молодой Советской республики. На эстонской территории формировались банды белогвардейского генерала Юденича, и отсюда они двинулись на красный Петроград.

В нынешней, сложной и обострившейся до крайности международной обстановке, чреватой всякими неожиданностями, Советский Союз не мог допустить, чтобы слабые в военном и экономическом отношении прибалтийские страны могли снова стать слепым орудием в руках империалистических хищников.

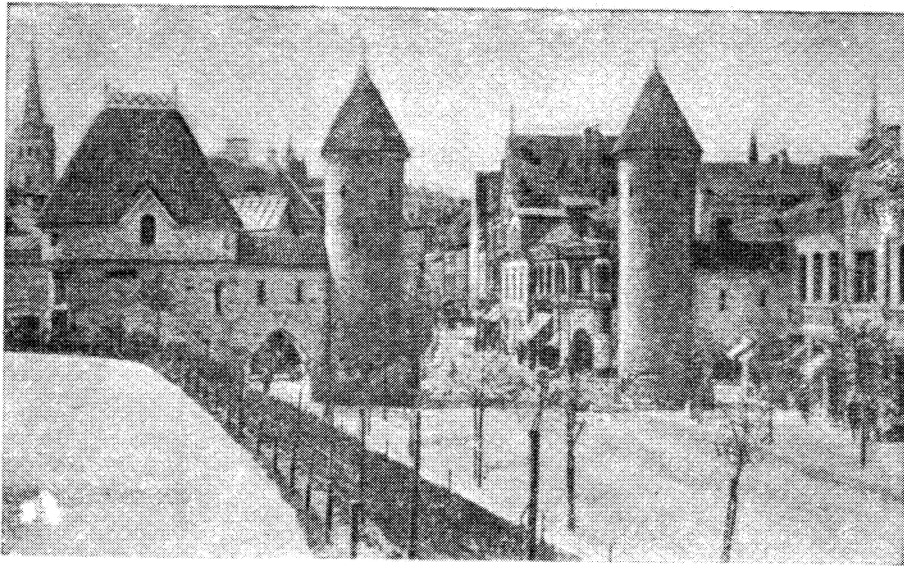
В результате дипломатических переговоров, происходивших в Москве, Эстония, Латвия и Литва заключили с СССР пакты о взаимопомощи, имеющие громадное политическое значение.

Эти пакты обеспечили безопасность и мир народам Эстонии, Латвии, Литвы и укрепили оборону наших границ.

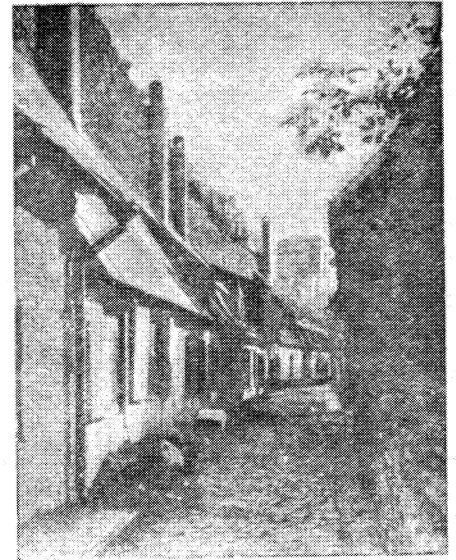
Ниже печатаем короткий очерк-справку о прибалтийских странах.

Таллин. Уголок города.

Таллин. На окраине города.

ЭСТОНИЯ

Среди прибалтийских государств Эстония занимает очень выгодное в географическом и стратегическом отношении место. Расположенная у входа в Финский залив, Эстония как бы держит ключи от этого залива. И не случайно, что на Эстонию часто зарисовались различные завоеватели.

В первой половине XIII века Эстонию захватывают датские короли, распространившие свои владения вплоть до восточного побережья Прибалтики.

В 1346 году датский король Вальдемар IV продал Эстонию ордену тевтонских рыцарей за 19 тысяч марок. С середины XII столетия в набегах на восточные берега Балтийского моря начинают принимать участие шведы. Шведские короли организуют походы: сначала против Финляндии, а после ее покорения — к берегам Невы. Захватнические стремления шведов встречают решительный отпор со стороны русских.

В результате Северной войны (1700—1721 годы) между Швецией и Россией, в союзе с Польшей и Данией, Эстония в 1721 году, по Ништадтскому миру, была присоединена к России, в состав которой она входила в виде Эстляндской и части Лифляндской губерний.

Что же представляет собой современная Эстония?

Это очень маленькое государство, занимающее площадь всего в 47,5 тысяч квадратных километров, с населением 1131 тысяча человек. Коренные жители — эстонцы — составляют 88,2 процента населения, остальные 11,8 процента населения составляют русские, немцы, шведы, латыши, евреи и прочие национальности.

В административном отношении Эстония делится на 11 уездов, или округов. В стране 119 городов, в большинстве очень небольших.

Столица Эстонии — г. Таллин (Ре-

вель) — насчитывает 150 тысяч жителей. Таллин — центр машиностроительной промышленности. Здесь находятся вагоностроительный и судостроительный заводы, завод электрооборудования, мебельная фабрика, текстильные, кожевенные, пищевые и бумажные фабрики, военный арсенал. Море у Таллина замерзает только в суровые зимы. Таллинский рейд — прекрасная стоянка для военных кораблей.

Из остальных городов следует упомянуть г. Тарту (бывший Юрьев, или Дерпт) с 76 тысячами жителей. Здесь имеется крупный завод телефонных аппаратов. В Тарту находится единственный в Эстонии государственный университет. Город Нарва насчитывает около 30 тысяч жителей. Это центр текстильной промышленности Эстонии. В городе имеется Кренгольмская хлопчатобумажная, Нарвская льняная и ряд суконных фабрик.

Эстония богата островами и озерами. Ей принадлежит 818 больших

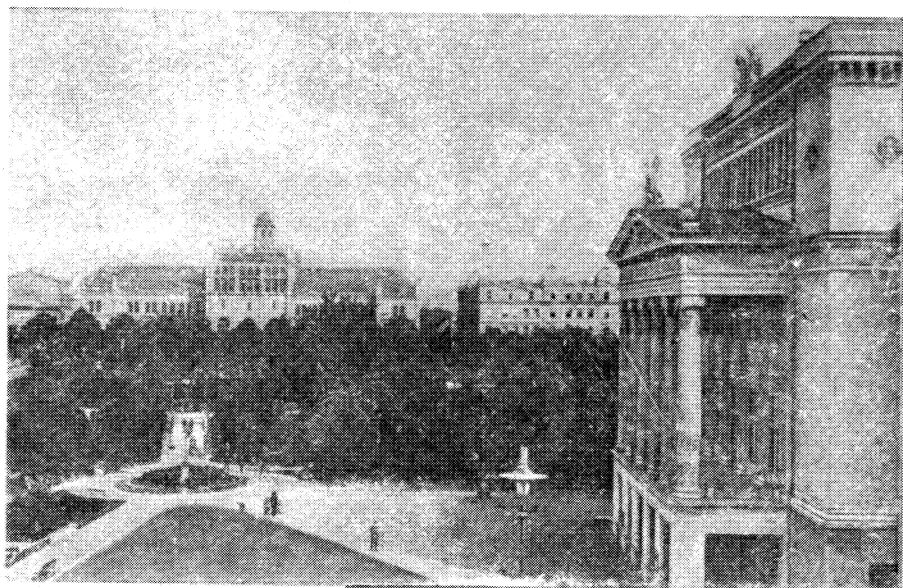
и малых островов и 1512 озер. Главные эстонские острова: Саарема (Эзель), Хийумаа (Даго), Муху (Моон), Вормси (Вормс), Рухну и другие. Общая площадь всех островов равна 4 тысячам километров. Озера занимают 2200 квадратных километров, или 5 процентов всей территории Эстонии.

Полезными ископаемыми Эстония бедна. Имеются небольшие запасы (до 6 миллионов тонн) сланцев, фосфориты, гипс, торф, известняк.

Эстония в дореволюционной России была развитым промышленным районом. Искусственная изоляция Эстонии от СССР не могла не оказать своего пагубного действия. Промышленность постепенно зачахла. 70 процентов населения Эстонии сейчас заняты в сельском хозяйстве, и только 13,5 процента — в промышленности. Сравнительно сильно здесь развито животноводство, 37,3 процента всей территории занято лугами и пастбищами.

Нарва. Мост через реку Плюсса.

Рига. В центре города.

В сельском хозяйстве господствуют крепкие кулацкие хозяйства. Им принадлежит 69 процентов всей земли.

Эстония экспортирует продовольственные продукты (масло, мясо, бэкон, птицу, яйца, зерно), сырье, полуфабрикаты (лес, кожсырье, целлюлозу) и незначительное количество промтоваров (текстиль, бумагу, машины). Ввозит главным образом промышленные товары (текстиль, железо, сталь, металлоизделия, сельскохозяйственные и другие машины, автомобили, стекло, химические товары и др.).

ЛАТВИЯ

Латвия расположена между Эстонией и Литвой. Она образовалась из частей бывшей царской России: Курляндской губернии, трех уездов Лифляндской губернии (Рижского, Венденского и Вольмарского), трех уездов Витебской губернии (Двинского, Люцинского и Режицкого) и части Островского уезда, Псковской губернии.

Среди трех прибалтийских стран Латвия по территории занимает первое место (65 791 квадратный километр).

Латвия делится на пять административных единиц: Земгале, Латгале, Курземе, Видземе и Ригу. Области делятся на 19 уездов, а те в свою очередь на волости (пачасте).

Живет в Латвии 1 971 тысяча человек (по данным на 1 января 1938 года). Среди них 73,5 процента латышей, 12,5 процента русских, около 6 процентов евреев и другие национальности.

Поверхность Латвии представляет собой равнину, лишь местами прерывающуюся невысокими холмами. Между реками Западная Двина и Аа расположено живописное плато — Венденская Швейцария. Судоходных рек в Латвии три: Западная

Двина, Аа и Виндава. Имеется много озер и болот. 3 500 километров латвийских водных путей пригодны для сплава леса.

В Латвии большое лесное хозяйство; 27 процентов всей площади занимают смешанные леса (ель, сосна, дуб). Основные лесные массивы расположены на северо-западе страны. Лес используется как строительный материал и как сырье в деревообделочной и бумажной промышленности.

На рижском взморье имеется ряд курортов: Дуббельн, Майоретогф, Эдинбург, Кеммерн, Эссерн и другие.

Латвия бедна ископаемыми. Основные из них торф (запасы которого только в районе Риги составляют 10—15 миллиардов тонн) и бурый уголь, который разрабатывается, однако, очень слабо.

Латвия была также одним из самых промышленных районов царской России. Через территорию Латвии проходили и транзитные пути, связывающие центр России с портами Балтийского моря. В 1913 году Рижский, Либавский и Виндавский порты пропускали 20,6 процента импорта и 22,3 процента экспорта бывшей царской России.

Потеряв после империалистической войны российский рынок, поглощавший значительную часть промышленной продукции Латвии, и не имея возможности конкурировать на рынке с сильными европейскими державами, латвийская промышленность, так же как и эстонская, пришла в упадок. Сейчас небольшие фабрики и заводы работают на внутренний рынок, а объем промышленной продукции едва достигает 50 процентов довоенного.

Животноводство занимает основное место в сельском хозяйстве Латвии. Продукты животноводства — мясо, масло, кожа — идут на экспорт. Только за один 1936 год из Латвии было вывезено масла на 25,3 мил-

лиона лат¹, а в прошлом году вывоз масла составил половину всего сельскохозяйственного экспорта.

Крупный морской порт и столица Латвии Рига основана в 1158 году в глубине Рижского залива. Вход в Ригу с Балтийского моря проходит через Рижский залив, соединяющийся с морем Ирбенским проливом. Рига — база военно-морского флота Латвии. В Рижский порт могут входить большие корабли. Во время мировой войны Ирбен служил базой для броненосцев русского балтийского флота.

Сооруженные на мысе Перель батареи тяжелой артиллерии и система минных заграждений в самом проливе позволили русскому флоту в течение долгого времени сдерживать превосходящие силы противника вне пределов Рижского залива.

С моря Рига защищена крепостью Даугавгрива (Усть-Двинск).

В Риге сосредоточено две трети латвийского промышленного пролетариата и около одной шестой части всего населения Латвии (население города 385 тысяч человек).

Лиепая (Либава), главный город области Курземе, насчитывает 57 тысяч жителей (в 1914 году было 100 тысяч). Город основан в XIII веке на берегу Балтийского моря. Лиепая — второй промышленный центр Латвии (металлообрабатывающая, судостроительная, лесохозяйственная, кожевенная, маслобоянная, мукомольная промышленность) и прекрасная база для военного флота и морской авиации.

Лиепая расположена на узкой косе, отделяющей озеро Лепаяс от Балтийского моря, с которым оно соединено каналом. Стратегическое значение этого порта очень велико. Расположенный в южной части Балтийского моря порт Лиепая защищает вход в Финский залив. Мелководье на побережье Лиепая создает безопасность и от нападения подводных лодок.

Другой крупный незамерзающий порт Латвии — Вентспилс (б. Виндава) — расположен в устье реки Бенты, при ее впадении в Балтийское море. Два мола — северный и южный — защищают порт от моря и образуют аванпорт глубиной до 30 футов. Зимой, когда Рижский порт замерзает, Вентспилс является центром латвийского вывоза. Порт хорошо оборудован, имеет свою судовой верфь и судоремонтные мастерские.

Население Вентспилса — 17 тысяч человек.

ЛИТВА

Самая южная из трех прибалтийских республик Литва стоит на первом месте по населению (2,4 миллиона человек) и на втором по территории (52 822 квадратных километра).

¹ 100 лат — 98 руб. 15 коп. золотом.

Литва, как и две другие прибалтийские республики, образовалась после первой империалистической войны из частей бывшей царской России: губерний Ковенской, Сувальской, Виленской и Курляндской.

Название Литва—происходит от корня «lit», что означает сырая, болотистая страна. И действительно, в Литве, особенно на юге и востоке, очень много небольших озер (наиболее известные из них—Рубикское, Плательское, Дейгское).

Климат Литвы умеренно континентальный: теплое лето и мягкая зима.

Население довольно однородное: литовцы составляют 85 процентов населения, евреи—7,1 процента и прочие национальности 7,9 процента. Вся Литва делится на 20 уездов. Каждый уезд охватывает примерно 100 тысяч населения и в свою очередь делится на волости.

Литва—аграрная страна. 79,4 процента населения занято в сельском хозяйстве и только 8,7 процента—в промышленности (это составляет 20 тысяч промышленных рабочих).

Литва экспортирует на международный рынок большое количество свиней, крупный рогатый скот, семена клевера, лен, кожсырье. Как для промышленности, так и для сельского хозяйства Литвы характерна, между прочим, слабая техническая вооруженность.

Среди городов важное значение имеет Каунас (б. Ковно), старинный город, основанный в конце X века на реке Неман. Здесь сохранилось много древних зданий: ратуша XVII века, костелы и др. В 1812 году этот город был занят наполеоновскими войсками. В царской России Ковно считалось важной пограничной крепостью.

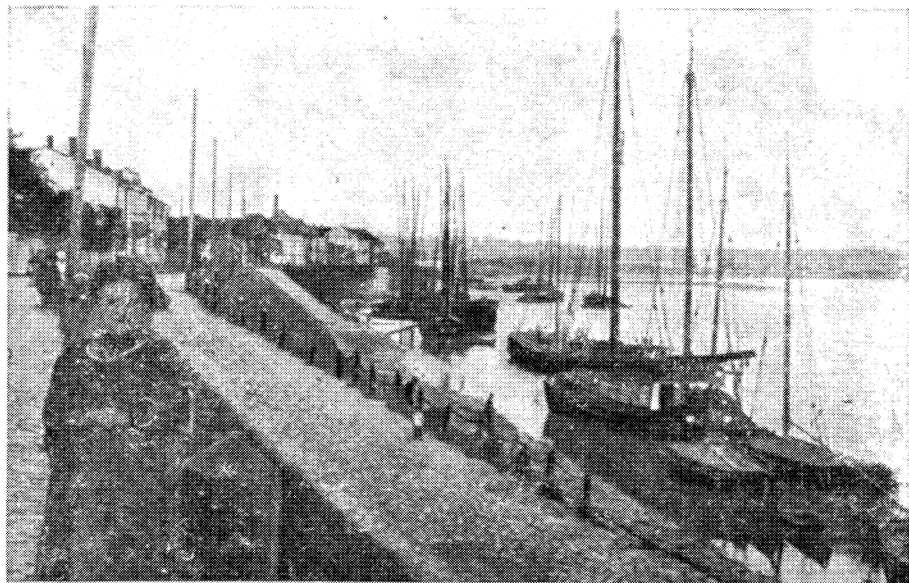
В городе находится единственный в стране университет, основанный в 1932 году. Количество жителей—152 тысячи. Здесь имеется несколько десятков небольших предприятий: металлургические, текстильные, лесопильные, стекольные, пищевые (главным образом по переработке свиного мяса).

Как известно, наша страна, идя навстречу чаяниям литовского народа, передала недавно Литве город Вильно, который в 1920 году был насильно отторгнут поляками от Литвы и в сентябре 1939 года освобожден героической Красной армией. Вильно—древняя столица Литвы, основанная в X веке. Население Вильно—около 200 тысяч человек. В городе есть лесопильные заводы, пищевкусовые и трикотажные предприятия. Вильно—крупный культурный центр и важный железнодорожный узел. Железные дороги из Вильно идут на Каунас, Шауляй, Лиепая (Латвия), Даугавпилс (Латвия). С СССР Вильно связан железной дорогой: Молодечно—Минск.

Вместе с Вильно мы передали Литве и Виленскую область, в которой проживают 550 тысяч человек.

Лиепая. Одна из городских улиц.

Каунас. Набережная реки Неман.

Вильно. Театральная площадь

Человек из „Орлиной ложи“

СЕМ. НАРИНЬЯНИ

Имя Ивана Гавриловича Табакова пользовалось широкой известностью не только у нас в стране, но и за границей. Академик, депутат, орденоносец, — он всюду и везде был уважаем, как большой ученый, и любим, как замечательный патриот и гражданин.

О громадных научных заслугах Табакова не раз писалась в общей и специальной прессе. Эта сторона жизнедеятельности академика широко известна, и не о ней будет сегодня речь. Я хочу рассказать об одном эпизоде из частной жизни Ивана Гавриловича, повествовать об одной слабости уважаемого ученого, которая доставила немало тревожений нашему другу доктору Осокину.

А заключалась эта слабость в том, что Иван Гаврилович Табаков был страстным болельщиком футбола. И каким еще болельщиком! Если бы футбольные страсти можно было измерять температурными градусами, то показатели Табакова следовало искать только около точки кипения. Увлечение академика было настолько сильным, что с мая по ноябрь, т. е. в горячие дни всесоюзного футбольного первенства, Иван Гаврилович с большим трудом сидел у себя в институте для того, чтобы двигать вперед мировые открытия в области химии.

Самой собой разумеется, что Иван Гаврилович тщательно скрывал как от друзей академиков, так и от работников возглавляемого им института свою привязанность к футболу. И это страшно его огорчало. Порой маскитому ученому хотелось поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями, излить, как говорится, душу болельщика на чьей-нибудь понимающей груди. Но на чьей? Ведь не пойдет же он к президенту Всесоюзной Академии наук говорить о преимуществах длинного пасса при игре на мокром грунте, или не станет же Иван Гаврилович спорить со своими коллегами по

химическому институту о задачах центрофорварда в свете новой футбольной системы дубль-ве? А быть болельщиком и не спорить — это почти невозможно. И бедному Ивану Гавриловичу приходилось отводить душу на стадионе. Здесь у старика, где-то неподалеку от последнего ряда северной трибуны, было свое облюбованное место, прозванное мальчишками из-за близости к облакам «орлиной ложи».

Мы имели обыкновение сидеть этажом ниже академика, на местах, именуемых по числу членов нашей компании «приютом одиннадцати». В число одиннадцати входили: старлевар завода «Серп и молот» Т., Герой Советского Союза полковник Ч., народный артист республики режиссер С., художники А. и П., студент-путеец Г., доктор Осокин и другие. Все мы познакомились друг с другом здесь же, на стадионе, несколько лет назад, и все под влиянием всепожирающей страсти болельщиков стали постоянными посетителями футбольных соревнований. Академик Табаков к нашей компании не принадлежал. Да мы, собственно, и не знали, что он академик. Завсегдатай стадиона, любя, прозвали ученого «старик Тама». Это прозвище прижилось к нему, и никто из нас не пытался узнать настоящее имя завсегдатая «орлиной ложи».

Старик Тама болел в одиночку на своем верхотурье, стараясь утаить от нашей компании свои бурные переживания. А переживания эти принимали порой страшные формы. В острые моменты футбольной игры старик забывал обо всем на свете и прежде всего о своем почтенном возрасте. Он поднимался вместе с мальчишками на скамьи и кричал на весь стадион:

— Тама!

Отсюда, собственно, и получил академик Табаков свое прозвище. Слово «тама» не было уменьшительным от женского имени Тамара. «Тама» в данном случае олицетворяло собой производную форму от слова «там». Правда, в русском языке слово «там» не склоняется, но у болельщиков, как известно, свои правила. И когда мяч от хорошего шута входил, как гвоздь, в ворота противника, весь стадион восхищенно кричал вслед за Иваном Гавриловичем:

— Тама!

Иван Гаврилович ходил на все интересные матчи. А так как прошлым летом интересные матчи бывали почти ежедневно, то академик

оказался в несколько затруднительном положении. Он не знал, как ему объяснить химикам свои регулярные отлучки из института. Но тут Ивану Гавриловичу на помощь пришел шофер Васька. Футбольная слабость ученого была на руку этому молодому человеку, ибо сам Васька был не меньшим болельщиком, чем Табаков. Правда, Васька считал многие увлечения Ивана Гавриловича ошибочными. Он, например, не признавал системы дубль-ве. Его фаворитами были футболисты, прозванные за мелкую, ажурную игру «кружевницами», в то время как Иван Гаврилович отдавал предпочтение команде «старлеваров».

Однако эти разногласия не мешали Ваське в острые моменты кричать вместе с Табаковым: «Тама!», восхищаться в тон с академиком хорошо разыгранными комбинациями, ловкими финтами и классными ударами по воротам. Но, самое главное, шофер Васька придумал способ, как освободить академика с пяти до семи вечера от всякой опеки химиков, для того чтобы спокойно сидеть с ним в это время на футболе. Сделал это Васька довольно просто: он распустил слух, что Иван Гаврилович с пяти до семи ездит в поликлинику греть свою ревматическую ногу электрическими лучами горного солнца. В институте поверили. Да почему, собственно, и не верить, ведь академик действительно ежедневно куда-то уезжал. Так время с пяти до семи стало неприкосновенным. В пять часов секретарша Табакова вызывала Василия из гаража:

— Иван Гаврилович едет в поликлинику.

С пяти до семи учебная часть сняла все лекции Табакова:

— Иван Гаврилович в поликлинике.

Нужно сказать, что стадион оказался неплохой поликлиникой. От регулярного пребывания на воздухе Иван Гаврилович подзагорел, поздоровел и выглядел лет на пятнадцать моложе. И все же... Ревматическая нога дала о себе знать. Наступила осень, пошел дождь, и у Ивана Гавриловича возобновились болезненные приступы. Во время одного из таких приступов его отправили в клинику больницу. Главным врачом этой больницы был доктор Осокин, наш друг и приятель из «приюта одиннадцати».

Посмотрел доктор на больного и немного растерялся. Кто, собственно, перед ним? Мировой ученый Табаков или старик из «орлиной ложи» по прозвищу «Тáма»?

Сходство было, конечно, исключительным: та же борода, тот же взгляд, те же движения.

«Очевидно, двойник», решил он.

Две недели Иван Гаврилович провел в больнице. На стадионе в это время шли последние игры на первенство. Все вы помните этот бурный прошлогодний финиш, когда до самой последней игры нельзя было определить возможного победителя. Каждая встреча путала очки, перекраивала таблицы. На стадионе велись горячие дискуссии, ставились прогнозы. Там кипела жизнь. А несчастный Табаков вынужден был в это время сидеть в больнице. Старик капризничал, бушевал, но никто не мог понять, в чем дело. К нему в эти дни ходили родные, ученики, товарищи, но никого из них, по совести, он не ждал с таким нетерпением, никому из них он не радовался так, как радовался приходу шофера Васьки. Васька являлся в больницу последним посетителем сразу же после очередного матча. Он заходил в палату, закрывал дверь и подробно выкладывал Ивану Гавриловичу все последние новости. И хотя шансы «кружевниц» и «сталева-ров» на победу были до самого последнего времени совершенно равны, Васька самым бесцеремонным образом выставляла вперед своих фаворитов, рисуя положение табакoвских «сталева-ров» в самых мрачных красках.

И вот, наконец, наступил день решающей встречи этих двух команд. Иван Гаврилович решил во что бы то ни стало выписаться в это утро из больницы. Доктор Осокин осмотрел его. Левая нога ученого была еще в тяжелых отеках. Осокин вздохнул и многозначительно развел руками.

— У меня срочное дело, — сказал академик.

— Придется отложить на неделю. Табаков пытался настаивать, он просил, доказывал, требовал, но ничего из этого не вышло.

А время шло. Чем ближе подступал час встречи, тем сильнее нервничал академик. В половине пятого Иван Гаврилович вторично вызвал к себе в палату главного врача. Но его не оказалось в больнице. Да это и понятно: с пяти до семи доктор Осокин ездил в ту же самую «поликлинику», адрес которой был так хорошо известен Табакову.

Тридцать пять минут пятого. К Ивану Гавриловичу внезапно явился Васька. Он дождался, пока сестра вышла из палаты, и с сердцем сказал, показывая в окно:

— Какая погода, Иван Гаврилович! При такой погоде «кружевницы» всадят в ваши ворота не меньше семи мячей.

Эта фраза оказалась роковой. Чаша терпения Табакова переполнилась, и больной решился на побег. Он тайно послал Ваську за одеждой и без двух минут пять был уже на стадионе.

Ровно в пять началась игра. Это был тот самый матч, о котором болельщики до сих пор рассказывают друг другу подробности в стихах и художественной прозе. На футбольном поле перед десятками тысяч зрителей встретились в поединке две тактики, два стиля. «Кружевницы» надеялись легко смять «сталева-ров» виртуозной игрой своих быстрых форвардов и... ошиблись. Их ассы уже в первые десять минут поняли, что перед ними не одиннадцать футболистов (каждый из которых был, конечно, слабее любого игрока из команды «кружевниц»), а один мощный коллектив, одна стальная команда. Воля к победе была в этот день у «сталева-ров» чертовски сильна. Все они жили только одним стремлением: вперед и вперед к воротам противника!

Пока на зеленом поле стадиона шел бой «кружевниц» со «сталева-рами», в клинике поднялся переполох. Из института сюда явилось несколько ученых химиков навестить больного, а больного в палате не оказалось. Ученые — к телефону. Звонят в институт. В институте Табакова нет. Звонят домой. Туда он тоже не приезжал! Ученые — к дежурной сестре. Сестра — в слезы.

В общем сумбур пошел страшный. Ученые самым паническим образом начинают искать Ивана Гавриловича Табакова, а Табаков в это время преспокойно сидит в «орлиной ложе» и млеет от самого неподдельного восторга. Табаков громко восхищался тактикой своей команды и не упускал случая, чтобы не наекнуть Ваське на явное преимущество «сталева-ров». Игра была столь захватывающей, что мы не заметили, как изменчивое осеннее солнце спряталось за тучи и полил дождь. Шесть раз в этот день менялась погода. Дождь, солнце, ветер, снова дождь, снова солнце, и, наконец, в середине второго тайма начался снежный буран. Но ни снег, ни дождь не могли остановить игру. Ни один человек не покинул трибуны. Зрители накрывались газетами, делились зонтами. Владельцы плащей устраивали импровизированные шатры и прятали под каждым из них по пять-семь человек.

Погода была явно противопоставлена ревматикам. Как чувствовал себя под дождем и снегом Табаков — неизвестно. Мы в «приюте одиннадцати» вспомнили о существовании Ивана Гавриловича только перед концом второго тайма.

В это время на поле развернулся один из самых ярких финалов, какой нам приходилось видеть. Счет, несмотря на горячие старания обеих команд, упорно продолжал оставаться ничейным. Красивые комбинации, возникавшие в центре поля, бесцветно гасли у ворот, не достигнув цели. И вдруг за две минуты до последнего свистка судьи правый крайний «сталева-ров» прорвался вперед. Он вынес мяч к самому углу поля и, неожиданно вывернувшись, передал его через головы «кружевниц» прямо в ноги своего центрoфорварда. Центр оказался

один на один с вратарем. Весь стадион замер от напряжения. Центрoфорвард ударил. Он метил в «девятку», т. е. в левый верхний (и самый ехидный) угол ворот, но мяч вместо «девятки» попал в штангу и отлетел в ноги правого инсайта. Снова удар, и снова мяч стучится о штангу. На трибунах творится что-то неопиcуемое.

Но вот мяч снова попадает правому крайнему «сталева-ров». Вместо того, чтобы вести его к воротам, правый крайний бежит к лицевой линии «кружевниц». Защита устремляется за ним. Зрители не понимают тактики правого края «сталева-ров».

— Уж не изменил ли он своим?

Нет. Правый крайний поступил совершенно правильно. Он оттянул защиту «кружевниц» на себя, очистил штрафное поле и неожиданно послал мяч в ноги левого инсайта. Оглушительный удар, и в «орлиной ложе» раздался ликующий голос Табакова:

— Тáма!

Да, на этот раз мяч был там, в сетке.

Ликующий клич из «орлиной ложи» напомнил Осокину о его врачебных обязанностях, и он побежал наверх. Сомнений больше не было никаких. Старик «Тáма» и мировой ученый были одним и тем же лицом.

— Больной Табаков, — крикнул доктор, — кто вам разрешил покинуть клинику?

Но мысли больного, очевидно, были так далеки в это время от клинической больницы, что он попросту даже не понял вопроса. Он обнял доктора и побежал, как юноша, вместе с ним по лестнице.

А навстречу им спешили, кто бы вы думали? Дежурная сестра, ученые химики и прочие паникеры. Уж кто им посоветовал искать пропавшего больного на стадионе — не знаю (скорее всего товарищи шофера Василия по гаражу), только в самом конце второго тайма Иван Гаврилович попал, наконец, в объятия своих разволнованных сотрудников.

— Какой шут! — кричал Табаков. — Какой шут, коллеги! Такие удары можно видеть только раз в десять лет!

Ученые химики смотрели на восторженное лицо академика и ничего не могли понять.

— Иван Гаврилович, — сказал, наконец, один из них, — а как же ваша нога?

Академик взглянул удивленно на вопрошающего и многозначительно развел руками.

Нога была в полном порядке. Трудно сказать, что оказало такое целебное влияние на ревматизм — дождь, снег, ветер или футбольные переживания. Доктор Осокин уверяет нас, что они у себя, в медицинском мире, еще и до сих пор не могут ответить на это. Ответят ли когда-нибудь доктора на поставленный вопрос или же нет — для существа дела совершенно безразлично. Только с этого дня у академика Табакова больше никогда не возобновлялись ревматические припадки.

ВОЙНА теней

ЮБЕР БУШЕ

Рисунки Г. ФИТИНГОФА

Рассказ «Война теней», первая часть которого была опубликована в № 10 журнала «Вокруг света», посвящен показу методов и форм военного шпионажа за рубежом.

Место действия — укрепленный пограничный район.

Сержант Крюсваль получает наряд в каземат № 3 укрепленной линии. Он просит свою невесту Лизетту, служанку небольшого кабачка, навесить его во время недельного дежурства в каземате. Девушка принимает это приглашение и в яркий, солнечный день приезжает к Крюсвалю. Неожиданная проверка нарушает свидание. Крюсваль и его невесту арестовывают. Поведение Лизетты вызывает серьезные подозрения.

Этот арест дает важные нити в руки следствия. Комиссар Пенсар уже некоторое время безуспешно ищет таинственную радиостанцию, работающую в его районе и передающую за рубеж зашифрованные шпионские сведения.

Недалеке от таверны верного «патриота» своей страны Эрмиже, у которого служанкой работала Лизетта, Пенсар замечает огромный стог сена, вызывающий его подозрения. Дело в том, что при обыске таверны «Голубая лампа» на всей одежде Эрмиже, висевшей в гардеробе, были обнаружены клочки сена.

Вместе с агентами Педоном и Жасменом Пенсар отправляется к этому стогу сена и действительно обнаруживает внутри стога прекрасно оборудованное поещение. Инженер-радиотехник, шифровальщик и фотолaborant шпионского центра, застигнутый врасплох, вынужден рассказать Пенсару о всех делах, творившихся здесь, под прикрытием душистого сена.

КЛУБОК РАЗМАТЫВАЕТСЯ¹

Молодой инженер продолжал признание:

— Полковник Ф. М. получал по почте сообщения агентов, разбросанных по своей стране. Часто эти сведения носили настолько срочный характер, что нельзя было ждать okazji для пересылки их по ту сторону границы. Тогда он придумал эту музыкальную передачу. Видите, здесь четырнадцать пластинок. Каждая из них является

как бы визитной карточкой соответствующего агента. Например, поставьте эту пластинку с увертюрой Вагнера к опере «Тангейзер», и, кому нужно, будет знать, что вслед за этим пойдут донесения агента Ш. и никого другого. Пластинка с песенкой Титто Росси «О Корсика, остров любви» закреплена за агентом, который наблюдает за Лазурным берегом, Тунисом и Корсикой. Этот «Моцарт» говорит из лионского центра, где работает агент, в задачу которого входит освещение общественного мнения, сообщение о догово-

рах, настроениях народных масс, рабочих. Таким образом, еще до получения письменных отчетов и планов, перенятых на специальную бумагу, полковник Р. (руководитель шпионского центра за границей) и его сотрудники всегда были в курсе дел.

— Мне не все ясно, — перебил инженера комиссар. — В «Голубой лампе» я нашел только письма от коммерсантов, поставщиков. Но рассказы этого молодого человека, — продолжал он, обратившись к Педону, — наводят меня на мысль, что безобидные письма, поступавшие с разных концов страны, в которых говорится о высылке продуктов или, наоборот, делаются заказы на лотарингское, эльзасское или рейнское вино, являются той самой информацией, которая нас интересует. Названия вин и продуктов — шифр, очень простой, но требующий от нас продолжительной и серьезной работы. Если только, — добавил он с улыбкой, — господин инженер не захочет послужить нашей путеводной звездой, что, конечно, будет учтено при решении его дела.

Наблюдательный и хитрый инженер давно уже взвесил все преимущества, которые может дать ему такое признание.

— Я скажу все, что знаю, — ответил он на слова комиссара. — Господин полковник Ф. М. имел широкий круг клиентов, и для удовлетворения их ему нужно было много различных товаров. Он и получал их из разных провинций. В его почтовом ящике есть подлинные письма, отправленные обыкновенными поставщиками. В этих письмах вы найдете сообщения об окороках, высланных из Канталя, сухом испанском инжире, высланном из Перпиньяна. Но письма, в которых говорится о качестве или о недостатках высланных продуктов, — это сообщения агентов, которые таким образом передавали сведения о вооружениях, о настроениях рабочих, о флоте, войсковых соединениях. Если полковник Ф. М. не уничтожил сентябрьскую корреспонденцию, то из нее можно узнать о передвижении войск в этот период.

— Жасмен, — приказал Пенсар, — пойдите в «Голубую лампу». В конторке на первом этаже вы увидите беспорядочную массу писем. Принесите их сюда.

Инспектор вышел. Допрос продолжался.

— Кого знали вы, кроме Эрмиже и Лизетты? Видели ли вы хоть раз Эрзога?

— Нет, ни разу. Я знаю, что полковник встречался с ним в Метце или в Тионвилле, но здесь он не бывал. Это представитель крупной торговой фирмы. Я слышал, что он часто бывает за границей. Моя роль носила чисто технический характер: я следил за исправностью радиопередатчика, проявлял негативы и мельчайшим почерком переписывал самые конфиденциальные известия на специальную бумагу, обернутую спиралью вокруг палочки определенной формы. Тот, кто

¹ Окончание. Начало см. в № 10.

получает сообщение, — добавил он, — обертывает бумажную полоску вокруг точно такой же палочки, и только таким образом может прочесть сообщение. Здесь нет ни шифра, ни кода.

— И как вы это пересылаете, в письмах? — спросил Педон.

Молодой человек насмешливо улыбнулся.

— Нет. Тайные документы нельзя посылать в письмах. Даже большие конверты с огромными печатями по краям и в центре не надежны.

— Как же посылали вы свой материал на ту сторону?

— По правде сказать, не знаю. Этим делом занималась Лизетта, а она не любила болтать.

Во время разговора Пенсар поглядывал в перископ и видел, как огромный Жасмен вышел из таверны и бежал по направлению к стогу. Он вошел с кучей разноцветных конвертов, исписанных разными почерками и имевших вид обычных коммерческих писем.

С помощью инженера Пенсар быстро отобрал подлинные от ложных. В одном из писем он прочел:

«Вина и спиртные напитки, гор. Сент-Этьен.

Сообщаем получение 100 бутылок Ремиха. Великолепны. Отправлено 5 бочек красного. Обычное качество 10%».

Комиссар не мог разобрать смысла этих слов. Но молодой человек опять пришел к нему на помощь:

— Это наш агент, «вагнерист».

Он сообщает, что 24 сентября прошлого года в Соспеле, на границе, двадцать пять полков заняли новые укрепления. Кроме того, пять бочек означают пять полков легкой артиллерии, направившихся в сторону границы. Это прекрасный и очень знающий агент. Он живет недалеко от Ниццы, в красивой вилле, где разводит цветы, стараясь производить впечатление богатого человека, живущего на свои капиталы, и это ему удается. Южный климат якобы рекомендован ему врачами.

В других письмах говорилось об апельсинах, лимонах, бананах. Эти названия скрывали за собой военные термины. Инженер тут же расшифровывал их.

Несомненно, шпионаж был организован очень смело и тщательно. Передвижения воинских соединений, артиллерийского парка, укрепление материальной части — все это описывалось в деталях и неизменно передавалось соответствующему центру. Но Пенсар и его товарищи еще не знали, каким образом переправлялись через границу все эти сведения, планы, фото.

На границах в таможенных идет строгий контроль за всеми посылками. Каким же образом удавалось шпионам обманывать бдительность?

Занятый этими мыслями, Пенсар отправился домой.

КИСТОЧКИ ДЛЯ БРИТЬЯ

Когда за Эрзогом пришла полиция, он находился в своем винограднике. Вся деревня была изумлена его арестом.

Как и его мнимая племянница (ее хорошо знали в деревушке), старик ничего не хотел рассказывать. Перед Пенсаром стояли три стены, три упрямые головы, упорные и твердые, несмотря ни на что. Попытки добиться каких-либо указаний от Эрмиже, Лизетты и от упрямого старика Эрзога ничего не давали. Согласно сведениям, полученным от инженера, начались поиски других агентов. Не раз еще допрашивали молодого человека, но он больше ничего не знал. Несомненно, он опорожнил весь свой мешок.

Все же полиции удалось выведать, что его руководители вкладывали планы, чертежи и свои донесения в нечто, похожее на резиновый кокон или, вернее, на резиновую пробку чернильницы. Эта пробочка имела углубление приблизительно в полсантиметра. Но чорт возьми! Вещица эта не так мала, чтобы ее удалось спрятать куда-нибудь под золотую коронку зуба.

Эта тайна в течение трех дней, несмотря на усталость, мешала Пенсару спать. Надо было помешать отправке неких особенно важных документов, посланных агентом Лазурного берега и касавшихся сведений об арсеналах, передвижениях военных кораблей и маневрах эскадры. Там описывалось на строение матросов, работников арсенала, указывались планы размещения линейных кораблей, миноносцев, подводных лодок.

Опять-таки благодаря инженеру удалось установить, что все пути вели к агенту Б., обозначением которого служила мелодичная песенка Титто Росси.

Полиция удвоила бдительность в пограничной зоне, на вокзалах, в таможене.

Сам Пенсар отправился к директору таможенных постов департамента. Он попросил показать ему книгу заказных отправок. Там значилась длинный список различных предметов: образчики безценны, крем для бритья, духи и т. д.

Перелистывая книгу в обратном направлении, Пенсар вдруг обратил внимание на одну деталь. Каждые четыре или пять дней отправлялась заказная посылка в один и тот же адрес за границу. На первый взгляд казалось, что эта повторяющаяся запись говорит только о внимании какого-нибудь влюбленного или друга.

Захлопнув книгу, Пенсар отправился на другой конец города, где находилась «Галлерей роскоши», отправлявшая заказные посылки за границу.

Заведующий отделом магазина, ознакомившись с документами, протянул ему книжку заказов.

Да, действительно, каждую неделю Алиса Вьевр покупала полдюжины кисточек для бритья и отправляла их за границу своей подруге, парикмахерше.

— Кисточки для бритья, кисточки для бритья... Это странно. Вас эта покупка не удивляет?

Заведующий стдеом пожал плечами:

— Знаете, когда клиенты покупают, мы этому рады. А прихоти их нас не интересуют.

Пенсар немедленно поехал на центральную таможенную.

В присутствии директора, не обращая внимания на целостность посылки, он стал вскрывать пакет, предназначенный для отправки. Шесть кисточек для бритья с черными ручками мирно покоились в коробке.

Пенсар с нетерпением принялся за них.

Он обезглавливал уже третью кисточку, снимая с них рукоятки и тщательно осматривая внутренность. И вдруг в одной из рукояток оказалась резиновый цилиндрок. Тайна была разгадана.

НА ЛАЗУРНОМ БЕРЕГУ

Все посетители Канн, отправляющиеся по вечерам обедать в Сен-Поль-де-Ванс знали эту роскошную виллу. Она расположена несколько в стороне от дороги, и подниматься к ней нужно по аллее, обсаженной мимозами и розовыми кустами. Принадлежит она богатому человеку по имени Луи Ферран.

Ферран вел широкий образ жизни. Он был холостяком, но, несмотря на это, всегда принимал много гостей. На собственном автомобиле он ежедневно ездил в Канн, особенно во время сезона. Посещал самые шикарные бары, принимал ванны на Круазетт, играл в теннис на кортах Мирамара и обедал у Виктора. Словом, это был светский человек и, повидимому, очень богатый.

Во время войны Ферран был капитаном воздушной эскадрильи. Сомневаться в этом не приходилось, так как он прекрасно разбирался в пилотаже, знал все новейшие усовершенствования самолетов и был знаком с множеством летчиков.

Круглый год он жил в своей вилле. По его словам, он не мог бы вать в столице из-за слабого здоровья. Жители часто видели его, разъезжавшим в своем роскошном автомобиле, за рулем которого сидел шофер, похожий на Геркулеса, бывший полковник армии Врангеля. Он часто посещал Тулон, где встречался со своим старым другом, тоже жившим в прелестной вилле, господином Фернелем. Бывший торговец маслом, очень богатый человек, Фернель жил такой же праздной жизнью, полной удовольствий.

Дом Фернеля постоянно посещали флотские офицеры. Командование не видело в этом ничего дурного, так как господин Фернель слыл хорошим патриотом.

Можно было заметить также, что в те дни, когда машина господина Феррана останавливалась у красивой решетки из кованого чугуна, на вилле собиралось больше мичманов, чем когда-либо. Обед в такие дни проходил особенно шумно, а затем наступала глубокая тишина, которая нарушалась только под утро, когда молодые офицеры, блед-

ные, с ввалившимися глазами и дрожащими руками, медленно выходили из виллы.

Тайна объяснялась очень просто. На вилле «Святой Полины» курили опиум. Догадаться об этом было не легко. Фернель имел связи в адмиралтействе, ухаживал за одной-двумя хорошенькими женщинами, получал значительную ренту... Чего же еще надо для репутации вполне благонадежного человека? Кроме того, Фернель жил в Тулоне свыше десяти лет и говорил по-провансальски, как прирожденный южанин.

Рано утром в город на Лазурном берегу пришел поезд. Он доставил сюда комиссара Пенсара. С вокзала он сразу же отправился к военному командованию флота.

Комендант участка немало был удивлен, когда Пенсар стал рассказывать, что его сюда привело.

— Комендант, мне известно, что часть секретного морского кода была передана некой иностранной державе.

— Это невозможно! — воскликнул комендант. — Как могли это сделать?

— Раз сделали, значит могли. Я вам это докажу.

Пенсар рассказал о раскрытой группе шпионов, распространившей свои сети на всю страну. Три чрезвычайно важных агента действуют

на Лазурном берегу. Но отслеживать их надо осторожно, дабы не возбудить подозрения.

Когда он назвал имя Фернеля, представитель высшего командования громко расхохотался.

— Комиссар, вы совершаете глупую ошибку. Все знают господина Фернеля с хорошей стороны, и он здешний уроженец, если я не ошибаюсь. Никогда не поверю, чтобы он мог принять участие в этом грязном деле. Нет, господин комиссар, вы промахнулись.

— А если я вам скажу, что вашего честнейшего Фернеля в действительности зовут иначе и что ему поручено следить за всем, что происходит здесь и в соседних портах? Он находится в связи с резидентом, который проживает около Канн и часто посещает мнимого Фернеля. Оба они являются главными агентами мощной шпионской организации, которая принесла нам немало вреда. Если я добавлю, что явился сюда со специальной задачей прекратить эту шпионскую деятельность, то, надеюсь, вы мне поверите?

Комендант был потрясен.

В ДЫМУ ОПИУМА

Рано утром, около четырех часов, шесть инспекторов под руководством комиссара явились с обыском на виллу «Святой Полины». Казалось, все было погружено в сон. Инспекторы проникли в виллу через черный ход, который, по счастливой случайности, оказался открытым.

Запах опиума привел их в комнату, где на широких матах лежали курильщики.

Притон был раскрыт в самый разгар курения.

Это грубое вторжение в гостиную не смутило хозяина виллы. Он был совершенно спокоен.

— О, да, господа здесь курят опиум. В других местах им пришлось бы платить огромные деньги. У меня их угощают даром.

— Нет, дело посерьезнее, господин Б., — назвал Пенсар его настоящее имя. — Наше неожиданное посещение вызвано не только раскрытием нелегального курения наркотиков.

Лицо господина Б. посерело. Владелец виллы быстро поднес к губам клочок бумажки. Пенсар бросился к нему, схватил за горло и не дал возможности проглотить то, что могло быть важным материалом обвинения. Бумажка намочилась, была в нескольких местах разорвана, но восстановить ее было трудно. На ней имелась тщательно занесенная часть секретного кода.

Господин Б. здесь же записал его. В то время, как двое мичманов бессознательно сосали мундштуки слоновой кости, погружаясь в сладострастные грезы, третий офицер диктовал ему этот секретный код. Он по службе имел доступ к коду и заучивал его частями наизусть.

На втором этаже послышался шум и телефонный звонок.

— Посмотрите, что там наверняка, — крикнул Пенсар своему помощнику.

Перепрыгивая через ступеньки, тот поднялся вверх. Дверь была заперта на замок. Он высадил ее плечом. Какая-то женщина стояла у телефона. Он оттолкнул ее и схватил трубку.

В телефоне раздался голос:

— Вам дают Канн — 502.

Подруга Фернеля старалась предупредить Феррана...

— Скажите абоненту в Каннах, что это ошибка, — закричал инспектор. Затем он заново соединился с телефонной станцией и, представившись, велел принять меры к тому, чтобы абонент в Каннах ничего не заподозрил.

Он спустился вниз, пропустив впереди себя женщину, так неудачно попытавшуюся исправить дела своего покровителя. Все задержанные были арестованы и отправлены в тюрьму.

ПЕНСАР РАССКАЗЫВАЕТ

Через некоторое время мне повезло встретиться с Пенсаром, который рассказал, как удалось поймать всех участников шпионского гнезда. Пенсар рассказывал:

«Никогда не забуду я того изумления, которое вызвали в среде командования эти аресты. Долгое время утверждали, что они произведены по ошибке, и только в дальнейшем с полной неопровержимостью были доказаны сношения Фернеля (он же агент Б.) с иностранными державами. Посещение виллы «Святой Полины» дало нам достаточные доказательства его виновности.

Оставался Ферран, или, вернее, агент Ш. Я очень боялся, что неожиданный вызов по телефону подруги Б. мог явиться предупреждением для Феррана, хотя сведения, полученные мной на Центральной телефонной станции, звучали успокоительно. Надо было также при-

Подруга Фернеля старалась предупредить Феррана..

нять меры предосторожности: молодой инженер утверждал, что Ш. является опасной личностью. Кроме того, нужно было собрать доказательства.

В Тулоне наши дела были закончены. Я не хотел терять ни минуты и вечером следующего дня решил отправиться в Канны, крайнюю точку Лазурного берега. Меня сопровождал молодой комиссар Маршен и два опытных инспектора.

По приезде в Канны я связался с моими коллегами. Здесь тоже никто не верил в виновность Феррана.

Дела, связанные со шпионажем, требуют большой осторожности и хорошей подготовки. Легко возбудить подозрения шпиона: необдуманный звонок по телефону, болтливость работников поста—все это может испортить дело. Противника можно взять только врасплох. Поэтому лучше, когда такое дело известно возможно меньшему числу людей.

Наша автомашина устремилась по дороге в Сен-Поль-де-Ванс. Белая вилла ярко выделялась на холме на фоне ярко-синего неба. Мы оставили автомобиль на некотором расстоянии от виллы, и я один отправился на разведку. В этом районе я был впервые, никто меня здесь не знал. Поэтому я без труда мог выдать себя за страхового агента или комиссионера по продаже недвижимости.

В ответ на звонок у входных ворот раздался яростный лай собаки, которая бросилась к решетке. В глубине сада появилась женщина, по видимому, служанка.

— Господина Феррана нет дома,—любезно сказала она.—Он уехал на несколько дней в Альпы.

Заметив, что она разговорчива, я сообщил ей, зачем приехал: меня интересует покупка или временная аренда дома.

— Нет, он не продается и не сдается. Хозяину здесь очень нравится,—ответила она.

Я попросил разрешения осмотреть виллу, но на это она не согласилась. Незаметно в разговоре мне удалось выведать у служанки, какую местность в Альпах выбрал ее хозяин для своей прогулки.

— Он уехал в направлении Бриансона,—сказала она,—но куда именно, не знаю. Господин любит переезжать с места на место и не остается в одном и том же уголке надолго.

Я пошел обратно к машине. Навстречу мне ехал почтальон на велосипед. Дорога поднималась вверх слишком круто для велосипеда, и как раз возле меня он соскочил на землю. У этого почтальона было приятное лицо, и произношение не позволяло усомниться в его чисто провансальском происхождении.

— Что, круто?—заметил я, останавливаясь.

— О да! Уж насчет крутизны здесь говорить нечего. Но мне каждый день приходится сюда лазить, так что я уже привык. И потом здесь всегда угощают стаканчиком.—Он указал на белую виллу Феррана.

— В такие дома, наверное, приходит большая корреспонденция?—спросил я, стараясь вызвать почтальона на откровенность.

— Ясное дело. Даже когда господин Ферран путешествует, а это нередко, он пишет своим слугам. Иногда, но не часто, ему пересыла-

Продолжая болтать, он читал открытку.

ют его письма. Вот у меня и сейчас открытка для мадемуазель Мари Гро.

— Это его служанка?

— Нет, это его экономка или, если хотите, компаньонка.

Я многозначительно подмигнул.

— О, нет, это не то, что вы думаете,—воскликнула он с чистосердечным смехом,—ей по крайней мере семьдесят лет.

— Неужели? А мне она показалась моложе. Я ведь только что была там—хотел снять эту виллу. Меня встретила еще не старая, полная женщина.

— Это Рашель, кухарка, а не мадемуазель Мари.

Почтальон порывался в своей кожаной сумке и вытаскивал открытку. Изображенный на ней вид бросился мне в глаза. Я сразу узнал городок Бриансон с его фортами Гудран и Инфарне. Ребенком я учился здесь и хорошо знал Бриансон.

— Господин Ферран сейчас находится в Бриансоне. Ему нравятся альпийские дороги. Сколько раз я приносил письма оттуда. Кажется, он был отравлен газами во время войны. Ему нужен свежий воздух. Но все же он предпочитает побережье. Оно и понятно. Горы—это вам не море. Вон какое оно голубое, разве его чем заменишь?

Продолжая болтать, он читал открытку.

— Ночевать он будет сегодня в Барселонетте. Я там бывал, когда служил в 159-м полку.

Я расстался с почтальоном после того, как он еще раз заверил меня, что дом не продается.

— Теперь в путь, в Альпы. Направление на Барселонетту,—сказал я, вернувшись к автомобилю.

Было уже совсем темно, когда мы прибыли в Барселонетту. Местечко было прелестное, со множеством нарядных вилл. Зато отелей было немного. Мы разделили работу, которая заключалась в том, чтобы побывать во всех отелях и выяснить, где остановился Ферран. У меня было точное описание наружности Феррана и его шофера. Через полчаса мы знали гостиницу, где остановился Ферран.

Поставив автомобиль в гараж, мы направились в указанный инспектором отель. Ферран обедал за одним столиком со своим шофером. Эта деталь доставила мне удовольствие. Народу в ресторане было немного, но достаточно для того, чтобы приход новых посетителей прошел незамеченным.

Сопровождающие меня инспектора заказали обед на террасе, а я выбрал столик по соседству с двумя обедающими, но не слишком близко от них. Незаметно прислушиваясь, я ясно услышал, как Ферран сказал:

— Машина должна быть готова к девяти часам. Этого вполне достаточно, Жорж.

Затем разговор перешел на темы, не представлявшие для меня никакого интереса. Надо было готовиться к следованию за ними.

Обед был очень хорош. Особенно

нам понравились местные форели. Я свое восхищение высказал метрдотелю.

— Благодарю вас,—ответил он.— Господин, который обедал там со своим шофером, был такого же мнения.

— Видно, это тонкий гурман. Он понимает толк в хорошем обеде.

— Это верно. Он спросил меня, где можно хорошо пообедать в Гапе, где он будет завтра. Я ему указал ресторан Ломбара возле вокзала.

Милый метрдотель! Мы угостили его стаканом «белой»—местной водки. Он мне оказал неоценимую услугу. Надобность в слежке по дороге отпала, а это облегчало задачу.

Конечно, мы выедем в одно время с Ферраном. Два автомобиля могут иметь одинаковое направление.

Весь район, прилегающий к дороге, казался сплошным строительством. Тысячи рабочих копали землю, пробивали горы, прокладывали железные дороги. Самых Альп уже недостаточно для защиты территории. При современном уровне техники противнику нетрудно пересечь горы.

Без особых приключений мы прибыли в Гап. Два инспектора, которые не обедали с нами в Барселонетте, были направлены в ресторан. Мощный автомобиль Феррана стоял на улице, а сам он, усевшись за столом на террасе ресторана, писал.

Обычно я очень терпелив. Но должен сказать, что в тот день я сам себя не узнавал. Шпион был в моих руках, но я не имел еще оснований для его ареста. Если бы он оставался в своей вилле, я имел бы надежду найти там что-нибудь при обыске. А здесь...

Мы с Маршеном гуляли в городском саду, не теряя из виду вокзала.

Наши инспекторы спокойно сидели за столиком в ресторане и потягивали вермут с видом людей, старающихся убить время.

Вокзал в Гапе находится в нескольких шагах от ресторана. Пришел поезд, пассажиры заторопились к выходу. Мужчина, просто, но хорошо одетый, отделился от группы пассажиров и направился к ресторану. Ферран поднялся ему навстречу. Они крепко пожали друг другу руки. Сомнений не оставалось: это был Т.—другой агент.

И в этот момент нам улыбнулось счастье. Из автомобиля вышел человек, представлявший типичного богатого буржуа, отошедшего от дел и живущего на ренту. Он увидел вновь прибывшего и бросился к нему.

— О, господин Итье, здравствуйте! Как ваше здоровье?

Он обращался к Т., который отвечал ему очень любезно и представил ему Феррана. Он даже пригласил своего знакомого выпить стаканчик, но тот отказался. Он сказал, что очень спешит.

Я последовал за ним. По всей вероятности, он направлялся домой или спешил на деловое свидание.

Я попросил извинения и остановил его:

— Простите за беспокойство, но мне не хотелось бы обмануться. Мне кажется, что я знаком с тем человеком, с которым вы только что говорили. Это господин Итье, не правда ли?

Добродушный и любезный, мой собеседник ответил:

— Да, разумеется, это он.

— Уже давно я потерял его из виду, поэтому-то сомневался. Что же он делает сейчас?

— Он попрежнему инженер на заводе около Марселя. Нередко он бывает здесь. У него много знакомых в наших краях.

Я поблагодарил и вернулся к Маршену. Пробыл час завтрака. Припоминаю, что в этот день я съел один бутерброд. Наши инспекторы роскошно позавтракали за своим столиком.

Но ничего нового за это время не случилось. Ферран и его гости тоже отдали должное поставленным перед ними блюдам. Врангелевский офицер обедал отдельно.

Я несколько обеспокоился, когда после завтрака все они направились к автомашине.

Мы последовали за ними.

Перед мостом через Дюсанс, не доезжая тридцати километров до Х..., машина Феррана остановилась. Господин Итье, он же Т., вышел и протянул руку Феррану. Мы находились на расстоянии пятидесяти метров от них. Водитель рассматривал дорогу.

Настал момент действовать. Мы опередили машину Феррана и направили свои револьверы на шпионов. Ферран и бровью не повел. Иронически улыбаясь, он спросил нас:

— Вам нужен мой бумажник?

Врангелевец смотрел на своего хозяина с таким видом, как будто спрашивал:

— Сцепиться с ними?

Нас было четверо, четверо людей, подготовившихся к выступлению против троих, ничего не ожидавших. Все преимущества находились на нашей стороне. Через несколько минут на руках шпионов захлопнулись стальные наручники.

В автомобиле мы нашли планы засекреченных новых аэродромов и диораму Альп с минированными проходами и вновь построенными казематами. В той вилле, где жил Итье и куда мы явились через полчаса, находились чрезвычайно важные материалы, содержащие различные секреты производства взрывчатых веществ.

У господина Т. также все документы были в полном порядке, и он действительно являлся крупным специалистом. Во всяком случае, директор завода, которого мы предупредили об аресте Итье, казался страшно пораженным и сообщил нам, что Итье считался одним из лучших инженеров предприятия.

На вилле в Каннах мы нашли классическую фотолабораторию, криптограммы и многочисленные шифрованные документы, готовые к отправке за границу...

Конец.

Летающие лаборатории

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЭКВАТОРЕ

Л. ГРИГОРОВ

Рисунки Н. ДУТОВА

В жаркую августовскую ночь, прощавшись с батумским портом, танкер «Серго» начал свое очередное дальнее плавание. Теплоход шел в Петропавловск-на-Камчатке. Это был обычный рейс огромного грузового корабля.

Но в эту поездку на нем оказались и пассажиры—четверо молодых советских физиков, которым предстояло заняться изучением космических лучей в районах тропиков.

Экспедиция расположилась в носовой части судна, заняв три каюты. В одной из них смонтировали радиоприемный пункт—радиоприемник, радиоусилитель и аппарат для звукозаписи. В другой—шла, подготовка автоприборов к полетам, третью, маленькую, каютку приспособили под станцию для зарядки аккумуляторов.

Сначала, когда плыли в Черном море, затем в Средиземном, было еще терпимо. Но вот позади остался Суэцкий канал. «Серго» вышел в воды Красного моря. Здесь самые настоящие тропики. Моряки считают Красное море одним из наиболее тяжелых участков всего тропического рейса.

Сперва дул небольшой ветерок, правда, теплый, даже горячий, но все же живой для непривычных к тропической жаре членов экспедиции. На пятый день пребывания в водах Красного моря наступил полный штиль. Днем нестерпимая духота, а по утрам и вечером влажность достигала невиданных размеров. Палуба становилась совершенно мокрой. В каютах, при температуре в 30–35 градусов, по стенам ручьями текла вода, а люди выглядели так, будто только что вынырнули из воды.

Нестерпимо жарко, душно. Но ничего не поделаешь. Надо приступать к работе по запуску «летающих лабораторий». «Серго» идет в экваториальных широтах, нельзя терять времени.

У физиков давно все готово к пуску автостратостатов, но с выходом в Красное море они еще раз взялись за последнюю проверку приборов.

Начали со счетчиков и батарей нормальных элементов. Это самые капризные детали автостратостата. Первый счетчик, который испытали, оказалась явно испорченным. Взяли другой, третий—то же самое.

Со счетчиками что-то случилось! Дело принимало очень скверный

Космические лучи являются загадкой для ученых всего мира. Лучи эти обладают интенсивностью в несколько миллиардов вольт, в то время как современная техника располагает максимальным напряжением всего в несколько миллионов вольт. (Эти высокие напряжения физики используют для получения лучей, подобных тем, которые излучает радий, и для разрушения атомного ядра.)

Использование космических лучей гигантскими шагами двинуло бы вперед нашу науку. Но для этого надо прежде всего установить природу этих лучей.

В Советском Союзе проводится большая работа по изучению космических лучей. Однако изучение этих лучей в лабораториях затруднено тем обстоятельством, что лучи эти рождаются в мировом пространстве и, прежде чем достичь лабораторий, проходят сквозь земную атмосферу.

Поэтому правильные наблюдения можно проводить только в стратосфере. Неоднократные полеты наших стратонавтов дали интереснейшие в этом отношении материалы. Но такие полеты очень сложны и сопряжены с большим риском. Для изучения космических лучей в стратосфере у нас широко используются автоматические приборы—шары-зонды, которые по радию передают свои «наблюдения».

Очерк, который мы помещаем, рассказывает о том, как четверо молодых советских физиков с помощью таких «летающих лабораторий» провели важную работу на экваториальных широтах.

Дело в том, что космические лучи, если они действительно обладают электрическим зарядом, должны отклоняться в магнитном поле Земли, и вблизи экватора их должно быть меньше, чем у полюсов. Используя магнитное поле Земли как гигантский измерительный прибор, можно прийти к раскрытию природы космических лучей. Эту цель и ставила перед собой экспедиция.

оборот. Если счетчики испортились от резкой перемены температуры, то для переоборудования их требовался стеклодув. Но ни стеклодува, ни приспособлений для стеклодувной работы на теплоходе, конечно, не было. Оставалась надежда на то, что здесь действуют чисто внешние причины.

На следующий день удалось установить, что счетчики перестали работать из-за окружающей влажности. Даже стекло перестало быть изолятором в этой тропической сырости! Надо было срочно найти выход из создавшегося положения. Потерли стекло спиртом. Не помогло. Эксельсиором. И он не вернул стеклу его изоляционных качеств. Лаком. Парафином. Нет, все это никуда не годилось.

Все члены экспедиции очень волновались. Но из беды выручила предложенная начальником экспедиции С. Н. Верновым замаска, состоящая из смеси канифоли и талька, которая применялась при изготовлении нормальных элементов и обладала очень высокими изоляционными свойствами. Покрыли ею стекло счетчика. Результаты получились прекрасные. Счетчики были возвращены к действию.

После установки счетчиков в отведенное для них место в каркасе автоприбора начались испытания их работы.

Новая неудача! Молчало реле, не работал усилитель. Сырость забралась и в эти детали. Из-за нее изменились сопротивления. Быстро сменили детали. Но усилитель упорно не хотел «считать» импульсов, посылаемых счетчиком. После некоторых поисков выяснилось, что значительная часть электрического импульса, идущего от счетчика в усилитель, не доходит до усилителя, а по отсыревшей кембрику (в Москве он был хорошим изолятором) уходит в «землю».

Это открытие натолкнуло на мысль проварить в той же замаске все провода, которые должны были быть изолированы от «земли». Правда, от этого провода становились хрупкими, но зато они приобретали прекрасные изоляционные свойства.

Тропическая сырость преподнесла еще немало сюрпризов. Драгоценное время уходило, а исследовательская работа все еще не начиналась. Красное море осталось позади. «Серго» шел по безбрежному Индийскому океану. Погода была прекрас-

ная. Малый ветер, а то и полный штиль. Великолепные утра уходили один за другим... И казалось: бесплодно пройдут мимо тропические районы и рухнет широко и обстоятельно подготовленная экспедиция. На молодых ее членов находили припадки отчаяния. Но наступало новое утро, и с новыми силами продолжалась борьба с этой потрясающей тропической сыростью.

...На востоке блеснуло продолговатое желтое пятно. Это на смену ночи шел новый горячий тропический день. Скоро свет озарил все небо и затухал золотые звезды. Опять закипела работа. И вечером в этот день начальник экспедиции объявил, наконец, экипажу «Серго», что завтра рано утром будет проведен первый полет автостратостата в стратосферу.

Накануне первого пуска усталые члены экспедиции легли спать очень поздно. Шли последние приготовления, а в три часа утра все уже были на ногах.

Физикам нужна была помощь нескольких человек из экипажа теплохода. Разбудили их. Одеваться и раздеваться в тропиках не приходится: вся одежда заключается в трусах, в которых и спят, и едят, и посещают кружки по политехбе. Поэтому ждать моряков не пришлось.

Вот уже вынесли на палубу автоприбор. Туда же принесли и резиновые оболочки со специальными стростками-апендиксами, на которые надеваются резиновые шланги. Поворот ручки венгиля-и пронзительный свист водорода, вырвавшегося из баллона, повестил о том, что началось наполнение оболочки. Наполнение шло в три шланга.

В чуткой утренней тишине был слышен только свист. Быстро надулись резиновые оболочки. Они превратились в шары с двухметровым диаметром. (Вообще такие шары надувают до тех пор, пока каждый из них не поднимет три килограмма.)

Шесть шаров были готовы. Их связали вместе, а к этой огромной грозди привязали две веревки: одну для автоматической гондолы, другую для того, чтобы, постепенно выпуская ее, отправить автостратостат в глубины пространства.

Взошло солнце. Тропические лучи очень вредно действуют на резиновую оболочку. Надо было торопиться.

В радиоприемном пункте уже сидел судовой радист Зубков-большой мастер своего дела. Тут же находился и помощник начальника экспедиции тов. Миронов. Они надели наушники и приготовились слушать.

К моменту пуска огромное судно изменило курс так, чтобы ветер дул сбоку. Гроздь шаров взлетела вверх. Вот поднялась в воздух и автогондола. Еще несколько метров веревки, и автостратостат, плавно покачиваясь, повис в воздухе.

— Как слышны сигналы?—спрашивается Вернов у Миронова.

Шел новый горячий тропический день.

— Хорошо,—отвечает тот.

Все идет отлично. Вернов берет конец веревки. Около него с двумя секундомерами стоит член экспедиции, радист Шейхзаманов. Он ждет момента старта.

— Полетел!

Вернов выпускает веревку. Плавно покачивушись, автостратостат быстро устремляется в дымчато-голубоватое небо.

Полет начался. Все покидают палубу и спешат вниз, к приемному пункту. Радиокаюта полна народом. Тут работают шесть человек. Слышны щелканье ключей Морзе и шорох звукозаписывающего аппарата. Регистрация автостратостатом каждой космической частицы передается по радио и отзывается коротким щелчком в телефонных трубках Миронова и Зубкова. При каждом таком щелчке они нажимают на свой ключ Морзе. Барабанчик счетчика при нажиме на ключ передвигается на единицу. Таким образом отсчитываются сигналы, посылаемые автостратостатом из бездонного голубого пространства.

Около счетчиков сидят люди с секундомерами. Каждые 15 секунд они записывают показания счетчика. Лаборант Григоров следит за работой звукозаписывающего аппарата—шороиофона. Посылаемые небеса сигналы усиливаются и попадают в аппарат, записывающий все сигналы на кинолентку. Потом, заменив в этом аппарате резец на обычную патефонную иглу и пропустив пленку с записью, можно в точности воспроизвести все сигналы автостратостата.

Первый полет автостратостата в Индийском океане показал, что не все, пригодное в умеренных широтах, пригодно и в условиях тропиков.

Прошло минут пятнадцать после старта. В приемный пункт поспешно вошел один из наших помощни-

ков, матрос Шульга. Он очень интересовался работой экспедиции и взволнованным шопотом сообщил: — Шары опускаются...

Вернов помчался на палубу. Выбежали и все остальные. Автостратостат быстро снижался, причем в воздухе было уже не шесть шаров, а только три. Остальные лопнули и висели жалкими тряпками.

Начальник экспедиции помчался к капитану парохода, орденоносцу П. И. Мокроусу. Тот уже знал о неудаче и немедленно согласился повернуть судно, чтобы поймать падающий автостратостат.

Матросам было отдано приказание быть на борту и приготовиться к спуску шлюпки. Но дело обошлось без шлюпки. Капитан мастерски подвел судно к только что севшему на воду автостратостату. Матрос Никитенко ловко перелез через поручни и, уцепившись за лапу якоря, схватил веревку, на которой висела привязанная к шарам автогондола.

Разрыв трех шаров произошел от сильного действия лучей тропического солнца. Разогретая резиновая оболочка не выдержала наполнения и разорвалась, не дойдя до холодных воздушных слоев.

Для избежания разрыва необходимо было проводить полеты до восхода солнца. Кроме того, число шаров решили увеличить до восьми, наполнив каждый меньшим количеством водорода. Теперь вес груза одного шара состоял не из трех, а из двух с половиной килограммов. Поврежденный при падении автоприбор живо был приведен в порядок. В нем сменили все аккумуляторы и поставили новые батареи нормальных элементов.

Новый пуск автостратостатов был совершен при тихой и ясной погоде. Гроздь из восьми шаров плавно взлетела к небу. Полет совершался с большой быстротой, и скоро в голубоватом пространстве осталась только белая точка, которая вскоре тоже исчезла.

Опять все устремились в радиокаюту. Сигналы из бездонного пространства шли громкие и четкие. Радист Зубков изредка поворачивал ручку и настраивал приемник, следя за изменениями волны летящего автостратостата. Время от времени из небесных глубин шли сигналы высоты, на которой находился автостратостат. Каждый сигнал высоты вызывал радость не только у членов экспедиции, но и у всего экипажа «Серго».

— Деять тысяч метров!

— Пятнадцать тысяч метров!

Радостное настроение растет.

Пию... пию...—попискивает радиоприемник. И чем выше автостратостат, тем чаще слышны эти писк. Это означает, что в стратосфере космических лучей больше, чем в земной атмосфере.

Еще один сигнал высоты:

— Семнадцать тысяч метров!

Затем сигналы высоты прекратились. Выше автостратостат не поднимался. Но данные первого полета

уже ясно показали, что вблизи экватора в стратосфере космических лучей в четыре раза меньше, чем в умеренных широтах.

Это был первый успех экспедиции. Но необходимо было повторить полеты, не только для проверки полученных данных, но и для исследований на больших высотах.

Дальнейшие полеты решено было провести в Южно-Китайском море.

На палубу вынесли новый автоприбор и начали надуть резиновые оболочки. Все шло хорошо. Первая четверка наполненных водородом шаров уже была связана, когда вдруг раздался выстрел. Молодой матрос Романченко, державший шары, с испугу разжал руку и упустил три шара, которые взвились к небу и скоро пропали из виду. Четвертый шар лопнул; он и произвел выстрел, испугавший Романченко.

Быстро начали готовить другую четверку шаров.

И вдруг поднялся сильнейший шквал. Он шумно налетал на теплоход, а тотчас же следом пошла густой тропический дождь, превратившийся в шквалистый ливень. В одно мгновение небо, до этого ясное и безоблачное, затянулось серой тучевой массой.

Порывы шквала налетали на шары, привязанные к поручням теплохода. Прежде всего лопнула веревка, на которой держались готовые к полету два шара. Со страшной быстротой взлетела кверху и почти мгновенно исчезла эта двой-

ка. Новый дикий порыв шквала сорвал еще два готовых шара. Быстро выпустив водород, удалось спасти остальные готовые к полету шары.

Эта авария заставила несколько отложить полеты. Следующий полет был в Южно-Китайском море оказался менее удачным, так как новый автостатостат достиг высоты всего в 13 тысяч метров. Но полученные новые данные оказались очень ценными. Показания второго полета согласовались с результатами первого.

Нужно было провести еще несколько полетов, но попытки достигнуть больших высот в тропических районах пришлось прервать. «Серго» уже вышел из районов тропиков. Полным ходом теплоход шел на север.

Так как результаты экспедиции были мало удовлетворительны и оставалось еще много неиспользованной аппаратуры, молодые ученые решили просить у Физического института Академии наук СССР, организовавшего экспедицию, разрешения совершить второй, обратный рейс на том же теплоходе — с Камчатки в Черное море.

Такое разрешение было получено.

Первый полет во время обратного рейса мы провели в том же Южно-Китайском море. Полет дал высоту в 18 тысяч метров.

Экспедиция организовала еще несколько полетов, и один из автостатостатов достиг высоты в 20 тысяч метров! Это была предельная высота.

На всех высотах до 20 тысяч метров была измерена интенсивность космических лучей и найдена зависимость их интенсивности от высоты.

В водах родного Черного моря физики провели последний полет.

Вот краткий научный итог экваториальной экспедиции.

Молодые физики установили, что вблизи экватора космических лучей в четыре раза меньше, чем на широте Ленинграда, т. е. что лучи сильно отклоняются в магнитном поле земли.

Все данные, полученные экспедицией, подкрепили так называемую «каскадную» теорию. По этой теории космические лучи, встречаясь с атомами, создают большое количество новых, вторичных лучей, причем не сразу, а постепенно, каскадами.

По возвращении в Москву экспедиция получила высокую оценку директора физического института Академии наук СССР академика С. И. Вавилова.

На заседании президиума Академии наук он заявил:

— Изучение космических лучей является сейчас едва ли не центральной проблемой физики. Результаты работы экваториальной экспедиции — ценный вклад в это дело и представляют собой первостепенный интерес.

10 страницам зарубежных ЖУРНАЛОВ

Город Калькутта в Индии в прошлом году остался на несколько дней без воды... из-за крабов. В реке, снабжающей город водой, водится много крабов. Массы крабов, поселившись в трубах водопровода, совершенно преградили доступ воде. Пришлось срочно производить ремонт и очистку этих труб.

В некоторых районах Австралии овцы сильно страдают от нападений дикой собаки динго, похожей на нашего волка.

Недавно железнодорожный рабочий Франсис Кэрли изобрел средство отпугивать динго «огнем», укрепленным на хвосте овцы.

Это попросту небольшой металлический диск с велосипедным рефлектором в центре. Края диска покрыты фосфоресцирующим веществом и в темноте производят впечатление светящегося огненного круга. Диск прикрепляется к шерсти овцы крепким зажимом.

При нападении хищника овца, естественно, бросается наутек, причем поворачивает к нему красные огни дисков. На такой прыгающий красный «светофор» не решается броситься ни один волк.

Британское правительство недавно закупило на острове Порто-Рико большую партию гигантских бразильских жаб и отправило их на остров Маврикия, в Индийском океане, в качестве экспедиционной армии на борьбу с опасным насекомым — паразитом сахарного тростника *Phyphalus smithi* (фиппалтус смити).

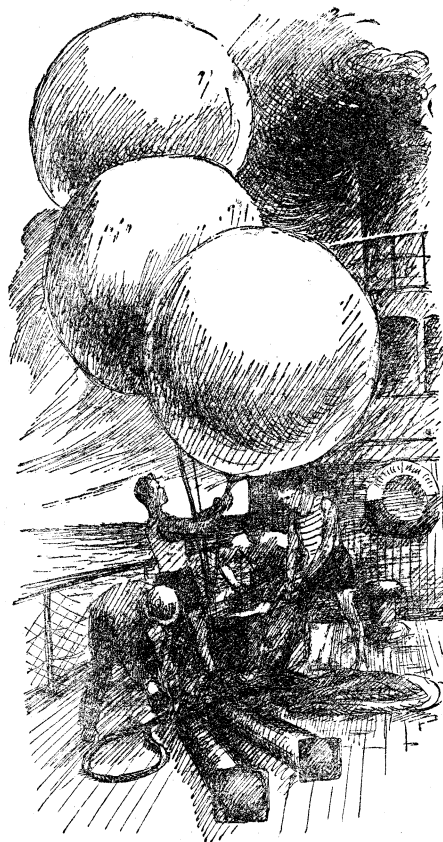
Эти жабы достигают размера 18—20 сантиметров и очень полезны тем, что уничтожают массу насекомых-вредителей. Они быстро размножаются и прекрасно выносят дальние перевозки морем и по железной дороге. Партии жаб посылаются в другие страны, где разводится сахарный тростник, в том числе и на Гавайские острова.

Один из крупных американских музеев недавно сделал интересный научный кинофильм, дающий точную картину развития яйца черепахи.

Для съемки в стенку яйца было вделано маленькое стеклышко. С помощью особого приспособления в течение всего периода развития яйца через определенные промежутки времени производились съемки зародыша. Киносъемочный аппарат с соответствующим увеличением был закреплен над яйцом и действовал автоматически.

В результате получилась ясная картина того, как постепенно образуется тело и органы животного. На экране прекрасно видны все мелкие детали и даже пульсация сердца зародыша.

Яйцо черепахи было избрано для этого опыта потому, что оно развивается при нормальной комнатной температуре.

Быстро надулись резиновые оболочки.

Колониальная Африка

Африка — страна огромных богатств и огромных возможностей. Но империалистические государства, движимые лишь одной заботой — как бы побольше нагрabить, как бы выкачать побольше богатств и прибылей из туземного населения, превратили ее в свою колонию. Пресловутая цивилизация, которую якобы несут европейские завоеватели в колонию и о которой так любят говорить в метрополиях, сводится в основном к тому, что местное население приучают к алкоголю и сбывают ему втридорога плохие, дешевые товары.

Десятки и сотни племен, населяющих Африку, живут подчас бок о бок с англичанами, французами, итальянцами, бельгийцами, но уровень культуры и быт этих африканских народов отстает на много веков назад.

Ниже мы помещаем фотоочерк, дающий некоторое представление об укладе жизни нескольких африканских племен, живущих на территории английских колоний Нигерии и Камеруна, Французской Экваториальной Африки и Бельгийского Конго.

Город Кано, столица северной Нигерии, является резиденцией местного эмира.

Эмир Кано — самый богатый из туземных властителей Африки. Он имеет более чем полумиллионный доход со своих владений. Эмир — самодержавный повелитель над двумя миллионами подданных ему хаусов.

В самом городе Кано живут около 90 тысяч хаусов. Здесь же живут 300 англичан, которые ведут вполне европейский образ жизни. Несмотря на это, хаусы живут так же, как жили их предки несколько веков назад.

Примитивная выработка тканей и кожаных изделий является основным кустарным промыслом жителей города.

Эмир Кано в сандалиях из страусовых перьев.

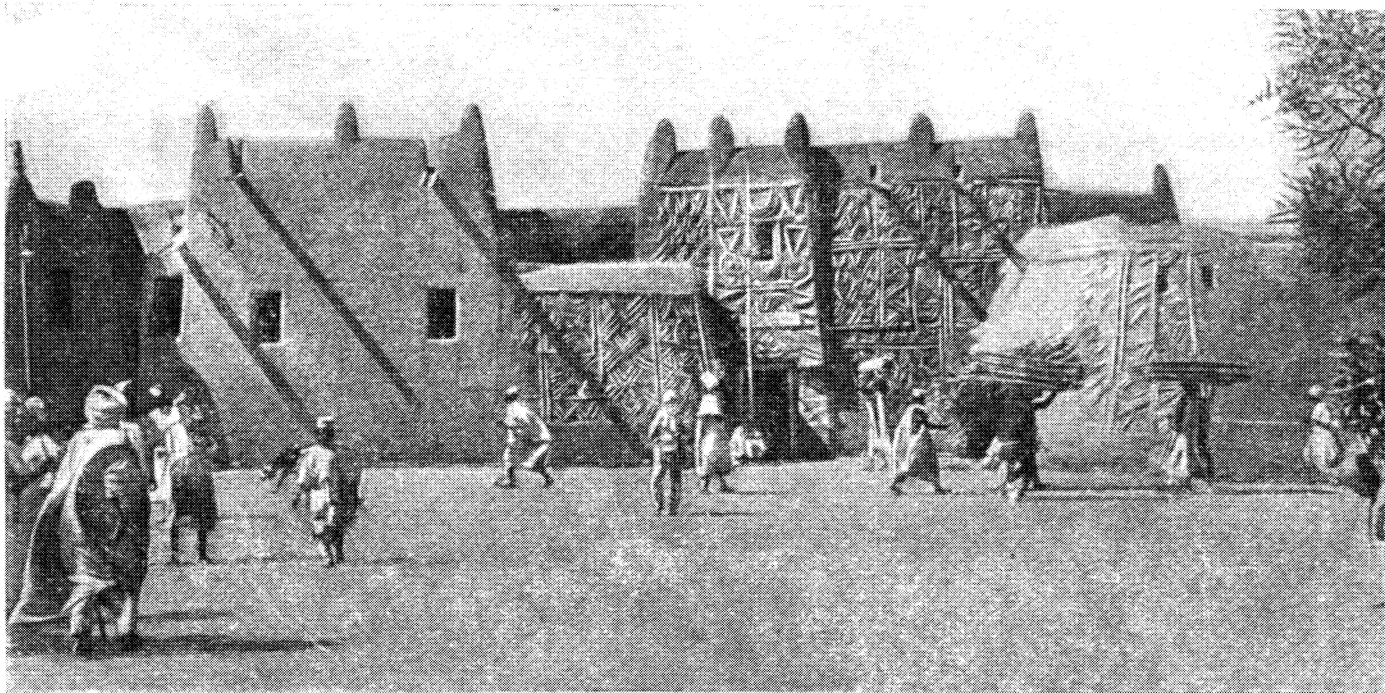

Символические танцы балетной труппы султана Аяту I.

В северном Камеруне (бывшая колония Германии) начинается Экваториальная Африка. Этот район окружен высокими горами. Главный город северного Камеруна — Гаруа — стоит на реке Бенуэ.

В Гаруа живет местный царек Султан Аяту I. Этому монарху мало тревожит крайне низкая степень культуры, в которой пребывает его народ. Больше всего султан заботится о своей балетной труппе, состоящей из девочек в возрасте от 12 до 14 лет.

Балерины султана исполняют символические танцы, сопровождаемые барабанным боем и раздражающим уши воплем, который здесь почитается за пение.

Один из кварталов города Кано.

Ламидо производит смотр своим войскам. Слева — пехотинцы образуют почетную стражу.

Женщина Убанги, зажавшая губами коробку с кинолентой.

В полной дикости живут негры племени Убанги, населяющие часть Французской Экваториальной Африки.

Каучуконосы и масличные пальмы, которые в изобилии произрастают в Убанги, почти не разрабатываются. Племя Убанги до сих пор культивирует дикий обычай. В детстве у девочек продырявливают верхнюю и нижнюю губы, и в эти отверстия вставляются маленькие

деревянные пыжи. Со временем эти пыжи заменяются пыжами большего размера, пока не достигнут величины супной тарелки. Кожа губ становится настолько эластичной, что растягивается и сжимается, как резина.

Сотни лет назад этот дикий обычай был введен с целью отвратить от женщин Убанги охотников за рабами. Сейчас уродливые губы так же привились, как коротко остриженные головы. Однако есть, пить и разговаривать обезображенным женщинам чрезвычайно трудно.

В нескольких километрах от города Гаруа (северный Камерун), на реке Бенуэ, расположены владения царя Ламидо-Буба-Ямада. В его царстве, носящем название Рей-Буба, живет 50 тысяч человек, основное занятие которых охота, главным образом на леопардов, ткачество ковров и земледелие (рис, картофель, горох). Все они являются полными рабами своего царька, который владеет ими со всем их достоянием. Психология рабов и сознание полной принадлежности своему господину так глубоко пронизали жителей Рей-Бубы, что если кто-либо из них получит вознаграждение за ту или иную услугу, оказанную иностранцам-путешественникам, то, будь это даже за 100 километров от резиденции Ламидо, он немедленно отвезет полученное вознаграждение своему господину.

Преклонение жителей Рей-Бубы перед своим повелителем довольно

хитро поддерживается самим царем. Так, например, он появляется перед своим народом не чаще одного-двух раз в год. Причем это «явление народу» обставляется очень торжественно. Ламидо взгромождается на художественно декорированный трон, который несут рабы. Для этого выбирают наиболее сильных и атлетически сложенных рабов, так как сам Ламидо весит больше ста килограммов и рост его равен двум метрам.

Британская империя предоставляет Ламидо фактическую автономию. Это — награда за услугу, которую оказал Ламидо англичанам и французам во время империалистической войны 1914—1918 годов.

Сейчас армия Ламидо насчитывает 15 тысяч человек. Она имеет самое разнообразное вооружение. Некоторые воины носят средневековое вооружение, другие одеты в панцири, металлические кольчуги, сабли их похожи на сабли крестоносцев. Есть специальный отряд лучников, вооруженных длинными луками.

Главная деревня, иначе говоря столица Рей-Бубы, окружена низкими глиняными стенами. Дома в деревне, образующие узкие кривые улочки, тоже сделаны из глины. Из глины сделан и огромный дворец Ламидо.

Во дворце Ламидо имеется гарем, в котором содержатся 400 жен царя.

Все это мирно уживается с цивилизацией европейцев, беспощадно эксплуатирующих свои колониальные владения.

В пустыне Усть-Урт

Счерн и фото АНАТОЛИЯ КОМАРОВА

КОЛОДЕЦ В ДОЛИНЕ КАРТ-САЙ-СОР

— Колодец есть! — Слышатся оживленные возгласы с автомобилей. Экспедиция останавливается у едва заметного колодца. Здесь будет наш гравиметрический, магнитный и астрономический пункт. В неисследованной долине Карт-Сай-Сор находка этого колодца очень ценна.

Колодцы — основной источник жизни в пустыне Усть-Урт. Они расположены по большим караванным дорогам и отдельным тропам, обычно на расстоянии 25–40 километров, равном суточному переходу верблюжьего каравана. Но можно ехать день, неделю и не встретить колодца.

Колодец, у которого остановились, сооружен основательно и прочно. Наверху лежит массивная каменная плита, он очень глубок. Внизу, в каменном срубе, едва видна вода. Вода оказалась солоноватой, насыщенной минеральными солями и с большим количеством сероводорода. Запах сероводорода заставляет нас отворачиваться от поднятого из колодца ведра с водой. К счастью, этот запах скоро уменьшается, и вода становится менее «пахучей». Других колодцев с пресной водой здесь почти не найти.

Суров и неприветлив Усть-Урт. Пустыня занимает пространство между Каспийским и Аральским морями, между Кара-Кумами и Могул-жарскими горами. Усть-Урт — это более 160 тысяч квадратных километров. «Усть» можно перевести на русский язык как возвышенность, а «Урт» — равнина, и действительно Усть-Урт является равниной — поднятым плоским плато. Путешествуя через эту пустыню, мы хорошо ознакомились с растительным и животным миром. Он небогат: низкие травы и кустарники — биюргун, джусан, баялык, белая и черная полынь, ковыльные травы, и только на склонах гор и в долинах встречаются заросли саксаула. Из животных — главным образом джейраны, встретить джейранье стадо — не редкость, а охота на них доставляет большое удовольствие.

ЛАГЕРЬ В ПУСТЫНЕ УСТЬ-УРТ

Автомобили разворачиваются у колодца и прямо на песке останавливаются. В вырытую яму заграбывают массивный колоколометаллическую подставку для научного прибора, раздаются удары топора, растягиваются палатки. Быстро вырастает маленький экспедиционный лагерь.

В большой палатке гравиметристы устанавливают точные приборы для исследования силы тяжести земли.

Магнитолог «боится железа». Он с прибором покидает лагерь, и вскоре из-за холма показывается верхушка топографического зонта. Астроном настраивает к предстоящим ночным наблюдениям универсальный инструмент. В палатке начальника шипит гипсотермометр. Шоферы возятся с машинами. В кухонной палатке повар Тоня командует чашками и кастрюлями — сегодня готовится вкусный обед из убитого по дороге джейрана. Работы в лагере идут полным ходом.

После установки лагеря шофер Коля с винтовкой на плече скрылся в холмах долины. Он обещал вернуться с убитым джейраном. Все голодные, у всех «волчий» аппетит. Обед — самое веселое время дня. Люди все в сборе, и, налегая на пищу, мы весело болтаем. Кто-то мечтательно говорит:

— Представьте теперь картину прошлого. Среди бесконечной пустынной степи слышится унылый звон колокольчика. Медленно идет верблюжий караван. Впереди — запыленный проводник-казах. На первом верблюде, покачиваясь при каждом шаге (верблюд делает 4 километра в час, 120 поклонов в минуту), сидит бледный, одетый в европейское поношенное платье человек. Он бесстрастен, и только глаза выдают его жадный интерес к окружающей картине. Потрескавшиеся пальцы сжимают записную книжку...

— Так путешествовали по Усть-Урту раньше. Несмотря на опасности и большие трудности, некоторые ученые проникали в пустыню, и, хотя полученные сведения имели случайный, маршрутный, характер, в значительной степени связанный с расположением колодцев, — это были первые ценные сведения о пустыне. Карта Усть-Урта составлена с помощью съемок и описаний военных отрядов и ученых, пересекавших пустыню на основе сведений кочевников-скотоводов.

— Только в последнее время было начато систематическое изучение и обследование Усть-Урта. Стремительные советские автомобили внесли революцию в исследование Усть-Урта. За один час автомашины проходят расстояние суточного перехода верблюжьего каравана. Благодаря автотранспорту, мы, начав год назад большие научно-исследовательские работы, успешно заканчиваем их. Уже сейчас полученные нами данные заставят по-новому взглянуть на геологическое строение Усть-Урта.

Время за обедом и оживленной беседой идет незаметно. Вдруг мы вспоминаем, что Коля еще не вернулся с охоты. Начинаем беспокоиться. Решили подождать немного и идти на поиски.

РАССКАЗ ОХОТНИКА

— За первым же песчаным холмом пропал наш лагерь. В настороженной тишине слышно шуршание песка под ногами. Узловатые, странные кусты саксаула, стройные песчаные акации растут по склонам и верхушкам холмов. Следы джейранов попадают на каждом шагу. Я с охотничьей страстью шагаю вперед, уходя все дальше от лагеря.

Проходит полчаса, час. Неожиданно с вершины вниз, в небольшой котловине, я вижу джейранов. Несколькими мгновениями нужно, чтобы передернуть затвор, а джейраны уже мчатся по склону, — еще секунда, и они скроются за холмом. Поспешно я стреляю. Пуля поднимает струйку песка, один из джейранов красиво подпрыгивает, и, когда я, запыхавшись, избегаю на вершину, вдали видны мелькающие хвосты джейранов. Я промазал!

С большой осторожностью продолжаю охоту. Напуганные выстрелом, джейраны не подпускают близко, и только вдалеке иногда мелькают их грациозно-стремительные фигуры.

Неудачная охота начинает надоедать, пора в лагерь. Охотничий пыл прошел, и я устало бреду по своим следам, начинаю чувствовать жажду. Досада, даже фляжки с водой не взял впопыхах! Следы резко повернули в сторону, и вскоре я запутался. В какой стороне лагерь, куда идти? Я растерялся.

От жары пересыхает во рту. Остановившись, я кричу и прислушиваюсь, но тихо кругом. Выстрел из винтовки также остается без ответа. Измученный физически, я беру в рот жесткую траву, но она не утоляет жажды, рот связывает терпкий и горький вкус.

Я забрался в скудную тень тощего куста, но и здесь, нагретый шедрыми лучами солнца, песок обжигает. Сидеть без воды невыносимо, поднимаюсь и, шатаясь, шагаю без надежды, только бы уйти от раскаленных холмов. Сознание исчезло, и я падаю около куста...

Вечерняя прохлада оживила меня. Собрав силы, я поднялся.

Где лагерь, куда идти, я один в пустыне!

И вдруг, далеко, у края горизонта, появилась светящаяся точка, она разрастается, делается ярче, наконец, мне ясно — это мелькает свет горящего костра.

Энергия появилась в измученном теле. Как во сне, бежал я вперед на огонь.

Не помню, как я упал, и, когда очнулся, ощутил руки, поднимавшие меня, и освежающую струю воды. Я был спасен...

Так рассказывал в лагере Коля, отдохнув немного и выпив почти

ведра воды. Утром мы оставили злополучное урочище Карт-Сай-Сор и выступили дальше в глубь Усть-Урта.

В ДОЛИНЕ АССАКЕ-КАУДАН

Прохладно в опрятной туркменской кибитке. Легкие войлочные стены задерживают зной каракумского полдня. Приятно, сидя по-турецки на коврах, освежаться кочаем и питательным чалом.

Мы слушаем степенного и неторопливого старика-туркмена, повествующего о своей долгой кочевой жизни в пустынях Средней Азии.

Его рассказ все более и более заинтересовывает нас.

— За колодцами Дахлы и Узун-Кую, начальник, в Устьуртской пустыне есть большая, большая долина. Страшно название этой долины, начальник! Она называется Ассак-Каудан, так мы зовем. Это «Мертвая внутренность» павшего верблюда, барана или овцы. Ученые не слышали об Ассак-Каудан, начальник, и ни один ученый человек не побывал в долине смерти. Бесстрашные люди моего племени, люди пустыни, — кумли, почтенные аксакалы, — и то не все побывали в безводных песках Ассаке. Зимой на Усть-Урте становится холодно, и мы раньше спускались в долину со стадами. На пастбищах в долине зимой якши — хорошо, много корма и топлива. Но летом страшна Ассак-Каудан, начальник! Много лет, ой, как много лет прошло, как никто не спускался на пастбище в долину, и забыто сейчас Ассак-Каудан...

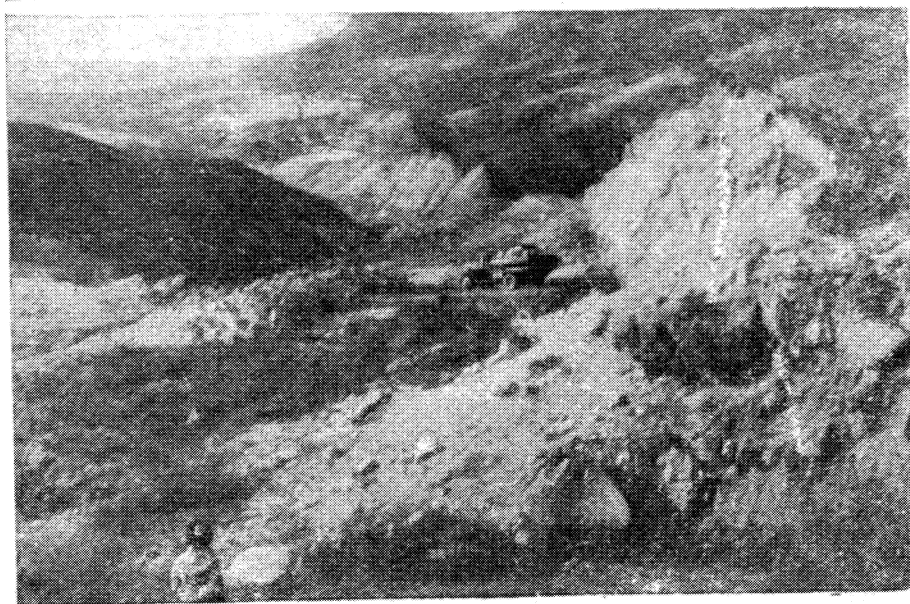
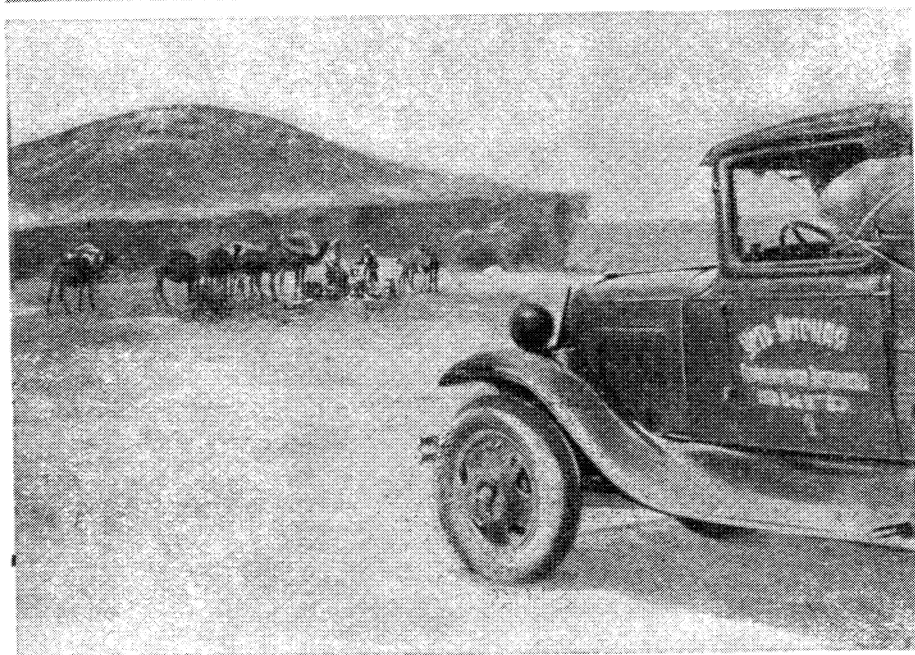
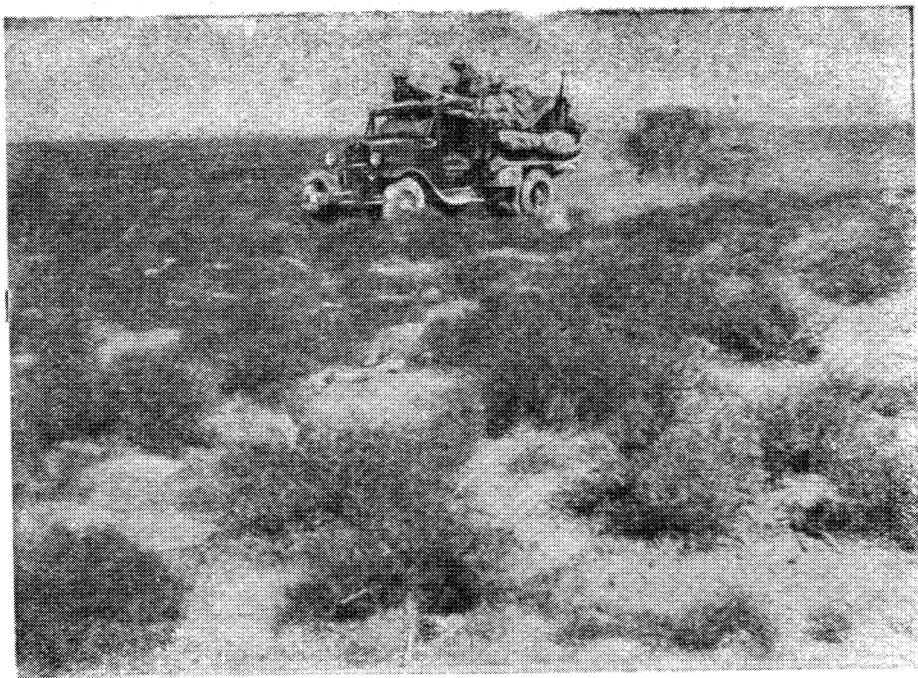
Слова старика скоро оправдались. Крепко запомнился день, когда перед нами открылась легендарная неисследованная впадина. Волнистая равнина Усть-Урта, постепенно понижаясь, окончилась. Начались заросли песчаной акации, черного и белого саксаула. Плотный, твердый грунт, характерный для Усть-Урта, свободно выдерживающий автомобиль, делается все более и более рыхлым. Появляются сложные из кремневых известняков невысокие обрывы, бесконечные валы. Верблюжьи тропы пропали между кустов, иногда виднеется цепочка звериной тропы.

Из Кара-Кумов, как из мартенки, дует раскаленный, обжигающий воздух. Автомобили начинают тонуть в рыхлом лессовом грунте. Клабы удушливой пыли окутывают машины. Как танки, автомобили ломаются вперед. Сзади остаются вырытые колесами машин глубокие канавы.

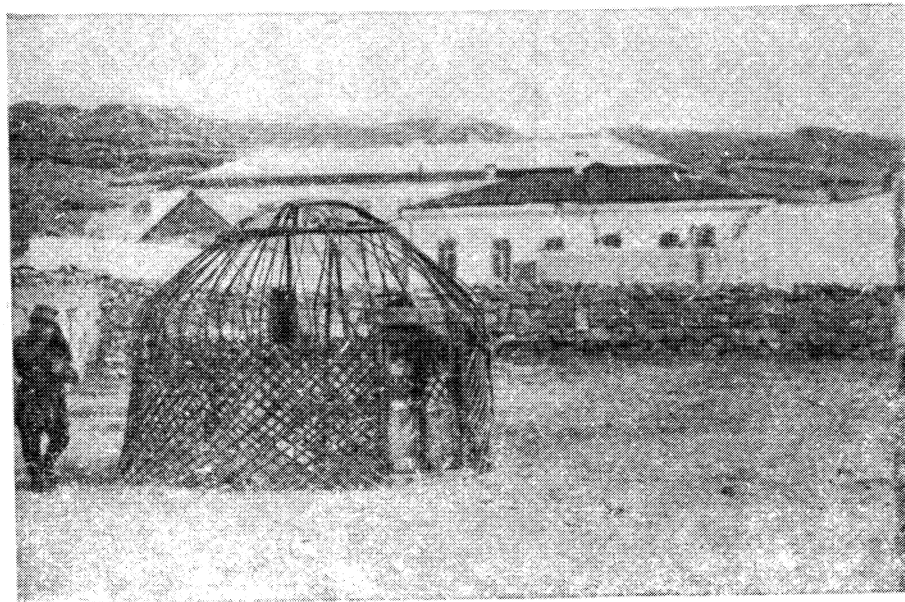
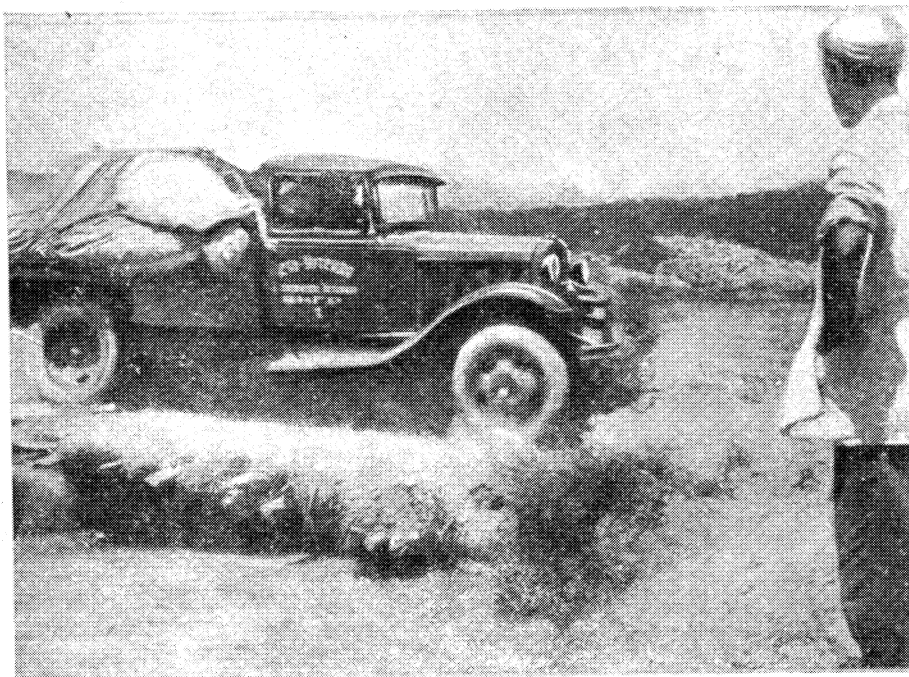
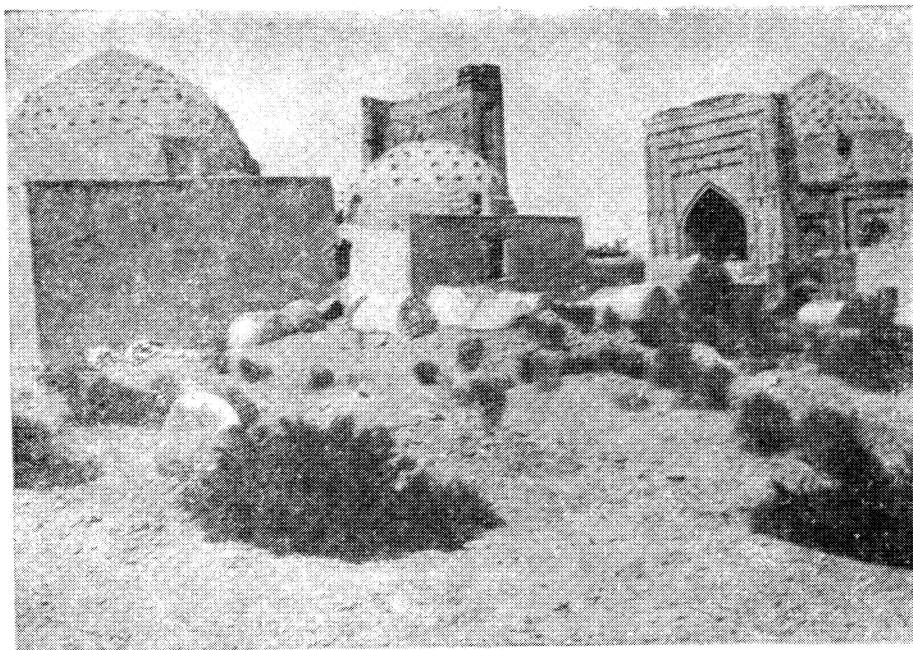
В полдень машины остановились у безмолвных холмов. Воды осталось мало, измученные борьбой с песком, люди с трудом передвигают ноги. Скорее поставить палатку и забраться под спасительную тень.

На снимках (сверху вниз):

1. Машины шли по суровой пустыне Усть-Урт.
2. Один из колодцев пустыни Кукуртли.
3. Машины экспедиции у спуска Маната.

Воды! Воды! Пить! Пить! Эти мысли царят в каждой отяжелевшей голове. В тишине иногда слышится неясный стон, мучительные мечты о воде.

Раздача маленьких порций воды оживляет людей. Не пролить ни одной капли. Медленно выпить до дна. На короткое время уменьшается жажда, а затем она нарастает, и люди томительно ждут медленно приближающегося вечера.

Как во сне, продолжается переход. В напряженной борьбе осваивается километр за километром. Медленно продвигается колонна вперед. Люди самоотверженно помогают машинам, откапывают от песка завязнувшие колеса, на ходу подбрасывают под скаты шалманы.

Проходит много часов. Пески чередуются с полосами белых такыров, пухлых солончаков. Наконец, мы видим за грядой щебня новую котловину, уходящую на юг. Это Сарыкамышская впадина в Кара-Кумах—одно из самых низких мест в СССР. Типичного для границ Усть-Урта обрыва—чинка—здесь не существует. Открытие весьма ценно в географическом отношении.

Со склона далеко видна величественная пустыня Кара-Кумы. Пейзаж смягчается дымкой щедро нагретого воздуха, но нам нет времени любоваться на окружающие картины. Впереди возникают новые трудности. Еще несколько подъемов, и, наконец, в сумерках выбираемся на Устьуртскую равнину.

Наши исследовательские работы подходят к концу. Мы держим путь к людям, в обжитую полосу, в Хорезмский оазис.

Около замолкнувших навсегда развалин крепости Ширван-Кала, где проходит река без воды—Дарьялык, бывшая, по преданию, древним руслом Аму-Дарьи, кончается пустыня Усть-Урт. Мы спускаемся с высокого обрыва и пропадаем в темно-зеленых зарослях тамариска. Машины окутывают клубы пыли. Дорога постепенно оживает. Появляются глубокие следы арб, первый полукочевой аул, затем глиняный кишлак, начинаются зеленые поля, орошаемые водой Амур-Дарьи. Проезжаем первый районный, с пятнами зелени, глиняный городок, влияние могучей оросительной артерии Средней Азии—реки Аму-Дарьи—чувствуется все сильнее. Лагерь мы разбиваем в городе Ташаузе—областном центре, стоящем на канале Шават. Наше интересное путешествие по пустыне закончилось. Усть-Урт раскрывает свои тайны. В местах, где с трудом пробивалась экспедиция, в недалеком будущем колонны автомобилей будут совершать рейсы от берегов Каспия в богатый, цветущий Хорезм.

На снимках (сверху вниз):

1. Мечеть на мусульманском кладбище в г. Куна-Ургенче в Хорезме.

2. По шатким хорезмским мосткам переправлялись автомобили экспедиции.

3. Город Форт-Александровск.

Зверь на границе

Н. ЛОВЦОВ

Рисунки Н. НИКОЛЬСКОГО

Была ночь. Ветер выл, свистел. Сухой, колючий снег, как пыль, поднимался, застилая долину.

Пятые сутки хозяйничали над землей ветер с морозом, приводя в ужас все живое население тайги и долины.

Редкие корейские фанзы, с резными дверями, заклеенными бумагой, были занесены снегом до самых крыш. Только высокие деревянные трубы дымоходов торчали из снега, похожие на стволы оголенных деревьев.

Трубы дымились. Люди как могли спасались от непогоды. Все население фанз размещалось на теплых канах—этих своеобразных нарах, под которыми проходят дымоходы. Чтобы скоротать время, старики рассказывали о голоде, о проделках диких зверей, об охотниках былых времен.

А в это время долиной устало пробирался громадный полосатый зверь. Ветер вздымал его шерсть, от холода зверь вздрагивал, глухо ворчал, но все же неуклонно полз к лесу, чтобы в затишье спастись от ветра и чем-нибудь поживиться.

Глаза у хищника злобно блестели, бока подтянулись, с усов свисали желтые сосульки. Тигр ничего не ел трое суток. Он обошел всю долину, осмотрел кустарники, обследовал тальниковые заросли над безымянным ручьем, но нигде ничего не нашел.

С первыми порывами северного ветра птицы переселились в густые

чащи тайги и там спокойно отсиживались, найдя защиту от ветра и даже пищу—замерзшие плоды дикой яблони и барбариса.

Тигр прекрасно знал свои владения. В его долине всегда паслись стада козулей, изредка заходили пятнистые олени и изюбри, летом спускались из тайги барсуки и еноты, в изобилии водились золотистые фазаны. А сейчас его долина опустела, и он бежал из нее, отдав без боя свои земли ветру.

Долина была широкой и тянулась в глубь страны на сотни километров. Со всех сторон ее окружали горы, покрытые густыми лесами. Здесь и приютилось несколько фанз корейцев. Но они сеяли пайзу, чумизу, сорго и овощи. Ранней весной, когда кончались последние горсти пайзы, всей семьей выходили они к ручью собирать сладкие коренья.

Тигр не любил запаха людей, он не терпел человеческих голосов и особенно запаха дыма человеческих очагов. Но в эту ночь, когда, усталый, злой и голодный, тигр бросил бесплодные поиски пищи в долине и, наконец, добрался до опушки тайги и укрылся от ветра за сваленной бурей ильмой и когда вдруг на него повеяло запахом человеческого жилья и вместе с ним приятным, раздражающим запахом свиней, полосатый зверь большими прыжками помчался к корейским фанзам. От фанз до тайги было недалеко. Шагах в двадцати от челове-

ческого жилья зверь прилег. Инстинкт самосохранения говорил ему, что связываться с людьми опасно. Он еще помнил, когда в детстве они с матерью напали на тропу человека. Мать была голодна и увлекла его по этой тропе. Вскоре с запахом человека он почуял запах свиней и, обогнав мать, кинулся вперед. Но тут раздался страшный грохот, из кустов выскочило пламя, и его чем-то сильно ожгло в бок. Он перевернулся через голову, вскочил, кинулся назад, а после долго зализывал себе рану в боку. Мать его куда-то скрылась, оставив тигренка одного. Этот грохот, связанный с запахом человека, свиней и железа, тигр запомнил на всю жизнь и всегда избегал его.

Через месяц оправившись от раны, он опять наткнулся на человеческие следы, но на этот раз трусливо повернул в сторону и без оглядки ушел из родной тайги. Он шел от опасных мест несколько дней, пока не добрался до этой долины. Противный запах человека останавливал его, но запах свиней и голод гнали вперед.

Тигр медленно пополз к частоколу. Попад в двор, он смелее направился к маленькому хлеву, утонувшему в снегу. Свиньи были где-то тут, за стеной, совсем близко. От предстоящего обеда у зверя задвигались усы, ярче блеснули глаза. Он нетерпеливо хватил лапой по стене, не зная, что это была дверь, стена чуть подалась, и на него пах-

Глаза хищника злобно блестели...

нуло теплым запахом хлеба. Зверь нетерпеливо просунул в щель нос, нажал головой, дверь сухо треснула, и он оказался в хлеве. В темноте он не смог увидеть свиной, но чутье подсказало ему, где они лежат. Тигр прыгнул, придавил одну из них своей тяжелой лапой и тут же запустил в жаркое и горячее мясо свои страшные когти.

Он рвал еще живую и трепещущую свинью. Она огласила маленький корейский поселок диким предсмертным визгом. Заметались в хлеву остальные свиньи и с визгом выскочили во двор.

На визг свиней из фанзы выскочил молодой кореец. В руках он держал смолистую головню, ветер разметал пламя, и огненные искры дождем рассыпались по снегу.

Увидя на дворе свиней, кореец подбежал к хлеву, осветил его факелом и обомлел. Перед ним выросла громадная окровавленная морда тигра.

Факел выпал из рук корейца, его сразу же занесло снегом, и головня с шипением потухла. Кореец дико

закричал, от испуга у него подкосились ноги, и он упал перед хлевом. Тигру показалось, что человек подбирается к нему. Он бросил свинью, злобно заревел и кинулся на человека.

В фанзе услышали крик молодого корейца и рев тигра. Повыдергав из очага головню и вооружившись топорами, лопатками и палками, люди выскочили во двор.

Тигр, высоко закинув голову и придавив лапой безжизненное тело молодого корейца, злобно поблескивая глазами, огласил долину страшным ревом. Корейцы в страхе попятались. Только один из стариков не растерялся и крикнул женщинам, которые испуганно выглядывали из дверей, чтобы они подали ему котелок с горячими углями.

Когда котелок был поставлен около старика, он подошел с ним ближе к зверю и стал закидывать тигра раскаленными углями. Поступок старика придал корейцам бодрости. Из всех фанз были вынесены котлы с головнями, с углями, и все это огненной лавиной полетело в

страшного хищника. Зверь, злобно ворча, трусливо прижался к земле, но, когда одна из головешек угодила ему в бок и у него вспыхнула шерсть, тигр схватил корейца поперек тела и громадными прыжками скрылся с ним в снежной мгле бурной ночи.

При каждом прыжке ожог на боку вызывал резкую боль. Зверь злобно рычал и, сжимая в зубах свою добычу, бежал все дальше, подгоняемый страхом от боли в боку. Под утро, когда ветер утих и небо прояснилось, зверь достиг широкой луговины, прорезанной небольшой речкой. Тигр поднялся на холм, положил около куста ольхи тело корейца, растянулся рядом и, настроженно прислушиваясь, стал зализывать обожженный бок.

Горы, лес, снега покрылись лиловыми сумерками. Вскоре на востоке расплескались по небу палевые лучи, и сразу посветлело. Над холмом стрекочущей стаей одна за другой пролетели голубые сороки, с реки из-под острова раздалась мелодичная и скромная песенка оляпки—единственной певчей птички, зимующей здесь в это суровое время года.

За рекой прошел наряд пограничников. Напротив, на другом берегу реки, застыли, укутанные в меха, две фигуры японских часовых.

Один из красноармейцев зорко осматривал реку. Вдруг он вытянулся, с минуту не отрываясь смотрел на зарубежные сопки, и, резко повернувшись к товарищам, хрипло прошептал:

— Ребята, тигр!

— Где?—заволновались красноармейцы.

— Врешь.

— Нет, не вру,—и Семенов протянул руку на далекий холм, где тигр рвал человеческое тело.

— Да нет ничего.

Как красноармейцы ни напрягали зрение, они ничего не могли увидеть. В это время подъехал с двумя пограничниками лейтенант Шилов.

— Что заметили?—был его первый вопрос.

— Товарищ лейтенант,—стал докладывать один из наряда,—Семенов где-то увидел на корейских сопках тигра.

Лейтенант вынул из чехла бинокль и стал смотреть на холм, указанный Семеновым.

— Верно!—сообщил лейтенант.—Тигр здоровый и рвет человека. Посмотрите.

— Товарищ лейтенант,—обратился Семенов к начальнику,—хочется мне в этого людоеда пулю всадить, ведь охотник я, из здешних мест, на своем веку двоих зверей подстрелил.

— Ну и глаза у тебя!—с восхищением говорили красноармейцы.

— Нельзя, товарищи, не на нашей земле он!—с печалью в голосе проговорил лейтенант.

Но тигр, повидимому, тоже заметил людей и быстро скрылся за холмом.

Под вечер, проходя с собакой вдоль границы, Семенов заметил свежий след. Он остановился, но собака рывком подтянула его к следу. Пес глухо ворчал. Семенов взглянул на след и радостно воскликнул:

— К нам перебрался, ну, прощайся с жизнью!

Полосатый хищник, дойдя до железной дороги, в недоумении остановился у рельсов и недовольно заворчал. Два дня зверь бродил около железнодорожной насыпи, не решаясь перейти полотно. Его не так пугал вид железа и запах масла и человека, как частые гудки и длинные составы поездов с огненными, невиданными еще им паровозами впереди. Тигр по несколько часов сидел в кустах, напряжались и приготовившись к прыжку. Он боялся, что огнестрельные и крикливые чудовища могут сойти с насыпи и наброситься на него. Инстинкт самосохранения заставил его сначала пойти вдоль полотна. Скоро он оказался около одинокой избушки путевого сторожа. Рядом стоял хлев, сколоченный из шпал. Хлев был построен крепко и закреплен в углах железными скобами.

Зверь несколько раз обошел вокруг строения, прислушиваясь к повизгиванию свиней за стеной. Он ударил лапой, но стена не шелохнулась. Хищник злобно заурчал, еще раз обошел вокруг хлева и заметил щель. Он оказался перед дверью. Тигр прилег перед ней и тронул дверь лапой. Доски не поддавались. Но тут сама свинья пришла ему на помощь. Наверное, ей показалось, что к хлеву подошла с кормом хозяйка, и она, радостно повизгивая, начала толкать дверь своим тупым носом. Дверь чуть подалась, тигр в щель запустил лапу, сверху упала щеколда — и тигр очутился в хлеве. Свинья, испуганно завизжав, бросилась в темный угол.

В эту ночь Елена, молодая жена путевого сторожа, осталась в избушке одна. У мужа был день отдыха, и он уехал за покупками в город. Елена, закончив хлопотать по хозяйству, прилегла, но заснуть долго не могла. Она мечтала о близкой зиме и о том, как они с мужем в свободное время пойдут в тайгу белковать. Они уже второй год во время своего отпуска охотничали в тайге. В прошлом году они сдали государству на 1000 с лишком рублей одной пушнины. В этом году был большой урожай орехов, а стало быть, и белки. С этими мыслями она задремала, как вдруг услышала пронзительный визг своей чужки. Елена живо вскочила, накинула на голову платок и выбежала на двор. Рассвет только занимался. Еще с крыльца Елена заметила, что дверь от хлева открыта. Свинья уже не визжала и только из глубины хлева раздавалось глухое урчанье.

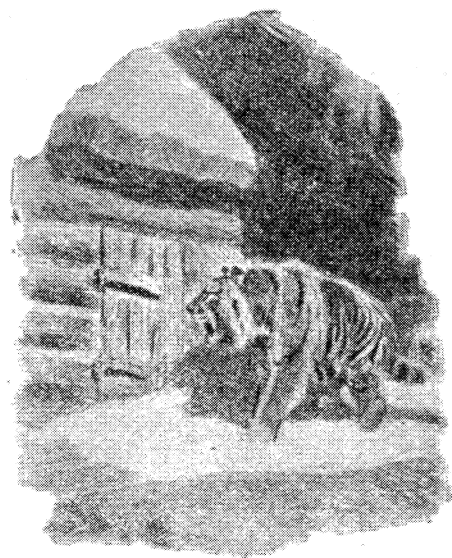
Елена поняла, что в хлев забрался какой-то зверь. Но недаром она была дочерью охотника, недаром прожила двадцать лет в тайге. Осторожно подкравшись к двери хлева, она ловко ее захлопнула и прикрыла щеколды. Из хлева раздался грозный звериный рев, от которого, казалось, затряслись горы и тайга. Елена сейчас же кинулась к шпалам, сложенным поленницей у насыпи, и, вскидывая одну за одной себе на плечо, стала торопливо закладывать ими дверь.

Она раскраснелась, сердце усиленно и радостно билось. И когда дверь была крепко заложена, Елена, лукаво подмигнув, весело крикнула:

— Попадется, голубчик, посиди, посиди...

Со зверем нужно покончить, но как ей одной справиться?

Дмитрий должен прийти к вечеру, а до этого времени слушать у себя под боком звериный рев не особенно приятно. Елена решила бежать за помощью на пограничную заставу. От будки путевого сторожа до заставы было не больше двух километров.

Тигр направился к маленькому хлеву...

Через час она вернулась с целым отделением красноармейцев, во главе которых торопливо спешили лейтенант Шилов и пограничник Семенов. Семенов все время допытывался, большого ли тигра поймала Елена.

— Да не видела его, ревет у меня в хлеву и ревет, вот жалко больно, что чужку задавил. Хорошая чужка была, — говорила Елена.

— Ну, если у тебя в ловушке тигр, горевать тут нечего, — успокаивал женщину лейтенант.

— Значит, будет у тебя десять свиней.

— Нет уж лучше коровенку, — заделалась от удовольствия Елена.

— Пусть будет корова.

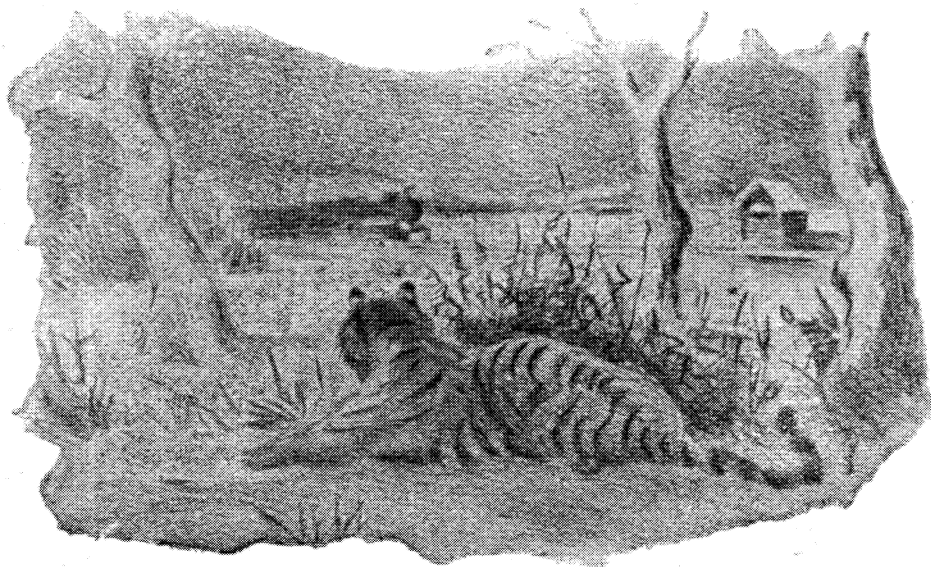
Когда красноармейцы окружили хлев, тигр метался в нем так, что стены уже начали пошатываться, а в двери лопнуло несколько сухих сосновых досок. Лейтенант на всякий случай поставил трех лучших стрелков у дверей, а сам с Семеновым стали вытаскивать из пазов хлева мох. Когда через щели в хлев проник свет, они увидели громадного тигра, который с грозным видом лежал посередине хлева, готовый к прыжку.

Мускулы у зверя вздрагивали, он бил хвостом, и глаза горели злобой.

Лейтенант просунул в щель дуло винтовки. С другой стороны нацелился в зверя Семенов. Два выстрела прогремели одновременно.

Громадную тушу вытащили пограничники на двор. Полосатая шерсть ярко отливала на солнце, морда у зверя была в крови. Красноармейцы с восхищением смотрели на таежное чудовище. Семенов наклонился, смерил лапы и весело объявил, повернувшись к командиру:

— Товарищ лейтенант, это и есть прошлогодний нарушитель границ и людоед. След его. — И, взглянув на Елену, добавил: — Молодец, товарищ!

Тигр по несколько часов сидел в кустах...

Тайна исповеди

Рассказ УОТСОНА ХИЛЕРА

В Америке, в этой стране хваленной демократии, процветает целый огромный мир бандитов всех мастей и оттенков. Власть ведет борьбу с преступниками, но темплошь и рядом оказываются ловчее, увертливее и даже влиятельнее, чем блюстители закона. Не меньше вреда, чем отъявленные бандиты, приносят подчас те, кто призван служить высоким гуманным целям «спасения души человеческого». Отцы духовные своим ханжеством, своим лицемерием способны прикрыть и оправдать любое преступление над личностью, совершаемое в законном порядке.

Об одном из таких примеров американской действительности и говорится в этом коротеньком рассказе.

Воскресный вечер был испорчен мелким леденящим, холодным дождем, который начался неожиданно, а затем шел уже непрерывно.

Рикки поспешил прервать свою прогулку и, вернувшись, принялся с большим аппетитом уничтожать обильный обед в американском вкусе: вареный маис, жареный цыпленок, бифштекс с луком, яблочный пирог. Все это завершалось чашкой черного кофе. Обед несколько тяжелый, но вполне удовлетворявший Рикки, крепкого двадцатипятилетнего парня.

Когда со стола было убрано, он откусил кончик сигары и развернул газету, от которой еще пахло свежей типографской краской. Закурив сигару, Рикки начал читать.

Шапка, набранная гигантскими буквами, в 5 сантиметров высотой, тянулась вдоль всей первой страницы:

СЕГОДНЯ В 1 ЧАС НОЧИ В ГАЗОВОЙ КАМЕРЕ БУДЕТ КАЗНЕН РОБЕРТ БЕЛЛОК.

Машинально Рикки посмотрел на часы. Четверть десятого. Он подумал: скоро начнут выходить специальные издания, чтобы каждый час информировать любопытных американцев о результатах последних просьб о помиловании, обращенных адвокатом Беллока к губернатору.

Еще накануне губернатор штата Алабама заявил, что не намерен вмешиваться в свершающееся дело правосудия.

Рикки начал чтение статьи, где «последние известия» подавались короткими, броскими фразами, украшенными полицейским и бандитским жаргоном.

«Сегодня Роберт Беллок задохнется в газовой камере. Даймонд Джим, король бандитов, ничего не смог сделать, чтобы спасти грязного убийцу. Дело Роберта Беллока круто идет под гору. Участники пари, которые надеялись на политическое влияние Даймонда Джима, теперь стараются вернуть свои ставки. Повидимому, Беллок помилован не будет. Кино и радио разносят сегодня по всей стране заявление м-ра Майкеля Флагерти, отца маленькой жертвы. Вот оно:

«Двенадцать присяжных признали Роберта Беллока виновным в похищении, в истязаниях и в убийстве моей дочери Джюни. Злодей-бандиты не сжалились над бедной десятилетней девочкой, растерзав ее. Роберт Беллок отрицает свое участие в гнусном

злodeянии и утверждает даже, что, случайно находясь на месте убийства, сделал все возможное для спасения моей девочки. Жалкая ложь! Доказано, что бедная Джюни убита тремя выстрелами из револьвера Роберта Беллока. За кровавое преступление злодей должен заплатить своей жизнью. Никакой пощады этому негодю! Я прошу губернатора остаться при своем решении — не давать помилования единственному участнику похищения, чья вина установлена!»

За стеной капли дождя продолжали падать... Рикки содрогнулся. Его сигара потухала, он сделал одну за другой четыре или пять глубоких затяжек и задумался.

«После такого заявления, — думал он, — осужденный должен оставить всякую надежду. Губернатор никогда не осмелится...»

И он вспомнил другие статьи, появившиеся в разгаре процесса несколько недель назад. Судебные хроникеры давали тогда понять, что присяжные, под влиянием решительного отрицания Беллоком его участия в убийстве, могут сохранить подсудимому жизнь. Увы! Как изменчивы люди! Сегодня те же хроникеры вместе с отцом погибшей девочки старались подтолкнуть осужденного к бронированной двери газовой камеры.

Рикки чуть заметно пожал плечами и снова взялся за газету. Но не успел прочесть и трех строк — дверь за его спиной тихо отворилась. В то же мгновение Рикки вскочил на ноги.

В дверях неподвижно стоял священник. На губах его играла грустная улыбка.

— Добрый вечер, Роберт Беллок, — сказал он.

Рикки бросил сигару.

— Добрый вечер, отец. — Голос Рикки дрожал.

Священник приблизился, протягивая руки. Тюремщик запер дверь камеры, этой комфортабельной, даже уютной камеры смертников. Рикки предложил свое кресло посетителю, а сам сел, свесив ноги, на край кровати.

— Роберт Беллок, — проговорил священник, — у меня есть для вас радостная весть...

С минуту он колебался, потом продолжал:

— Послушайте, Рикки, вы все время утверждали, что неповинны в убийстве маленькой Джюни...

— Это правда, отец! Я не убивал, клянусь честью!

— Успокойтесь, не надо так волноваться... Я должен признаться, что некогда вам не верил... до сегодняшнего вечера. Но теперь я вам верю. Больше того: я знаю, что не вы стреляли в девочку.

С изменившимся лицом осужденный поднялся.

— Откуда вы узнали? Кто мог...

— Да, Рикки, человек из шайки Даймонда Джима, который разоружил вас и стрелял в маленькую Джюни Флагерти из вашего собственного револьвера, был у меня в церкви. На исповеди он признался во всем... Он рассказал, как вы, Рикки, пытались оказывать сопротивление Даймонду Джиму... как глава шайки велел разоружить вас... как Даймонд Джим потом всем участникам своей банды обеспечил алиби и употребил все свое влияние, чтобы погубить вас.

— Вы все знаете, вы скажете!.. Я буду жить! — вскочив, закричал Рикки. Радость жизни закипела в нем с новой силой.

Священник перевел дыхание.

— Постойте, Рикки, — проговорил он. — Тот, кто исповедался, сказал мне: «Если вы можете сделать что-либо для Рикки, не говоря никому ни слова, за исключением его самого, — сделайте это. А если нет, то помните, что я исповедуюсь, а ведь вы должны соблюдать тайну исповеди...»

Мертвенно бледный Рикки пошатнулся, потом прислонился к стене.

— Отец, — пробормотал он, — должен ли я понять, что вы...

Молчание священника испугало его.

— Отец, отец! Подумайте обо мне! Мне дали заказать последний обед... Меня угостили сигарой... Скоро за мной придут.

Лицо его искривилось судорогой ужаса, священник вытер глаза и простер руку к Рикки.

— Бедное дитя мое, эту весть я принес вам для утешения вашего. Попытка спасти маленькую Джюни искупает все ваши грехи. Вы прощены богом и можете умереть спокойно.

— Я не хочу умирать! — иступленно закричал Рикки. — Спасите меня, отец. Говорите! Не позволяйте им задушить невинного!

Священник покачал головой.

— Ничего не могу сделать для вас. Священник не имеет права нарушить тайну исповеди, иначе все будут проклинать его. Этим я погубил бы свою душу...

Священник поднялся, подошел к Рикки и положил ему руку на плечо. Оттолкнув его резким движением, осужденный бросился к двери, стал колотить в нее кулаками, ногами. Появились два тюремщика. Рикки стал умолять их.

— Этот священник знает, что я не виновен! — кричал он. — У него был один из людей Даймонда Джима...

В глазах обоих сторожей, обращенных к священнику, отразился вопрос.

— Этот человек не знает, что говорит, он теряет рассудок, — медленно отчеканил духовник и поспешно удалился из камеры.

Сторожа пожали плечами и также вышли.

Роберт Беллок, которого еще недавно друзья называли Рикки, в отчаянии опустился на пол.

Ровно в час ночи в газовой камере он был казнен.

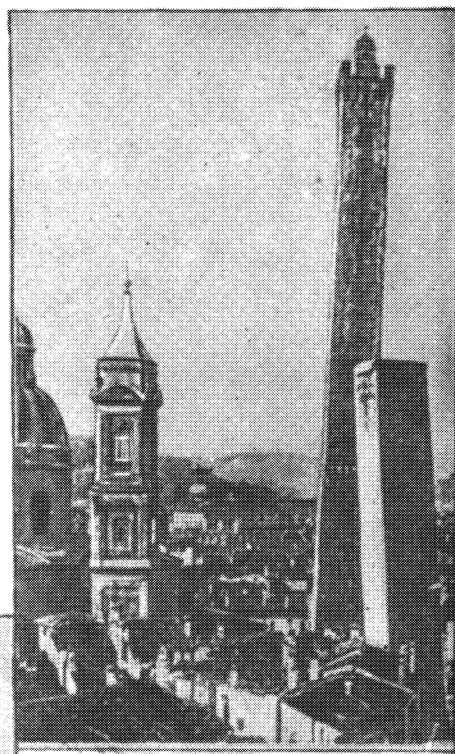
Перевод с французского В. Барковой.

Падающие башни

Эти падающие башни возведены в разные времена. Архитекторы были далеки от мысли сделать их наклонными. В этом повинны грунт и время.

Вверху слева: Пизанская башня (54,86 метра высотой), строительство которой продолжалось 200 лет (1174—1350 гг.). С тех пор башня наклонилась более чем на 5 метров.

Ниже: башня в городе Ульме (Германия) высотой в 27 метров. Легенды говорят, что она пошатнулась от ужаса перед злодеяниями, которые творил властитель города — немецкий рыцарь.

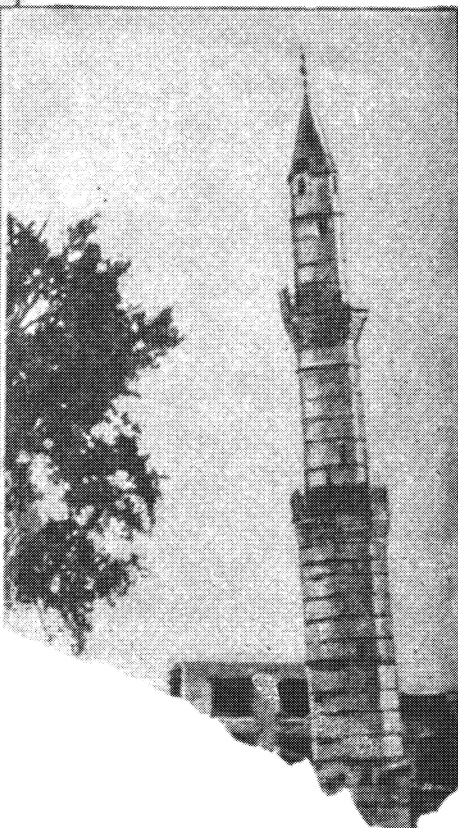
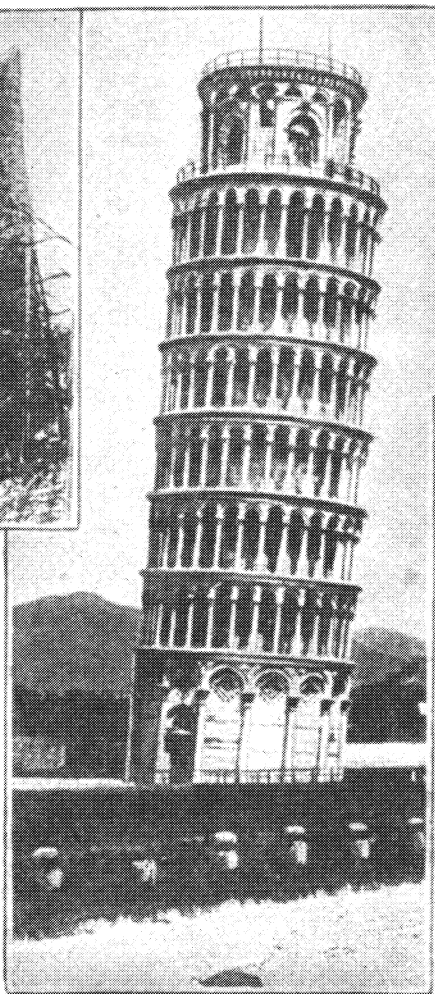
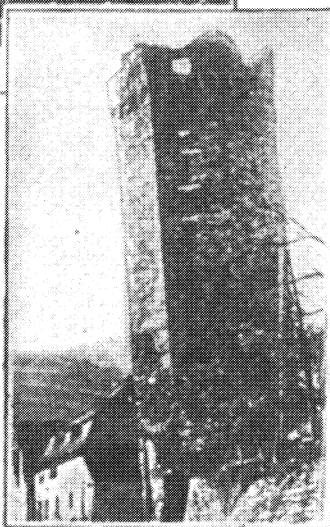

Внизу слева: колокольня в городе Сан-Морице (Швейцария), падающая 350 лет.

В середине: древняя сторожевая башня старинной крепости в городе Бад-Зме, возведенная римскими войсками.

Справа вверху: болонские башни (XII века), падающие в противоположные стороны.

Внизу: минарет города Джедды (Аравия).

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая г.»
Ответственный редактор М. '

Уполномоченный Главлг
Бумага 62 × 94 см. 1/4.
МГ. 153. Сдано
в печать

